

В. Панфилов

ХОРОШИЙ ДЕНЬ ДЛЯ ЗОМБИ-АПОКАЛИПСИСА

Василий Сергеевич Панфилов
Хороший день для
зомби-апокалипсиса
Серия «Неписи», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
2022

Аннотация

«... он ударяется черепашкой о стену так, что у меня сердце от испуга заходится – убил?! Но алкаш будто не чувствует боли и продолжает резво размахивать руками, пытаясь ухватить меня и кажется – кусить. В узком коридоре, освещённом единственной тусклой лампочкой, престарелый маргинал кажется персонажем низкобюджетного фильма ужасов, аж до кишок пробирает...»

Содержание

Первая глава	4
Вторая глава	34
Третья глава	65
Четвёртая глава	101
Пятая глава	129
Шестая глава	163
Седьмая глава	199
Восьмая глава	252
Девятая глава	282
Десятая глава	341

Василий Панфилов

Хороший день для зомби-апокалипсиса

Первая глава

– Блять... – повернувшись на бок, я накрыл голову подушкой, спасаясь от шума во дворе, но минуту спустя скинул её из-за душной жары, – как же вы, суки, заебали! Белочка у них, блять!

Раз уж проснулся... Не открывая глаз, я зашарил рукой по дивану, надеясь на прекрасное, но вместо круглой Натахиной задницы наткнулся на кота, сделавшего «кусь»

– Пидорас шерстяной! – в сердца ругнулся я.

– Пф-ф! – отшипевшись, кот тяжело сиганул на разложенную гладилку, на шкаф, и повернувшись ко мне откормленной жопой кастрата, принялся вылизывать бесполезное хозяйство, утонувшее в густой пепельно-полосатой шерсти.

– Вот и поговорили... – сев на скрипнувшем, давно продавленном диване с торчащими пружинами, потёр мятое лицо руками, и вспомнил наконец, что у Наташки в магазине сегодня какая-то проверка или инвентаризация. А значит, опять придёт поздно, злая как три собаки, и из секса у нас

будет только церебральный вариант.

– Ну и что встал? – оттянув резинку семейников, спросил я, – Спи давай!

Нашарив ногами разношенные тапки, сунул в них ноги и по-стариковски прошаркал в крохотный санузел, изрядно облагороженный моими силами.

«Плитку надо бы переложить» – по-хозяйски подумал я, восседая на белом троне с сигаретой в нечищенных зубах.

– Надо бы... – протянул я вслух, делая затяжку и стряхивая пепел в консервную банку, стоящую справа на узкой полочке, – но нахуй! Когда из секаса остался только мозгоёбство, то не сильно и всралось! Да и Маринка намёки намёкивает.

Думая об упругих прелестях Маринки, умылся и почистил зубы, затем вернулся в комнату, надеясь на тишину, покой и благость. Увы, во дворе молодожёнки продолжали орать – громко, изобретательно и с театральным надрывом. Пожелав алкашне всего хорошего и любви побольше, нацепил наушники, и найдя свою подборку, сделал музыку погромче, забывая уличный шум.

– Что насчёт пожрать? – задался я извечным вопросом, открыв дверцу кредитного огромного холодильника, совершенно неуместного в крохотной, бедно обставленной комнатухе, – Йогурты, снова йогурты, колбаса...

Понюхав машинально, я засомневался. Не, запаха не было... после ковида нюх у меня так и не восстановился, да и

вкус не полностью. Но вид у колбасы такой... не заветрившийся даже, а ветеранский. Заслуженная колбаса!

– ... опять списанную просрочку притащила? Или нет?

Вспомнив, как дристал неделю назад, сварил себе молодой картошки, посыпал найденной в холодильнике зеленью и умял за милую душу. Долив коту воды и проверив лоток, уселся играть в Плейстейшен, не отрывая задницу от дивана. У меня первый выходной за две недели, и пошло всё в жопу!

– Ой, мля... – встав, схватился за стрельнувшую поясницу, кряхтя как старый дед, и посмотрел на часы, – хренасе! Два часа уже? Вот это я залип!

Поколебавшись недолго, решил сперва дойти до магазина за сигаретами. Не то чтобы я такой заядлый курильщик, но после обеда вовсе уж тяжело будет. Жара! Погода как с ума сошла, аж мозги плавятся.

– Ключи, деньги, телефон... – босые ноги в кроссовки, дверь на себя...

– С-сука! – отбрасываю валящееся на меня тело прямым ударом ноги в грудаку. Не всерьёз, а так... напомнить вконец охреневшему аборигену о первом разряде по кикибок-сингу. – Совсем алкашня оборзела! – возмутился я, стягивая наушники, – Слышь, Петрович, ты не оху...

– Хыр-р... – отозвался Петрович, скалясь обглоданным лицом и неожиданно резко подаваясь вперёд.

– Да блять! – бью уже всерьёз – в грудь, а потом в голову...

... он ударяется черепушкой о стену так, что у меня сердце от испуга заходится – убил?! Но алкаш будто не чувствует боли и продолжает резво размахивать руками, пытаюсь ухватить меня и кажется – укусить. В узком коридоре, освещённом единственной тусклой лампочкой, престарелый маргинал кажется персонажем низкобюджетного фильма ужасов, аж до кишок пробирает.

– Наркоманы херовы! – на меня накатывает истерика вперемешку с испугом, – Суки! Что вы жрёте такое, что боли не чувствуете!

...и ещё раз, и ещё... пока череп соседа не лопнул при очередном ударе, попав виском об угол.

– Он первый начал, – забормотал я, тяжело дыша, – никуящечки, падла такая... Блять! Даже не по башке в последний раз бил! А хуй ведь кому...

Заперевшись в комнате на все замки, скидываю брезгливо окровавленные кроссовки в угол под дверь, разблокирую телефон и набираю полицию. Снова, и снова...

Пальцы дрожат, и такая тоска накатила... Пизда мне! Все всё понимают, и даже, сука, сочувствовать будут! Но сяду, потому как самооборона у нас нихера не работает! Я не слишком-то верю в явку с повинной, но сейчас как раз тот случай, когда иначе – никак! Может, хоть срок поменьше...

– Занято, бля! Вечно у них... А вдруг действительно? Не-е... – трясую головой так, что были бы мозги – вылетели бы через уши, – быть такого не может!

Включаю телевизор и кусая губы, переключаю новостные каналы, не оставляя попытки дозвониться в полицию.

– ... эпидемия бешенства, распространяющаяся по всему миру со скоростью урагана...

– ... в США нарастает паника... – надрывается муж Скарбеевой¹... этот, как его...

– А, похер! – переключаю на другой канал, и везде тоже самое. Жопа! Глобальная, всемирная жопа!

– Началось... – несмотря на весь ужас происходящего, я чувствуя странное, иррациональное облегчение. Я не убийца! Я...

Новости везде такие, ободряющие. Ситуация под контролем, войска и МЧС уже спешат на помощь, как Чип и Дейл!

Соловьёвушкин так убедительно и неистово плюётся в микрофон, что кажется – в каждом дворе стоит МЧСовец в полной амуниции. Не удержался, и понимая, что делаю глупость – выглянул в окно.

– Народ! – сунув пальцы в рот, свищу на весь квартал.

– Хыр-р... – десятками спускаемых шин отозвался народ, собираясь под моими окнами и задирая наверх оскаленные рожи.

– Да ну нахуй! – с колотящимся сердцем отскочил от окна и закрыл его, включая кондей. Снова Соловьёвушкин...

¹ На всякий случай предупреждаю – «зомбятина» с элементами АИ и параллельного мира. Фамилии и персонажи, похожие на наши – совпадение и авторский вымысел!

тупо слушаю его, как плохо в США, и какие молодцы наши власти, а кто не понимает этого, тот трус, дурак, провокатор и предатель Родины. Нужно не впадать в панику, верить и ждать, тогда нас непременно спасут. Очевидно, те самые бравые МЧСовцы, которые уже стоят в каждом дворе.

Накатывает желание поверить ему и ждать... встряхиваюсь, и включив телефон, проверяю сообщения и звонки. Мама, снова мама... друзья, дядька сообщение скинул. Набираю номер...

– Мам? – облегчение волной – жива! – Всё хорошо, мама!

Вру напропалую, самыми яркими красками расписывая Натахину молодожёнку, бронированную дверь и холодильник, набитый вкусной и полезной жрачкой.

– Сама как?

– Хорошо! Всё хорошо, Володя! – слышу из трубки самый дорогой для меня голос, – Мы с девочками на базе отдыха, здесь всё хорошо!

Очень надеюсь, что она не слишком врёт. Правда, там и «девочки» такие, советской ещё закалки – поездки на картошку в институтские времена, турпоходы, по две-три дачи у каждой и девяностые за плечами. А с «девочками» на базе и «мальчишки» – однокурсники. Поседевшие, полысевшие, обзаведшиеся лишними весом и обременённые семьями, но нет, списывать их со счётов рановато...

... так, по крайней мере, хочется думать.

Наконец жму отбой и начинаю обзванивать остальных.

Половина не отвечает, и Натаха тоже...

Вот дура! Расстаться хотел и... да, связывать с ней дальнейшую жизнь я точно не планирую, потому что дура! Как можно всерьёз относиться к отношениям, начавшимся со лжи?

Когда на фотках фемина моего возраста и вполне приемлемой комплектации, а на встречу приходит дама лет на десять постарше и килограммов на пятнадцать тяжелее, это сигнал! Не то чтобы с моей стороны были какие-то чувства, но я хотя бы честно писал – командировочный, пробуду в Липецке около полугода, ищу симпатичную даму с жильём на это время. Без обязательств! С меня – вклад в домашний бюджет и помощь по хозяйству!

Ни любви, ни особой привязанности, да и секс в последнее время хреновый, но... я должен хотя бы попытаться вытащить её! Потому что пока она – моя баба, пусть и трижды овца! Та-ак...

Заметавшись по квартире, в срочном порядке набираю воду во все ёмкости, включая пустые пластиковые бутылки, которые Наташка неведомо зачем хранит под мойкой, и делаю ревизию шкафов и холодильника.

– Мусорные пакеты... нахера столько? – потом вспоминаю, что водопровод и канализация в ближайшее время скажут «Ёк», и срать придётся... да, в эти самые пакеты. Ну или просто свешивать жопу из окна!

А в целом – бестолково. Много сомнительной колбасы и

молочки, винишко. Пачки с мюслями, какие-то диетические хлебцы, которые Натаха поводилась лопать с колбасой. До хрена лекарств, но всё больше всякого говна, вроде просроченного парацетомола и таблеток «от живота» сомнительной ценности. Ну да, с «заслуженной» колбасой в холодильнике без активированного угля никуда!

Примерно прикинув, что мне и нам нужно, одеваю свою «рыбацкую» одёжку, то бишь камуфляж из секунд-хэнда, обуваю берцы и выглядываю в глазок.

– Сука! Что ж я телился! – в бешенстве бью кулаком по стене и снова приникаю к глазку в надежде, что «стая товарищей» дважды покойного Петровича куда-то делась. Нет... жрут-с! Четыре... или пять? И это только те, что на виду!

– Повторять недавний подвиг, забивая зомби голыми руками, как-то не тянет, – нервно бормочу я, пытаюсь придумать выход из ситуации. А не придумывается!

Квартира Натахина, из моего здесь только Плейстейшен, одежда и инструменты. Ах да, ещё сантехника в сортире! На свои кровные ставил, своими руками.

Пять минут спустя я был близок к отчаянию. Болгарка и молоток с трудом тянут на холодное оружие, и если одного тщедушного зомби-Петровича я смогу уверенно ушатать молотком на открытом пространстве, то ввязываться в драчку сразу с несколькими, да в коридорной тесноте... нахер!

Проще вон... из окна шагнуть! Хотя тоже не вариант, четвёртый этаж не девятый, выйдет только ещё живая «отбив-

ная» под стоны, звучащие для зомби как «кушать подано».

– Трубы срезать, что ли? – всерьёз примерился, но быстро вспомнил, что они пластиковые, – Бля, и тут засада!

Сев на пол, я обхватил голову руками и некоторое время сидел в тупой прострации. Потом, не без труда заставив себя шевелить мозгой, принялся вспоминать соседей и их привычки. Пока без ясной цели, а так...

Мы как сошлись с Натахой, по местным традициям пришлось с кем-то выпить, с кем-то курнуть... ну а с кем-то и подраться! Не в первый раз, и потому алгоритм известен и отработан от и до! Это только кажется, что просто, на деле та-акая психология...

Став в молодожёнке и окрестностях «своим пацаном», познакомился с интересными личностями. В основном, правда, интересность их имела оттенок лёгкой (а иногда и вполне официальной, со справкой) сумасшедшинки.

– Так... – голова ни хрена не работает от жары и стресса, зато в голову лезет почему-то всякая хрень из читанных книжек про зомбиапокалипсис, – первым делом оружие, потом мародёрка.

Вспомнилось наконец, что у соседа через стенку, упитанного немолодого мужика, есть «холодняк». Сам там не был, но из рассказов – говённого качества «мачете для выживания» и... нет, не помню, но не один клинок, это точно!

– Хоть что-то! – приободрился я, и похмыкав, постучал кулаком в стену, разделяющие комнаты. Помнилось мне пра-

вильно, там пусть и не гипсокартон, но перегородка в один полкирпича – это не серьёзно!

– Ногами можно вынести! Стоп! Хм... а если он – того? Перекинулся? Или просто дверь открыта? Бля... Сперва стену ломать, а потом триста спартанцев одну харю изображать?

В итоге я не придумал ничего лучше, чем снять небольшую кувалдочку с рукояти, привязать её на трос, и высунувшись из окна, долбить по соседскому окну этим подобием кистеня. Долбил я долго, до заёба! Но наконец, пластиковое окно начало поддаваться и через несколько минут осыпалось внутрь.

– Ага... – снова ступор, но соображалка подсказала выход из положения! Прикрутив Натахину селфи-палку к оторванному плинтусу, сделал сперва видосик, а потом – для верности, ещё и фоток наснимал.

– Вроде чисто, – констатировал я некоторым сомнением, – визуально хотя бы. Батареи... чугуниевые, выдержат. Стоп! Чего это я...

Разбитое окно в соседской комнате направило моё подсознание по ложному пути, и я уже всерьёз начал было примериваться к металлическим крюкам люстры и бельевым верёвкам в шкафу. Вроде как из окна Натахиной комнаты должен был лезть в соседнее окно, зацепившись «кошкой» за батарею...

– Блять! – бью себя по щекам, – Соберись, Вова! Тупняк какой-то...

Становится стыдно за вандализм с окном – вот на хера было разбивать его, если сразу можно было снять видосик с улицы? Я так-то не великий интеллеktуал, но и подобная тупость мне ни разу не свойственна! Ладно, спишем на стресс, всё-таки не каждый день в квартиру ломится озомбачившийся сосед.

Насадив кувалду на рукоять, в несколько минут разбиваю стену. На всякий случай, дыру делаю маленькую, только чтобы пролезть самому.

– Ну... – крещусь истово, но не уверен, что в правильном порядке, – с Богом!

Нырью в пролом и ужом проскальзываю к соседу. К двери! Заперта. Правда, особо прочной она не выглядит. Так, от местных Шариковых, едва стоящих на ногах, ну может, чуть покрепче. Для модификантов из читанных книжек серьёзным препятствием она точно не станет.

«Хозяина нет, и слава Богу!»

– Нехорошо так думать, – ханжески укоряю сам себя, но получается плохо. Я не слишком-то боюсь смерти, но умереть вот так... не-ет, не хочу!

Обстановка в комнате достаточно богатая, если судить по здешним меркам. Одинокий мужик без жены и детей, с более-менее приличной зарплатой может себе позволить некоторое транжирство!

Телевизор в полстены, крутая приставка, в шкафу куча одежды и обуви «выживальческого» типа. Жаль, размерчик

совсем не мой! У него обувь от сорок четвёртого до сорок пятого размера, у меня тридцать девять и сорок, это ни какие портянки не пойдёт! С одеждой ещё печальней, а жаль... качественные вещи, на удивление.

На стене поверх ковра перекрещены шашка и кинжал, и увы...

– Железо – дрянь, – мрачно сообщаю пустоте, кидая их на кровать. Тесак из серии «Рэмбо, сдохни от зависти!» с зазубринами на обухе, квадратной дыркой посреди лезвия, «кровостоком» (и здесь именно что «кровосток!», а не ребро жёсткости) и толщиной обуха чуть не в сантиметр. Но сталь на удивление добротная, тесаком можно ещё и более-менее толково колоть, а самое главное – рукоять, как одно целое с лезвием, а не сварное говно!

– Уже хорошо... – копаюсь дальше. Увы! Травмат сомнительного качества, пистолет-воздушка – притом самый простой, какие ещё в советских парковых тирах встречались.

Открыв ноутбук, смотрю характеристики травмата и кривлюсь.

– Против зомби не прокатит! Хотя... кто сказал, что моими противниками будут только зомби?

Откладываю травмат в сторону, а заодно и тировой пистолет. Мало ли... может, на голубей придётся охотиться! Заодно, раз у нелюдимого соседа, имя которого я так и не запомнил, стоит принтер, распечатаваю себе карту Липецка на нескольких листах. Город целиком, районы, микрорайоны...

пока интернет работает.

Город я более-менее знаю, но скорее менее, чем более, так что карта не помешает. Планшет и навернуться может, а бумажный носитель в нынешних условиях понадёжней будет.

Выживальческого говна у соседа оказывается предостаточно, но всё как-то мимо! Мотки паракорда и браслеты из него же прямо-таки в торговых масштабах, складные «выживальческие» удочки, нож с пустотелой рукоятью и всяким хламом внутри, целая куча ножей поменьше, массивный бронзовый кастет с крестами на ударных поверхностях – как в фильме «Константин», только помассивней, пейнтбольное ружьё, аж четыре бинокля, целая коллекция компасов...

– Аптечка! Ну хоть так... – вместе с холодильником и Натахиными запасами выходит сносно, если сидеть на жопе ровно и надеяться на МЧС и силовые структуры, – Кстати!

Вспомнив, наливаю воду во все ёмкости и у соседа, ибо... а просто ибо!

– Для сиденья хватит, – говорю, кусая губы, – а выйти...

Представляю себе схватку с пятью «Петровичами» в узком коридоре молодожёнки, и... живым я не выйду. Даже с тесаком!

– Может, подождать? – задаюсь я вопросом, но совесть, сука такая, толкает на поиски Натахи! Мужик я, или кто?!

– ... соблюдайте спокойствие, – доносится откуда-то далеко, – сидите по домам! Власти делают...

Захожу на Ютуб, ищу липецких блоггеров. Есть! Мусор,

мусор... парочка роликов, где авторы снимают видео из окна. Видна та самая машина с громкоговорителем, ну или её клон. Броневичок типа инкассаторского, который просто ездит по улицам в сопровождении другого броневичка, и...
... всё.

Ага, блог какого-то прапора росгвардии!

– Жопа! – его потное лицо очень близко к камере, – Ребят, это полная жопа! Здесь...

Слышится треск выстрелов, мат, и видео обрывается.

– Еба-ать... – меня аж в холод бросило. Это что у них там, уже междоусобица началась? Вот так вот сразу? Впрочем, гадать бессмысленно, ясно только, что на помощь надеяться не стоит. Наверное, будут спасать детей из пионерлагерей, врачей и...

... чиновников с семьями. А, ну да... ещё специалистов. Наверное. А я хоть и специалист, но ни разу не уникальный, рядовой монтажник, и в армии не в спецназе служил, и...

Отбросив мысли, по отработанному сценарию делаю селфи следующей квартиры, и... та-дам! Зомби! Сгорбившееся существо доедает кота, и от этого зрелища я начинаю блевать, едва добежав до раковины. В сетчатку мозга будто впечатывается зрелище кошачьей лапки в окровавленном рту, налипшая на лицо шерсть и мучительно оскалившаяся пушистая голова под ногами бывшей хозяйки.

– Сука! – полоскаю рот, – Зомби ухайдакал, и ничего, а сожранного котика увидел, и пизда? Неженка, блять!

С трудом опознал в существе Ирку, от чего и вовсе загрустнелось. Роскошная баба... была. Вот с ней бы да... замутил бы всерьёз! Раньше...

Поколебавшись, решаю не долбиться к ней в комнату, потому как был пару раз в гостях, и оружия там точно нет, а дверь хлипковата. С одной замбачкой я справлюсь, а с ломящимися в комнату «гостями» вряд ли.

Слева от Натахи живёт Анна Ивановна, на удивление паскудная пенсионерка, отравляющая жизнь всем соседям и родственникам. Не выжившая из ума бабка, а тот случай, когда с молодости сукой была. Анонимки, жалобы участковому, жалобы опеке на посмевших огрызнуться родителей, и прочая, прочая...

Селфи-палка... жила. Ну, царствие ей... или нельзя так говорить? Да собственно, и не хочется.

– Ой бя... – снова интернет – смотрю, как правильно вязать альпинистские узлы. Паракорда, благодаря запасливому соседу, у меня вдоволь. Ах да, кот...

Поколебавшись, решаю оставить его как есть, ибо существо он домашнее, кастрированное и неприученное к улице. Единственное...

Визг болгарки привлёк зомби к квартире соседа-выживальщика, а я, выпилив внизу ма-аленькое окошечко, вернулся в Натахину комнату. Коту хватит. А дальше... жив буду, может и вернусь, а нет... шанс я этому шерстяному пидорасу дал!

Болгаркой же отпилил у соседа кусок трубы чуть больше метра длиной от системы отопления. Благо, не пластик, а нормальное железо, даже не слишком проржавевшее изнутри.

С тесака снял нелепые деревянные «щёчки», вставил рукоять в чуть расплюснутую на конце трубу, закрепил болтами насквозь, потом проволокой, изолентой... Хрень получилась хтоническая, такая мини-алебарда «маде ин гаражи». Но чем богаты!

На верёвке спустил часть инструментов, среди которых была фомка и болгарка, потом тюк с одеждой для Натахи, и...

– Ой, бя! – высоты я боюсь... а куда деваться? Пробытаться вниз с четвёртого этажа, шансов маловато!

– Кис-кис-кис... – решаю дать шанс шерстяному пидорасу.

– Пф-ф...

– Ну как знаешь, – предупредил я кастрата, оскорблённый в лучших чувствах, – тогда сам выживай! А, да...

Снял крышки с кастрюль, вспорол огромный пакет с кормом. Всё! На месяц еды и воды хватит, а загадывать дальше я не возьмусь.

Выглядываю в окно... зомби поблизости нет.

– Ну, с Богом! – одеваю рюкзак, строительные очки на нос, снова крещусь, и перекинув ноги через подоконник, пристально слежу за холодильником и диваном, вокруг которых

обмотан паракорд. Поехали!

Ладони горят даже через две пары брезентовых рукавиц. отталкиваюсь ногами от стены. Вж-жих... вж-жих... вж-жих...

«Я как черепашка-ниндзя!» – вступает в голову дурацкая мысль, но вот я уже стою на асфальте.

– Хыр-р... – в десятке метров от меня, из открытого на первом этаже окна вываливается зомби. Спешно отцепляю верёвки, и алебардой – н-на по башке! Черепушка раскололась, и я поздравил себя с перенесённым ковидом и осложнениями в виде потери обоняния. Иначе... думаю, рвало бы меня знатно!

– С первого раза, – похвалил сам себя приглушённо, пытаясь заглушить страх и ощущение невозможности происходящего. Подхватив в одну руку тук с одеждой, в другую инструменты и алебарду, трусцой припустил вокруг дома, готовясь в любой момент вступить в бой.

В рюкзаке документы – мои и Натахины, две бутылки воды, аптечка, батончики и шоколадки, несколько банок консервов, хлебцы и две пачки геркулеса. Не то чтобы круть... но что было.

Трусцой, трусцой... во дворах бродят зомби, и такое впечатление, будто они действуют по алгоритмам того времени, когда они ещё были людьми. Бабки и молодые мамы – у подъездов, алкаши – в сторонке.

... и все, суки, за мной! Медленно, но неотвратно! Это

что, к «Пролетарскому» я с толпой сопровождающих подойду? Да ну нахуй!

– Бля... – с колотящимся сердцем кидаю в песочницу инструменты и одежду, рюкзак... Э, нет! Рюкзак оставляю! Мало ли, как обернётся, а там аптечка и вода.

– Ну, суки... – голос у меня срывается, – подходите!

Вопреки своим же словам, я первым начинаю действовать. Труцой оббегаю вокруг дома, вытягивая зомби в цепочку. К моей радости, они ме-едленные... движения, как у стариков, неспешные, и почему-то – рывками, когда торопятся.

Перехватив алебарду ближе к концу рукояти, широким замахом опускаю лезвие на голову существа, что несколько часов назад было старой бабкой.

– Почти напополам, бля... – с трудом сдерживаю рвоту, этого мне сейчас никак нельзя!

Зомби-бабка валится на старый растрескавшийся асфальт кучей окровавленного тряпья, и у её тела тотчас возникает затор.

– Хар-р... – с шипящими звуками существа начинают жрать её, а я, оббежав их, опускаю алебарду на шею той, что недавно была молодой матерью... Скалясь, голова, сохранившая идеальную причёску, дико выглядящую при отсутствии щеки, покатилась по газону и остановилась на детской площадке из дешманского, ядовито-яркого пластика.

«Ну тупы-ые!» – мелькнуло у меня облегчённое. Медленные, тупые... но тут же вспоминается сценарий подобного

рода ужастиков, и облегчение уходит. Пока медленные. Пока тупые.

Остаётся только сосредоточенная работа и несколько минут спустя десяток зомби пораскинуло мозгами во дворе пятиэтажки. Но...

... из подъездов и соседних дворов потянулись новые.

– Блять!

– Вов! Ты?! – окликнули меня из окна второго этажа.

– Саш? – подымаю голову, не сразу нахожу несколько расплывшуюся, но всё ещё мужественную и почти красивую физиономию бывшего десантника. Неплохой парень... из тех, у кого самое большое жизненное достижение – служба в армии. ВДВ, и жизнь удалась! А как там дальше, уже не суть важно.

– Ну ты пацан! – продолжает он, перегнувшись из окна чуть не пояса и демонстрируя всё ещё крепкую, но изрядно заплывшую жирком фигуру, – Чётко! Я после вчерашнего пока встал, пока похмелился, а тут хуета! Хорошо, телик сразу включил! А так бы вышел, и пизда сержанту!

– И прикинь? В доме ни хуяшечки из того, что за оружие сойти может! Баллончик, бля! Газовый! И травмат! – он будто оправдывается... – А под дверью – тёща с женой и малым скребутся, прикинь?! Зомби!

Сашка смеётся и истерически и продолжает со всхлипом:

– Погуляли с утра с дитём, сука! Вов! Ты мне хоть шашку в окно кинь, что ли... я их сам тогда, своими руками...

Со второй попытки закинул ему шашку в окно, и продолжил собирать поезд из мертвецов.

«На хуй мне это надо!» – мелькает в голове, но давяю на корню подленькие мыслишки. Надо! Не потому даже, что я положительный герой, а потому, что...

– ... паровозы надо давить, пока они чайники! – выдыхаю, с размаха раскалывая череп грузной тётки в халате. Тесак на конце трубы тяжёлый, толстый, поэтому головы раскалываются хорошо... и хорошо, что именно раскалываются! Не дай Бог, застрянет в черепашке, да в самый ответственный момент!

Ощущение нереальности происходящего – абсолютное. Небо ясное, без единого облачка, синее-синее, как бывает только на рисунках детей. Жарко, летне... в такую погоду только на пляже и сидеть, ну и или выезжать на пикники. А тут – зомби!

– Обидно, сука! – с хеканьем подрубаю ногу слишком шустрого зомби в военной форме с «крылышками», и забежав в сторонку, одним ударом смахиваю голову шеи... а, нет, на лоскутах повисла! Зомби пионерского возраста, в котором я без труда опознал Любкиного мальчишку со второго этажа, остановился, будто в раздумьях, и я, подавив неуместную жалость, делаю взмах алебардой. По асфальту мячиком запрыгала голова с выбритым на затылке патриотичным двуглавым орлом.

– Молодой человек! – тряся жидкими седыми волосами,

пронзительно возвала ко мне бабка с третьего этажа, – По какому праву вы занимаетесь самосудом? По телевизору ясно сказали...

Речь у неё поставлена хорошо, как у бывшего педагога, но изо рта льётся телевизионная идиотия, бездумное повторение сказанного ведущими.

– Обидно, – повторяю я, озираясь по сторонам и пропуская бабкины слова мимо ушей. Сейчас только обратил внимание, что кое-где в окнах маячат бледные физиономии, прильнувшие к стеклу или напротив, спрятавшиеся за занавесками.

«Боты» – мелькает равнодушная мысль.

Сочетание летней яркости, жары, ослепительного солнца на небе и бродящих по улицам зомби кажется неправильным, обидным, едва ли не оскорбительным. Апокалипсис должен начинаться как-то иначе – с воя сирен, ядерных взрывов, землетрясения! Как минимум, погода должна соответствовать ситуации... а тут – солнце!

– Всё вроде, – выдыхаю сипло, и пользуясь возможностью, пытаюсь соскрести с лезвия алебарды налипшее... всякое. Волосы, кусочки кожи, кровяца, говнище. Очищается плохо, и плюнув на всё, несколько раз втыкаю лезвие в песочницу и снова благословляю отсутствие обоняния после Ковида. Даже представить страшно, как же, наверное, воняет сейчас во дворе!

– А, сойдёт! – сплёвываю, глядя на разводы крови с на-

липшим песком на лезвии. Блевать не тянет, но от греха стараюсь не приглядываться к телам, валяющимся во дворе.

– Вов! – окликает меня вышедший из подъезда Сашка с клинком в опущенной руке, – Живой?

– Ну? – не понимаю тупого вопроса, с удивлением глядя на дембельскую форму, не застёгивающуюся на откормленном пузе.

– Не покусали?

– Да нет вроде, – пожимаю плечами.

– А меня... вот, – бледно улыбается он, вытягивая вперёд левую руку, наспех перевязанную бинтом, поверх которого проступила жирная пахучая мазь, – жена.

– Ах ты ж... погодь! – пытаюсь успокоить его и успокоиться сам, – Может, и не будет ничего! Типа, только после смерти, а? И то не факт! Ну, как собака тянула!

– Может, – улыбается он синюшно, но видно, что сам не верит в это, – пойдём? У Сокола дома полуавтомат в сейфе.

– Промыл? – не унимаюсь я.

– Перекисью, почти тут же, – бывший сержант ВДВ выглядит херово, и решительно непонятно, это последствия укуса, или укус плюс психосоматика?

– Пошли, – он решительно не настроен обсуждать укус, – Сокол в том доме, на первом этаже. Вон... где решётки! Он сегодня в смену.

– Я звонил ему... – сержант замолкает, и лицо искажается короткой, почти незаметной судорогой, – а тебе ружьё при-

годится. Сейчас...

Несколькими ударами локтя вскрыв боковое стекло стоящей во дворе чужой «Нивы», Сашка открыл дверь и завёл её безо всяких ключей.

– Ну да, – криво усмехнулся он, заметив мой интерес, – и это тоже! Разное было!

– Где тут... – он закопался в задних сиденьях и вытащил два буксирных троса, – шас дёрнем! Давай, закинь.

– Ага, – подпрыгнув, пропускаю трос через два прута и делаю петлю.

– В сторонку отойди, – приказывает Сашка... или всё-таки сейчас – сержант ВДВ?

Решётка вылетела быстро – видимо, и так на соплях держалась. Напарник подогнал машину прямо под окно, и я, пачкая крышу кровавыми разводами с подошв ботинок, несколькими ударами алебарды выбил пластиковое окно.

– Никого, – сообщаю Сашке, переваливаясь внутрь с алебардой наперевес. Первым делом проверить дверь... запёрта!

– Крепкая, – спокойно сказал сержант, забравшись следом. Его явственно лихорадило, но держится он на удивление спокойно.

– Ключи от сейфа Сокол с собой таскает, – сообщил он, по-хозяйски закопавшись в инструменты приятеля, и вытащил фомку, – а сейф у него...

– ... говно, – закончил Сашка, вскрыв дверцу с первого

же тычка и вытаскивая ружьё, – Вот, МР 155, полуавтомат. Коротыш на шестьсот десять миллиметров...

Он провёл рукой по стволу.

– ... магазин увеличенный, на восемь патронов.

Сержант прервался и замолчал, глядя на моё непонимающее лицо.

– Совсем не волокёшь?

– Ну, – смущённо пожимаю плечами, – «Калаш» могу собрать-разобрать, и всё на этом. Я в армии писарем при штабе служил, и не как в фильме «Брат»! Сам знаешь, если художественная школа за плечами, да ещё и семилетка с отличием, твоего желания особо не спрашивают.

– Н-да... – он потёр загривок, изрядно заплывший жирком, – ладно, решаемо! Сейчас...

Пошарив в сейфе, Сашка достал коробки с патронами от неведомого мне «Главпатрона». Пулевые и картечь.

– Сокол в выживальщики готовился, – горько кривя губы, сказал он, но тему развивать не стал, – Вот, гляди!

Несколько раз собрав и разобрал ружьё под Сашкиным руководством, уяснил порядок действий.

– Масло и прочее, – коротко пояснил он, укладывая мне в рюкзак оружейные принадлежности, – там инструкция, так что разберёшься сам. Да! Глянь, может тебе что из барахла пригодится! Сокол такой же мелкий, как ты... был.

– А сам?! – вырывается у меня.

– Сам? – он усмехается, и взяв сапёрную лопатку, которая

нашлась в квартире Сокола, выпрыгивает из окна.

– Да ёб твою мать! Вот ты где... – торопясь Сашке на помощь, вылезая из окна на крышу «Нивы», держа ружьё наперевес.

– Классуха моя бывшая, – не оборачиваясь, пояснил напарник, кружась с лопаткой вокруг престарелой зомбачки с фиолетовыми волосами, в которых застряли остатки чьих-то кишок, – сколько крови мне испортила, словами не передать!

– Давай я её алебардой ёбну?

– Ты что?! Я в учебке мечтал, как вернусь и лопаткой её перехерачу по башке! Из-за неё, суки...

Он замолчал и снова закружил вокруг inferнальной пенсионерки. Взмах... тонкая рука, покрытая морщинистой грязной кожей, упала на асфальт.

– Мечты сбываются! – пропел сержант.

– Всё, – тяжело дыша, сказал он пару минут спустя, – отвёл душу! Давай пройдем, тут недалеко.

Оказалось, что прямо во дворах был закопан ТТ и больше сотни патронов.

– Ну да, – осклабился он, заметив мой интерес, – бандитом и был!

Упокоив по дороге нескольких зомби, вернулись в комнату Сокола.

– Почистить от лишней смазки, – сказал он, разбирая пистолет, – и дом зачистить о зомби. Пока могу!

– Ты... – слов не находилось.

– Мне пизда, Вов, – спокойно сказал сержант, кивая на включённый монитор компа, где какой-то блоггер с медицинским образованием раскладывал по полочкам всё, что он смог узнать о зомби за короткий срок, – все признаки! Ты как, со мной?

– Да, – отвечаю глухо. Натаха... если она успела запереться в подсобке, то подождёт ещё часок, а нет...

– Вот и хорошо, – одобрительно кивнул он из начинающегося посмертия, – ты пацан чёткий, это я сразу понял! Вдвоём зачистим дом, а дальше проще. Сам понимаешь, гуртом и батьку бить сподручней!

– Верно, – соглашаюсь, пытаюсь не сорваться в истерику. Понаблюдав немного за чисткой пистолета, пришёл к выводу, что алгоритмы понял и при необходимости повторю, пусть даже медленно и печально.

Пока он возился с оружием, я наспех сделал ростовой щит из двери, снятой с санузла.

– Ну как, не тяжело?

– Нормально, – не сразу ответил Сашка, повесив дверь на сгиб локтя, – в атаку не побегу, но в коридорах самое то! И поставить на пол можно. Ну что?

– Пошли.

– Я впереди, – качнул он пистолетом, – ты сзади давай, тылы прикрывай.

– Угум. Давай только народ предупредим.

Выйдя во двор через окно, я засвистел, привлекая внимание живых и немертвых.

– Народ! – заорал я во всю глотку и снова засвистел. Окна начали открываться, – Эй! Слушайте, ёпта! Мы щас с Сашкой-десантурой дома зачищать начнём от замбятины! Готовьтесь!

– К чему?! – перегнувшись через подоконник, заорал толстый одышливый мужик, – По телевизору сказали...

– Слышь, Вадик! – влез Санёк, – Хочешь там сидеть – сиди, за шкирдон тащить никто не станет! А кто хочет выйти – готовьтесь!

– На хуя? – показалась из окна не слишком молодая и изрядно поддатая баба, имя которой я всё никак не могу запомнить, помню только, что парикмахерша, и не очень хорошая.

– Ира, ёб ты! – снова Сашка, – Лично тебе – хоть на три хуя разом, не привыкать! Если кто хочет съебаться отсюда в деревню или в гаражи...

– Затариться в магазине! – перебиваю его, надеясь получить хоть каких-то спутников в этом квесте.

– В магазине мародёрку устроить, – соглашается напарник, – тоже дело! Сидеть на жопе ровно становится проще, когда есть что жрать и чем срать! Ясно?

– Если у кого есть оружие, хоть бы и топор – берите! – подхватываю я, – какая-то защитная амуниция – тоже!

– И какая это амуниция? – снова толстый Вадик.

– Какая есть, бля! – отозвался Саня, – Я за тебя думать не буду! Ну... начали!

Начали мы во дворе, куда на шум подтянулись новые зомби. Расправились мы с ними уже по отработанной схеме, холднюком. Несколько минут, и...

– Видел? – бледно улыбнулся сержант, – Они на меня даже не агрятся.

– Ну...

– Пошли, – он подхватил дверь и решительно вошёл в подъезд.

– Сперва направо, – предупредил он, входя в кишку коридора с единственной тусклой лампочкой в конце, – Я иду, ты сзади и плечами дверь проверяешь. Не резко!

Качнувшись тут же, Сашка показал, что он имеет в виду.

– Если заперта, то заперта, – киваю я, – если нет, то чтоб отскочить успеть.

– Секёшь, – скупно кивнул он, – Ну...

Шаг... дверь заперта. Следующая... сдавленный хрип за дверью, тут же маркером рисую жирную букву «З». Снова, и снова... Первые два этажа прошли без приключений, на третьем к нам медленно, как-то даже нерешительно, заковылял старенький зомби с палочкой.

– Ну бля... – выдохнул Сашка и даже не стал тратить на того патрон, обойдясь сапёрной лопаткой и аккуратно переступая через тело.

– Всё, – констатирую я на пятом, – мы их, похоже, всех

вниз выманили.

– Похоже, – оскалом улыбнулся напарник, – Бля... давай следующий дом, пока не началось...

– Подъезды проверены, – выйдя на улицу, ору как можно громче, – можно выходить! В комнатах с буквой «З» сами понимаете кто! Не лезть! Ну или на свой страх и риск!

– Вы должны зачистить всё здание! – истерично потребовала толстая баба лет сорока с линялыми жидкими кудрями, перевалившись толстыми сиськами с четвёртого этажа на улицу.

– Слышь, ты? – оскалился Сашка, – На хуй пошла, проשמандовка! Должны ей, блять!

Под визгливый аккомпанемент о «не настоящих мужчинах» мы двинулись дальше.

– Быстрее, Вов, – поторопил меня Сашка, лицо которого искажалось в гримасах. В Натахин подъезд он влетел. Первый этаж... никого. Второй... тронутая плечом дверь качнулась внутрь, отчего у меня похолодело в кишках.

В замкнутом пространстве выстрел из ружья прозвучал оглушительно громко и...

– Готов! – дёргаясь лицом, сказал сержант, – Дальше!

На четвёртом этаже встретили «стаю товарищей» имени Дважды Мёртвого Петровича. Два выстрела из ТТ, один – картечью и...

... Сашка развернулся ко мне, скаля удлиняющиеся зубы так, что начали рваться мышцы лица.

– Да... вай, – прохрипел он. Шаг назад... и выстрел, прямо в голову сержанту ВДВ. Ещё один – в раздувшуюся от человеческой плоти тушу последнего зомби из «Стаи».

– Покойся с миром, сержант, – я искренне пожелал ему хорошего посмертия.

Забрав из мёртвой руки пистолет и патроны из карманов, перебросил ружьё за спину, дверь на локоть. Постояв, накрываю его размозженную голову полой задавшегося дембельского кителя, украшенного значками и аксельбантами.

С Сашкой мы никогда не дружили, да и человеком он был не слишком хорошим, но за эти полчаса, я думаю, ему простят все грехи.

– Действительно, – глухо говорю я, чувствуя непрошенные слёзы, – никто, кроме вас!

– Ну, блять... – сплёвываю тягучую слюну и продолжаю зачистку, – за ВДВ!

Вторая глава

– Владимир! – едва я вышел из подъезда, гружёный после мародёрки не хуже верблюда ко мне спешно подбежал толстый, отчаянно нервничающий Вадик, обдав запахами пота, больных зубов и страха, – Общественность провела собрание и выбрала Совет Квартала!

Вадик сказал это с таким придыханием, как умеют только прирождённые жополизы, рассказывающие в курилке о непосредственном начальнике, Светоче Мысли и Самом Человечном Человеке.

– Ну? – я чуть повёл плечом, поправляя лямку тяжёлого рюкзака, и глядя на помятую общественность, сбившуюся стайкой возле «Нивы», – Давай быстрее рожай!

– Совет Квартала, – зачастил он, тщетно пытаясь сохранить торжественный вид и нервничая ещё больше, – принял постановление о мобилизации Евгенова Владимира Николаевича на Альтернативную гражданскую службу²!

– Чего, блять?! – я уставился на него бараньим взглядом и почистил ухо мизинцем.

– Это законно! – разом вспотев, зачастил Вадик и какая-то толстая тётка из «общественниц», выдвинув искусственную

² Альтернативная **гражданская** служба (АГС) в Российской Федерации представляет собой особый вид трудовой деятельности в интересах общества и государства, осуществляемый гражданами вместо военной службы.

челюсть и дряблые подбородки с редкими волосками, выразительно помахала стопкой распечатанных бумаг должествующих, по-видимому, убедить меня в законности происходящего.

– Стопэ! – взмахом руки торможу тётку, начавшую двигаться ко мне с неотвратимостью асфальтоукладчика. Она сделала ещё несколько шагов, но наконец остановилась под моим мрачным взглядом. Затаптавшись на месте, тётка шагнула назад, растеряв неотвратимость и даже будто сдувшись, – Какая, на хуй, общественность? С хуя ли вы проводили собрания и что-то там постановляли обо мне без моего участия? Что за хуета, народ?

– Владимир Евгеньевич, – Вадик сложил руки перед собой, а выражение его лица приняло странное выражение служебной необходимости и плаксивости. Будто чувство Служебного Долга борется в нём с личным неприятием происходящего, – Вы должны понять, что общественное во все времена превалировало над личным!

– Да ладно? – удивился я.

– Владимир Евгеньевич! – ко мне шагнула дама лет сорока с непонятным гаком, рыхлая и дородная, но с детским, несколько даже кукольным лицом, на котором её несколько обвядшая кожа и двойной подбородок казались чем-то противоестественным, – Вы молодой, здоровый, тренированный мужчина...

Она журчала ручейком, говорила «Владимир Евгенье-

вич» и то и дело прикасалась то к руке, то к плечу, выпячивая обильное декольте размера этак седьмого, колышущееся, как пакеты с кефиром.

– ... ну зачем вам оружие? – ласково уговаривала она меня, заглядывая в глаза и прижимаясь грудью к руке, – Вы молодой, здоровый и не побоюсь этого слова – эталонный мужчина!

Общественность кивала и нестройно поддакивала, соглашаясь с каждым словом предводительницы.

– А здесь... – широко повела рукой престарелая кукла, – женщины и дети!

Я смутно удивился, что к «женщинам и детям» она, по видимому, причисляет Вадика, равно как и ещё с десятков мужчин.

– Женщины? – перевожу взгляд на Вадика...

... и в это время меня рванули за рюкзак назад и вбок!

Развернувшись, на автомате бью бэкфист, пробивая в голову худому мужику в новеньких кедах, грязной ЛДПРовской футболке не по размеру, обвисшей мешком на покатых плечах, и лоснящихся от старости спортивных штанах.

– Сука! – он взвыл и присел на корточки, обхватывая за кровившую голову, выронив арматуру, обмотанную чёрной матерчатой изоляцией.

– Идиот! – взвыла баба-кукольника, ещё сильнее выпячивая грудь и делая шаг ко мне, – Владимир Евгеньевич, это недоразумение!

В её голосе появились нотки, которые она, наверное, считала завлекающими, но прозвучали они на редкость фальшиво, да и разница в возрасте...

Не слушая её, срываю с плеча ружьё и пячусь в сторону от общественности, стараясь глядеть во все стороны разом.

– Игорёк, дебил! – продолжила баба, благоразумно остановившись в отдалении от меня.

– Мразь! – перебивая кукольную, пронзительно взвизгнула ещё одна представительница общественности, вылетая из сбившей в кучу отары и несясь ко мне с лицом Фурии Революции, вытянув вперёд худые, но рыхлые руки с длинными ногтями, украшенными облупившимся красным лаком, – Как ты посмел тронуть моего мужа!

Уйдя в сторону, с силой бью лоу по бедру Фурии и направляю на заворочавшуюся общественность ружьё.

– Что за на?! – в голове у меня до странности спокойное отношение к происходящему, но подпускаю в голос истеричную готовность стрелять во всё, что движется, – Народ, вы в конец охуели?

– Игорёша, дебил! – козлячьим тенорком завопил кто-то из мужчин, спрятавшийся за спинами женщин, – Если (!) не отдаст! Если, сука! Ты разницу понимаешь?!

– У-убили! – держась за ногу, выла ушибленная, сидя на загаженном асфальте. По потрёпанному её лицу ручейками бежали мутные слёзы.

– ... он бы и сам отдал! Сам! Нина Васильевна уже убе-

дила его, а ты, мудака, всё испортил! Всё! – захлёбываясь ненавистью, завопила приземистая жопастая баба неопределённого возраста – от тридцати до пятидесяти, подлетев к Игорьку, всё ещё сидящему на корточках, – Козёл! Скотина!

Она начала бить его руками по голове – плашмя, неумело, но с большим остервенением.

– Не тронь! – завопила супруга избиваемого, не вставая с асфальта, и разразился самый безобразный скандал.

– Владимир Евгеньевич! – прижимая полные руки к груди и обещая глазами и голосом всё и немножечко больше, начала подходить ко мне престарелая кукла, – Ну вы же видите, что происходит? Мы беззащитны! Отдайте нам оружие, Владимир Евгеньевич! Вы молодой, здоровый мужчина, а мы – хрупкие женщины.

– Женщины? – подавился я смешком, показывая дулом ружья на взвизгнувшего Вадика и Игорька, начавшего вяло отбиваться от Фурии.

– Вадик инвалид, – кукла снова прижала руки к груди, – а Игорь Александрович немолод и тоже имеет проблемы со здоровьем! Владимир Евгеньевич, вы легко можете отбиться от зомби даже голыми руками, в крайнем случае – добыть другое оружие.

Очень хотелось поделиться великой мудростью предков и всем богатством обценной лексики, но я сдержался. Пять минут назад я чувствовал за них какую-то ответственность и готов был если не взять под опеку, то как минимум помочь

с выживанием, но...

«Не мечите бисер перед свиньями» – всплыла в голове цитата мамы.

– Да ну вас на хуй, уёбков! – и стволом на толпу, – Съебались от машины по бырому!

По бырому не вышло, но съебались, сталкиваясь друг с другом, перегавкиваясь и подвывая от ужаса.

– Ах вы с-суки... колёса-то зачем было спускать? Ёб вашу... на хуй пошли!

– Владимир Евгеньевич...

– А тебя особенно касается, – я зло посмотрел на грудастую Нину Васильевну и повёл стволом, – вон! Раз...

Взвизгнув, та метнулась в подъезд, и её бегство стало сигналом. Общественность быстро рассосалась, задержались только ушибленные супруги, поливающие меня отборным матом. Но наконец, ухромали и они, с трогательной заботой поддерживая друг друга.

Ф-фу, бля... – скинув тяжёлый рюкзак, начал ревизию стоящих во дворе автомобилей.

– Не имеете права! – не высовываясь из окна, сиреной завопила Нина Васильевна, когда я подошёл к Рено Логану, – Это частная собственность!

– Ага, – ухмыляюсь злорадно, – частная, говорите...

Ещё раз обойдя частную собственность под причитания полногрудой мадам, я насколько мог (а могу немного) проверил пробег, исправность и комплектацию. Для верности

достал планшет и сверился с интернетом, который, о чудо, продолжает работать без перебоев.

Машинка, согласно отзывам, не то чтобы пЭрси́к, но однозначно лучшая из стоящих во дворе! Сносная проходимость, неплохой багажник и так далее.

Не думая долго, закинул туда свои вещи под дружно-матерное многоголосье общественности, а потом прошёлся по другим автомобилям, стоящим во дворе. Бензин, масла, смазки, подходящие по размеру запаски... Нужно, не нужно, потом разбираться буду.

Обходя машины, я свинчивал ниппеля с колёс, разбрасывая их как можно дальше жестом сеятеля. Даже не желание подгадать ближнему, оказавшемуся внезапно не просто дальним, а настоящим сукой, а скорее – здоровая опаска. А ну вдруг да и найдётся мститель? Как сядут в авто, да поедут за мной... а оно мне надо? Вот и я думаю, что нет!

Благо, своими планами по спасению Натахи я ни с кем не успел поделиться.

Вырулив со двора под громкие проклятья, сделал небольшой круг по Кольцу Трубно́го и прилегающим улицам. Автомобилей на дорогах мало, но есть, что радует!

– На Московской и Гагарина ментов и военных нет, – докладываю сам себе, с наслаждением разворачиваясь вопреки всем правилам ПДД и проезжая на Циолковского. Силовиков не оказалось и там, а печалиться этому или радоваться... пока не знаю.

С одной стороны – хорошо, если власть начнёт наводить порядок и отстреливать зомби. С другой – действовать они будут согласно инструкциям, полученным от сидящих в бункере начальников и не владеющих обстановкой. Ну и немножечко...

... в своих интересах. Как, впрочем, и обычно.

А я мало того, что командировочный, так ещё и влетел с этой грёбанной общественностью! Первый кандидат к стенке, ну или в штрафники, что по нынешним временам не слаще и всего лишь отсрочка, притом неприятная.

«Сейчас, наверное, собрались опять всем стадом и рассказывают друг другу, какой я сука и козёл! Версию, блять, вырабатывают! Общую.»

– Жопа, Вова! Жопа! – подмигиваю зачем-то себе в зеркало заднего вида.

Проезжая по Циолковского, внимательно гляжу по сторонам. Кое-где видны следы отстрела зомби, а сквере Маркова экскаватор роет ямину, куда в бульдозерных ковшах стаскивают тела. Остро завоняло гашеной известью, пробивающейся даже через отсутствующее обоняние.

– Ну, гут, – киваю одобрительно, но своей помощи не предлагаю, да и общаться не спешу. Кружок... вырливаю наконец к «Пролетарскому», в котором работает Натаха. Всего-то метров двести от дома, а то и меньше, а столько предосторожностей...

Веру в человечество после «общественности» я не поте-

рял. Ну, публика такая... Здесь, в Липецке, в половине молодожёнок³ химики⁴ жили, да и сейчас либо сами доживают, либо потомки.

Нравы с тех пор несколько смягчились, разумеется. Да и маргиналы в «химических» молодожёнках оказались разбавлены молодыми семьями и незадачливыми мамашами из тех, кого именуют иногда неуважительно РСР⁵. Но в целом...

Вырулив к «Пролетарскому», встал на стоянку, не глуша двигатель и собираясь с духом.

– Ну... с Богом! – похлопав по набедренному карману штанов, где лежит ТТ и две запасные обоймы, вешаю ружьё за спину, и натянув чистые строительные перчатки, выхожу с алебардой наперевес.

Внутри заходить не спешу, и так ясно, что я не первый посетитель. Дверь выломана, витрины разбиты, видны опрокинутые полки с разбросанными по полу товарами и... люди.

– Слышь, ты, фраер ушастый... – походкой вразвалочку вышел через витрину рослый, но довольно-таки рыхлый му-

³ Молодожёнка – в Липецке (в других городах не знаю) так называется квартира-студия советских времён, очень небольшая. Дома такого рода могли использоваться как общежития для «химиков» или обычных рабочих, а могли выделять комнаты молодым семьям (временно, до получения нормальной квартиры) или одиноким людям, не дотянувшим по «заслуженности» до полноценной квартиры.

⁴ **ХИМИК** – Человек, отбывающий наказание или просто работающий на вредном производстве.

⁵ РСР – Разведёнка с прицепом (ребёнком). Пы Сы. Просьба не писать мне гневных писем, это просто жаргон, знакомый ГГ.

жик за сорок с металлической трубой на плече и кобурой на поясном ремне. Не вступая в пререкания, перекидываю ружьё на грудь и берусь правой рукой за цевьё, перекидывая алебарду в левую. Мужик делает шаг назад.

– Понял! – он вскидывает руки с трубой вверх и вынужденно смеётся, – Был не прав, исправлюсь!

Продолжая балболить и растягивая в резиновой улыбке лицо, он встал вполоборота.

Р-раз! Вращаясь как вертолёт, металлическая труба полетела в меня, и я...

... почти успел увернуться. Труба задела по плечу самым кончиком, и ружьё выпало из рук, повиснув на ремне. А рыхлый мужик тем временем резво стартанул, выставив плечо как в американском футболе и почти сходу набрав изрядную скорость.

– Это ты... – выдёргиваю алебарду из уже мёртвого тела, – зря, мужик! Сам набежал...

Голос у меня прерывистый, руки подрагивают, да и ноги... Я. Убил. Человека. Его кровь на моих руках – буквально. Вот она, стекает по металлу на строительные перчатки.

– Ко-оль? – слышался хриплый бас, – Долго ты там?

Из-за стеллажей, щурясь близоруко, вышел напарник убитого, белобрысый мужик примерно такого же возраста и габаритов, разве что заметно более подкачанный. Этаким борец в отставке, с возрастом перешедший на «железо».

– Да бя! – он шарахнулся назад, вскидывая «Ксюху⁶» к плечу. В падении кидаю алебарду в автоматчика, и с такого расстояния – не промахиваюсь! Тяжёлый клинок попал в бедро с внутренней стороны и особых дел не наворотил, но автоматчик, взвизгнув по девчачьи, опустил руки вниз, схватившись за пах. Рефлекс!

Стартую с положения лёжа, выхватывая из-за спины кинжал. Врезавшись в здоровяка, опрокидываю его, подбивая ноги руками и втыкаясь плечом в рыхловатый живот, выбивая автомат из рук. Он достаточно умело берёт меня в гард⁷, но я втыкаю клинок ему в живот по самую рукоять. И снова, и снова...

– Бля... – встаю на дрожащих ногах и старюсь откинуть подальше неуместную рефлексию.

«Я. Убийца!»

Сняв с трупа автомат и два рожка, забираю ружьё и наспех обшариваю магазин в поисках врагов. Но... нет, только упокоенные зомби, сташенные в кучу.

– Натаха?! – откидываю в сторону тела, заметив знакомые шлёпки, – Она...

⁶ 5,45×39 автомат **Калашникова** складной укороченный, АКС-74У, – укороченный вариант автомата АКС74, был разработан в конце 1970 – начале 1980-х годов для вооружения экипажей боевых машин, авиатехники, расчётов орудий, а также десантников. В просторечии «Ксюха». Используется в МВД и охранных структурах из-за небольших размеров.

⁷ **Гард** (guard) – защитная позиция, при которой борец лежит на спине и ногами обхватывает туловище соперника.

Провожу рукой по голове, будто пытаюсь снять шапку, и только пачкая волосы кровью, налипшей на руках.

– Царствие небесное...

Постояв так с минуту, обыскиваю покойников ещё раз, разбогачен на пистолет с двумя обоймами у метателя железа. Марка решительно неизвестна, хотя я и не специалист, никогда оружием не увлекался. Обойм к автомату всего две, одна из них наполовину пустая, и больше патронов нет.

Зато есть ЧОПовские документы.

– Ах ты ж блять... – опомнившись, подскакиваю сперва к зашевелившемуся метателю, и смахиваю кинжалом голову. Хотя смахиваю здесь не совсем верно, скорее – нервно перерубая... Потом здоровяку.

– Не встанут? – пинаю головы подальше от тел. Настроение – поганейшее! День начался паскудно, продолжился ещё паскудней, а до вечера ещё далеко.

– Дебилы, блять, – говорю убитым, – С хуя ли такая агрессия? Или...

Меня пробило в пот... обычно сотрудники ЧОПов так или иначе связаны с полицией и силовыми структурами. Не всегда они из отставников, но всегда имеют связи, знакомства и... знают несколько больше простых смертных.

Вариантов наклёвывается два:

В городе наступает полный пиздец с периодом безвластия и необходимостью рвать тапки как можно быстрее и дальше из Липецка. Только вот куда?

У ЧОПовцев был карт-бланш от властей, и де-юре они были не мародёры, а доблестные защитники продуктовых запасов.

В любом случае мне надо валить отсюда подальше, и не отвечивать.

– Бля...

Сполоснув руки и голову минералкой, ещё раз обхожу магазин. Но нет ни живых, спрятавшихся в подсобках, ни каких-то нычек, сделанных ЧОПовцами. Ни, на что я особенно надеялся – оружия и патронов.

– Та-ак... а что мне надо? – я задумываюсь, и получается так, что надо – решительно всё! Вот вообще всё!

Если в городе начинается пиздец и безвластие, то сейчас, так получается, то самое «окно». Зомби ещё не разожрались, а потенциальные мародёры только принимают к запаху крови и пожаров, одним глазком посматривая в телевизор, где говорят такие правильные и утешительные слова.

Если власть начнут брать силовики, то будет та же жопа, только в профиль. Отстреливать зомби они будут, в этом я несколько не сомневаюсь! Но попутно. А в первую очередь начнут спасать семьи и делить власть, оправдывая себя тем, что они-то Д'Артаньяны в белых пóльтах, и при них народ заживёт!

Надо только потерпеть и бросить все силы и ресурсы на гашение конкурентов. А как только, так сразу... всё для народа! В лице его отдельных представителей.

– Может и не убьют... сразу, – кусаю губы, прекращая работать. Автономка в таких условиях, это не романтическая плюшевая жопа, а вот... кусок афедрона валяется, недоеденный, – Одному тяжело, и прилепиться к коллективу было бы...

– Бля! – стряхнувшись, вспоминаю армейских «шакалов⁸» и нерешительность проходит.

Дёрнувшись за консервами, стопорю первый порыв и ещё раз обхожу магазин, а потом, запоздало обмотав морду запасной футболкой, обшариваю машины на стоянке. Есть! Ухоженный Форд Фокус забит так, что просели колёса.

Добрая половина груза – алкоголь, и по меркам «Пролетарского» даже элитный. Не совсем откровенный контрафакт, и значит, в условиях апокалипсиса может сойти за валюту.

– Консервы... – быстро перебираю груз, – пельмени? На хуй!

Пачки летят на асфальт, туда же ящики с пивом и чипсы. Догружаю авто ящиками мясных и рыбных консервов, крупами и макаронами быстрого приготовления. Хватит!

Затем нагружаю Логан, и ввиду отсутствия хоть какого-то напарника – не слишком вдумчиво. Консервы, крупы, горох, чечевица, мука, соль... и побольше! Туалетная бумага, куда ж без неё...

– Ага! – спохватившись, подметаю с полок все пряники,

⁸ Шакалы – офицеры (жарг.)

сушки и печенья, стараясь выбирать пачки с плотной упаковкой. В машину награбленное затаскиваю бегом, постоянно озираясь и не выпуская ружьё.

Сердце бухает как сумасшедшее, страшно... просто пиздец как! Мертвяки, ЧОПовцы, возможные конкуренты из окрестных домов, силовики...

– А ведь я мародёр... зачем-то говорю вслух, – и по законам военного времени меня можно к стенке!

Силы сразу удваиваются, и раз уж в машине осталось место, догружаю Логан «химическими» рулетиками, батончиками, шоколадками, козинаками, орешками и сладкими намазками.

– А, блять... – спохватившись, бытовую химию и средства гигиены утрамбовываю поверх жрачки. По-хорошему, места ещё полно, и если поиграть в «Тетрис», то можно впихнуть ещё минимум четверть от впихнутого, но... время, время!

Уже шесть вечера, и быть такого не может...

– Не подходить, нах! – стволом ружья отгоняю кучку обывателей, стоящих с дрекольем в десятке метров от входа. Дреколье, судя по бурым следам явно побывало в деле.

Когда кричал, ещё и голос изменил... на автомате причём, без участия мозгов. Детский сад, конечно, но по нынешним меркам и эта фигня может если не помочь, то как минимум дать отсрочку.

Быстро, как только могу, беру Фордик на буксир, и молясь всем богам, трогаюсь.

– Магазин от зомби зачищен! – высунувшись в окно, кричу с кавказским акцентом, – Не благодаритэ!

Пока выехал на дорогу, потерял ведро пота и моток нервов. Я и так-то... водятел. Права ещё до армии получил, а своей машины никогда и не было. Могу рулить в не слишком густом потоке, заменить колёса и свечи, поменять масло и... да, ещё залить бензин. На этом, пожалуй, мои полномочия всё!

А когда на буксире гружёная машина, за рулём которой никого нет, ехать я могу только медленно и печально. Не думая долго, доехав до площади Великолепова, свернул к городскому кладбищу.

– Зомби-хуёмби, – бурчу, плавно выворачивая руль, – человек, вот главная пакость во время апокалипсиса!

Планов у меня особых нет, скорее вялая надежда, что большая часть горожан не сунется в сторону кладбища ни за какие коврижки. По крайней мере, не в ближайшие дни.

Ну и оптовые склады со всяко-разным, коих здесь целые микрорайоны. Народу на складах должно быть немного, и наверное, можно найти место для припарковаться и подумать.

Загнав машины во двор склада так, чтобы с дороги не было видно, но выехать я мог в любой момент, начинаю обзванивать липецких знакомых, надеясь скорее на чудо.

– Абонент не абонент... – покосившись на зомби, ковыляющего по двору с оторванной человеческой ногой, набираю

другой номер и снова глухо. В это время телефон начинает звонить, номер незнакомый, но вряд ли это спамеры!

– Слушаю.

– Алло! Алло! – слышится незнакомый женский голос, – Дима умер! Приезжай! Мы с девочками здесь совсем одни и....

... звонок прервался. Дозвониться в обратку так и не удалось, и у меня осталось тягостное чувство, что я кого-то предал. Снова звонки... пусто, пусто...

– Да! – отзывается наконец Попик, – Вов, ты?

– Он самый! Чо как?

– Пизда! – следующие пару минут коллега весьма эмоционально изливает душу. Если убрать из монолога обсценную лексику, то полученную информацию можно уложить в несколько предложений.

Пиздец на НЛМК начался аккурат перед началом смены, когда народ толпился в раздевалках.

– ... три четверти, Вова! – надрывно кричал коллега в трубку, – Три четверти!

– Сам как?!

– Херово! Охрана и служба безопасности как с цепи сорвались, лютуют не по делу! Строят всех, лишь бы построить!

– Телефоны не отбирают?

– Спрятал! – истерически смеётся Попик, – Прикинь? У них тут оружия до жопы оказалось, а они не зомбаков от-

стреливают, а концлагерь устроили!

– А мужики? – задаю резонный вопрос.

– А что мужики? – СБшники пообещали, что семьи сотрудников Новолипецка начнут эвакуировать. Как только, так сразу! Нужно только подождать, потерпеть и въёбывать! Орут про убытки и про то, что если из-за нас остановится производство, то виновников распотрошат на органы.

– Они ёбнулись?!

– Да! – снова засмеялся Попик, – Прикинь? Сам знаешь, некоторые производства нужно стопорить в ситуации Большого Песца!

– Ну, – киваю машинально, будто собеседник увидит, – Конкретики не помню, но вроде как на НЛМК есть несколько цехов, авария в каждом из которых приведёт к аналогу Чернобыля. Плюс-минус.

– На любом металлургическом заводе так! – надрывается Попик, – Если что, весь город накроет нахуй!

– Всё, – заторопился он, – давай!

– Бля... – от услышанного волосы на жопе дыбом встали. В металлургическом производстве используется до хрена горючки, вплоть до маслопроводов в прокатных цехах. Одна ошибка, и будет даже не пожар, а Огненный Шторм! А ещё, кажется, в металлургии используются химические вещества, и...

– Бля, – повторил я, стараясь не думать о плохом и искренне надеясь на здравомыслие новолипецкого начальства.

Но... может, власть там взяли не инженеры, а СБшники? Тогда всё... публика эта специфическая и мозги у них повернуты знатно. Сталкивался, да...

Телефон, и о чудо!

– Да, – отозвался спокойный голос.

– Серёг?!

– Вов? – голос ощутимо потеплел, – Ты как?

– Нормально! – перебиваю я, зная за Серёгой привычку виснуть на телефоне, – Жив, здоров, с трофеями и проблемами! Сам как?

– В гараже, – отозвался Пирог, – я с самого утра решил металлом заняться, к шести утра уже на месте был.

– Про апокалипсис в курсе?

– В курсе, – в трубке раздалось хмыканье, – но как по мне, это тот случай, когда внутреннее содержание вылезло наружу.

– Далеко? – сменил он тему, – А то подъезжай!

– Рядышком! Но я проблемный, учти.

– Похуй!

– До связи! – жму отбой и тихохонько трогаюсь с места, скорость максимум километров пять. Мимо кладбища и в обычные дни народ особо не ходит, а сейчас и подавно, так что доехал спокойно.

Настроение пошло на подъём. Знаю Пирого не так давно, но сугубо с положительных сторон. Сперва по работе пересеклись, потом в спортзале, ну и сдружились потихонечку.

Мужик он непростой, но надёжный, как автомат Калашникова.

– Серёг? – подъехав, позвал я, удивлённо глядя на импровизированную баррикаду перед гаражами. Фигура, одетая в камуфляжные штаны и рабочую спецовку, выглянула из гаража и помахала рукой.

– Сейчас!

Обменявшись рукопожатиями, вдвоём убрали набросанные перед въездом старые столы и разный крупный хлам.

– Машины куда поставить?

– А... вон! – Серёга махнул рукой, – Я заброшенные вскрыл, в любой ставь.

– Много заброшек?

– Было штук семь в нашем тупичке, а сейчас, думаю, почти все, – кривовато усмехается он.

Загнав машины, частично разгружаю барахло и Пирог, полив мне, ставит чайник.

Ест он жадно, но аккуратно.

– С утра чай только попил, – поясняет он, – Возился, и нате... с кладбища подтянулись, из свеженьких.

– Думал, в штаны наложу, – признался он усмешливо.

– И... как?

– Нормально, – подал плечами Пирог, – Сам знаешь, сюда и в выходные-то народ почти не ходит, так что врасплох не застали. А уж чем отоварить по башке, этого добра у меня до хуя!

– Эт да, – согласился я, машинально заглядывая в открытую настежь калитку гаража, – иной слесарке фору даст!

– Да! – я подскочил и закопался во внутренностях Логана, достав Ксюху.

Сжато, в несколько минут рассказываю историю, как выбирался из молодожёнки, про Сашку-ВДВшника, общественность и столкновение с ЧОПовцами.

– Серьёзно, – кивает он.

– Угу. Так что смотри, могу отдать Ксюху, но она с такой историей, что можешь и не отмыться.

– Похуй, – он спокоен, как удав, и кивнув благодарно, взял автомат и положил на колени.

– Твои-то как? – спрашиваю запоздало.

– Похоронил, – голос спокойный... но нет, трёт лицо руками, отворачивается на миг... – здесь пока отбился, до дома добежал, а там...

Он замолчал, отхлёбывая чай из керамической кружки, и я понял, что выспрашивать подробности, пожалуй, не следует.

– Ну и какие планы? – спросил Серёга, – Помимо мародёрки и ныканья в гаражах?

– А хуй его знает! Ни-че-го не понятно!

Выкладываю свой разговор с Попиком, пересказываю блог росгвардейского прапора и свои соображения по части делёжки власти в верхах.

У Пирогоа свои соображения и спорим жарко... чтобы де-

сять минут спустя придти к выводу, что все они – пидорасы! Далее разговор принимает более конструктивную форму и переходит к обсуждению выживания.

– Для начала нужно сделать хотя бы несколько нычек, – уверенно говорит он, – Еда длительного хранения, вода... кстати, ты всего одну упаковку привёз!

– Ну как есть, – жму плечами, – воду проще добыть.

– Не скажи, – тянет Сергей, но тему не развивает. Он турист и выживальщик со стажем, и не то чтобы профессионал и фанат, но немного соображает.

– Еда и вода, патроны и оружие, лекарства, одежда и обувь, – я загибаю пальцы, – ничего не забыл?

– До хуя всего, – усмехается он, – палатки или убежища, лопаты, пилы, слесарные инструменты, горючее и транспорт.

– Ну... – немного неприятно, но это тот случай, когда нужно не выёбываться, а просто слушать человека, который хотя бы немного в теме, – команду!

– Заметь! – снова усмешечка, – Сам предложил!

– Времени... – он поглядывает на телефон, – у нас немного, до темноты. Хуй его знает, но темноту я предпочту переждать, запершись на все замки!

Киваю согласно, зомби как-то не слишком подпадают под категорию «Последствия вируса». Сплошная, ебёна мать, мистика и колдунство!

– Часа два, – прикидываю я.

– Больше!

– Мало ли! Я так понимаю, в гаражах предлагаешь ночевать?

– Ну да, – кивает друг, – кладбищенских я перебил, а так-то район здесь безлюдный. Не думаю, что городские зомби потянутся ночью к кладбищу, скорее наоборот.

– Ну... всё равно! В таком деле нужно запас по времени иметь!

– Здесь я соглашусь, – кивает он после короткой паузы, – давай тогда машины довыгрузим, и съездим.

– Мародёрка? – усмехаюсь кривовато.

– А куда деваться? – зеркалит он, – Или ты на власти надеешься?

– Пф-ф... вот уж на кого...

Выдвинулись на двух машинах с прицепами, найденными в гаражах. Один из прицепов изрядно проржавел, второму пришлось менять «родные» колёса на «трофейные», но на ходу, и ладно.

– Я здесь всё знаю, – бесшумно закрывая дверцу Фокуса, сказал Сергей, сканируя окрестности склада, – ещё когда в охране работал, всё здесь облазил.

– Пф-ф... ты, по-моему, весь Липецк знаешь!

– Ну да, – согласился он не без самодовольства, – десять лет в охране отработал, в основном в ГБР⁹. Сейчас в «Водоканале». Весь город, получается, и знаю, все подвалы и за-

⁹ ГБР – Группа Быстрого Реагирования.

коулки.

– Кучеряво! И что, всё и всех помнишь?

– Конечно! – Пирог удивлённо уставился на меня, – Помню, и связи поддерживаю. Мало ли!

Дверь в контору вела не то чтобы бронебойная, но где-то рядышком, так что, учитывая закрытые окна первого этажа, все зомбаки в здании. Открыли её осторожно, и со всеми предосторожностями подпёрли кирпичами.

– Эй, народ! – захожу в узкий вестибюль, держа палец на спусковом крючке, – Есть кто живой? Ау!

– Хыр-р... – на голос потянулись мертвяки, которых мы упокаивали по отлаженной схеме, выманивая на улицу.

– Вроде всё, – настороженно сказал Пирог, убирая кирпичи и закрывая за собой дверь. Осторожно двинулись вперёд, проверяя каждую дверь и готовые отскочить, если вдруг что.

Остро не хватает защитной амуниции, а лучше – полного готического доспеха, но чего нет, того нет... да и жарко! На ногах берцы, предплечья обмотаны брезентом, лица банданами, и уже не продохнуть!

«Не вовремя апокалипсис случился, – мелькнула дурацкая мысль, – в ноябре бы в самый раз!»

Остановив меня жестом, Сергей прислушался.

– Ага, вот они, ходячие мертвецы!

Выбив ногой дверь в бухгалтерию, он отскочил в сторону и обрушил удар цепа на голову толстой зомбачке с сохранив-

шейся модной причёской, крашеной «пёрышками».

– Всё, что ли? – удивился он десяток секунд спустя, переступая через тело на полу и осторожно проглядывая кабинет.

– Главбух, – проглядывая инфу на включенном ещё с утра компе, делюсь с ним мудростью, – остальных она, похоже, и сожрала.

– Вонючка! – не слушая меня, он натянул противогаз-намордник, отодвигая ногой погрызенные куски тел от сейфа и сверяясь с паролевой бумажкой, найденной в столе главбуха, – Как ты можешь дышать спокойно?

– Спасибо Ковиду, – хмыкаю, не вылезая из-за копча, – Глянь пока, что тут намародёрить можно, а я в документах покопаюсь.

– На хуя? – не оборачиваясь, поинтересовался он, открывая наконец сейф.

– Зная, где смотреть... – отзываюсь рассеянно, продолжая проглядывать документы и доставая папиросы.

– Ну давай, – пожал плечами Пирог, наскоро перебрал содержимое сейфа, оказавшееся решительно бесполезным для нас, и ушёл мародёрить офис на предмет годных смартфонов, ноутбуков и внешних аккумуляторов. Попутно он сократил популяцию офисных зомби, обойдясь без стрельбы.

– Техника так себе, – доложил он десять минут спустя, – зато два ствола у охранников добыл. Говно, конечно, но копеечка к копеечке! Нашёл что?

– Ага, – принтер начинает выплёвывать листки, – пошли!

– Хм... – зайдя на склад, я осознал свою ошибку. Вот какая на хрен разница, возьмём мы липецкую минералку с «Шагающим Петром» или «Пирамидкой», консервы одной марки или другой?

Хотя с другой стороны, времени я потратил немного, и хотя бы точно теперь знаем, где что. Если есть возможность схватить не просто продукты, а то, что нравится лично тебе, то не такая уж это и ошибка! С комфортом выживать интересней.

Таскали бегом, не забывая поглядывать по сторонам и готовые чуть что, бросить ящик или упаковку и начать стрельбу.

– Бля... – закидываю в салон коробку с консервами и вытираю концом банданы на лице пот, стекающий со лба, – я думал, что в хорошей форме!

– А куда деваться? – пытаясь, несколько невнятно отозвался такой же взмыленный Пирог с такой же банданой, – Сейчас самая страда!

Съездили ещё трижды, загружаясь и разгружаясь в адском темпе. Помимо нас, на складах уже мародёрничают как индивидуалисты, так и организованные группки по три-пять человек.

К нам не лезут, а единственную попытку пообщаться мы сразу пресекли, молча продемонстрировав оружие.

– Хорош! – сообщаю Серёге, укладывая в багажник упаковку питьевой воды и прогибая назад ноющую поясницу.

– Ещё ходочку можно сделать, – не соглашается он, – Время есть!

– На хуй! Ты глянь, что творится? Дело к вечеру, а народу на складах всё прибавляется, секёшь фишку? Слышишь?

– ... владимирский централ, ветер северный, – доносилось из стоящей в полусотне метров от нас Лады Калины.

– ... это небо, плачущее небо под ногами, – на грани слышимости пел из магнитолы Шевчук где-то за заборами.

– Храбрости народ набрался, – подытоживаю я мрачно, – и что-то мне подсказывает, что храбрость эта густо замешана на алкоголе! Ещё чутка, и можем вляпаться в выяснение отношений, а оно нам надо, на ровно месте конфликт? Не дай Бог ещё, со стрельбой!

– Думаешь? – он задумался, покусывая губы и вслушиваясь в музыку, – Хорошо, давай только на обратном пути в Дом Мебели заедем, матрасы возьмём.

Взяли матрасы, постельное бельё, и в гаражи приехали незадолго до сумерек. Сразу, не разгружая машин, восстановили баррикаду.

– Зомби, – пыхтел Пирог, подтаскивая старый письменный стол, невесть зачем отвезённый хозяевами в гараж, – они тупые...

– Пока! – перебиваю его.

– Пока, – кивает друг, – тьфу-тьфу-тьфу! Они если в препятствие упрутся, то буксуют.

Он объяснял очевидные вещи, но я не перебиваю. Ну, нер-

вяк так у человека проявляется... не самый страшный вариант.

– Всё, хорош!

– Думаешь? – Серёга с сомнением смотрит на баррикаду.

– Да её броневик не сразу продавит!

– Х-хе! Тоже верно, – соглашается он, – польёшь?

Помылись, скупно расходуя воду и закинув грязные одежды в вёдра, засыпав туда химии и залив водой. Одевшись в чистое Пирог сразу включил плитку, пока я ещё вытирался.

– Есть пожелания шеф-повару? – осведомился он с улыбкой человека, знакомого с кулинарным искусством не понаслышке.

– Да... – прислушиваюсь к хотению организма, – чаю несладкого и... сдобы нажрусь, пожалуй. Что-то не хочу на мясо даже смотреть.

– А... – он за мгновение застыл, – а если я буду?

– Да ешь, – пожимаю плечами, копаясь в упаковках рулетиков, капкейков и печенек, – всё нормально. Не так, чтоб блевать, а просто не хочу.

– Смотри, если вдруг...

– Стесняться не буду, – киваю я, – скажу.

В хозяйстве у Пирого нашёлся, чайник, кружки, тарелки и всё, что нужно для полноценной жизни в гараже. Кроме сортира.

– Ведро, – мотанул он головой, – поставлю у входа, на улицу ночью лучше не вылезать.

– А...

– Если вдруг «А», – усмехнулся он, – песком сверху засыплешь.

– Продуманно.

– А то!

Ели под Ютуб на ноутбуке, слушая попеременно то Соловьёвушкина и других официалов, то блоггеров. Блоггеры были интересней и информативней, но временами перехлёстывали с натуралистичностью. Разорванные тела крупным планом и вскрытие зомби на стриме, это, как по мне, некоторый перебор.

– Дорогие мои... – начал Верховный.

– Нарезка, – почти сразу сказал Серёга, – я клипы монтировал, такое на раз вижу. Халтура!

– Да даже я вижу, что халтура, – откусываю капкейк и задираю голову к небу.

– Ой, бля...

– Чего? – повернулся Пирог, прерывая свой монолог о халтуре.

– Да... – тыкаю пальцем на северное сияние, хорошо видимое в начинающихся сумерках.

– Так... я сейчас, – Сергей сбежал в подвальчик и зашелестел перекладываемым с место на место хламом.

– Помочь?! – кричу вниз.

– Не! Сейчас поднимусь!

– Дозиметр?

– Он самый, – Сергей кивнул, не отрывая глаз от прибор, – да чтоб...

Он опять сбегал вниз и принёс второй дозиметр.

– Работает, – заключил он неуверенно несколько минут спустя, – радиация в норме.

– А это? – тыкаю пальцем в разгорающееся небо.

– А хуй его знает! Я их с рук покупал, но проверял потом. Последний раз... – он задумывается, – да в начале весны. Лазил на одну заброшку, там остаточный фон был небольшой, и всё работало. А это...

Пирог пожал плечами и мы сели пить чай, поглядывая на северное сияние и огни пожаров, разгорающихся где-то в районе частного сектора за кладбищем.

– Внимание! Внимание! Граждане! – захрипело где-то далеко не демонтированная радиоточка, – Прослушайте сообщение администрации города Липецка! Сегодня...

– ... на территории города Липецка и Липецкой области отмечены случаи заболевания людей опасным вирусом!

– Опомнились, – усмехнулся Сергей.

– Администрацией города Липецка предпринимаются все меры для локализации заболевания и предотвращения возникновения эпидемий, – продолжал хрипеть динамик, – Прослушайте порядок поведения населения...

В районе складов велась редкая перестрелка, а несколько минут спустя что-то громко взорвалось.

– Ну всё, – прожевав кусок колбасы, спокойно сказал Пи-

рог, – цивилизация накрылась пиздой. Гейм овер!

Сидели допоздна, разговаривая о всяком, и на душе царило странное кладбищенское спокойствие. Ну вот и все, доигрались.

Почему-то, не так обидно присутствовать при конце света из-за ещё большего пиздеца в США и Китае, где творится нечто совершенно невообразимое. Не злорадство даже, хотя отчасти и оно, а скорее ощущение некоей сакральной справедливости, совершенно дурацкой с точки зрения логики и человечности.

Немного беспокоит эмоциональная тупость, вернее даже не тупость, а ощущение, что смерть Натахи и убийства ЧО-Повцев были давным-давно, и я успешно их пережил. Ситуация, когда я, рискую жизнью, иду спасать Натаху, потому что иначе нельзя, и искренне сожалею о смерти...

... и бросаю её мёртвое тело, даже не подумав о захоронении – естественна и едва ли не обыденна. Во всяком случае, кажется таковой.

Это очень, очень странно... и должно свидетельствовать как минимум о серьёзнейших психологических проблемах, а может быть, и о начинающемся сумасшествии. Но ведь психи никогда не считают себя сумасшедшими, и значит, я не псих... или нет?

Третья глава

– Доброе утро, – едва я заворочался на постели, поприветствовал меня до отвращения бодрый Серёга, – Как спалось?

Сидя по-турецки на туристическом коврике в углу гаража, он деловито ковыряется в разобранном планшете, и судя по всему, проснулся достаточно давно.

– Доброе... – зеваю, до хруста выворачивая челюсть, – спасибо, отвратительно.

– Сны?

– Всего помаленьку, – отвечаю неохотно, пребывая в отвратительном настроении. Сны... а ещё липкая гаражная духота, пропитанная запахами металла, масла и бетона, – сколько там натикало?

– Четыре утра... почти, – бросив взгляд на монитор ноутбука, ответил Пирог, – можешь ещё спать.

– Не... – мотаю головой, прогоняя сон, – по утрянке надо дела переделать.

– Ну да, жара, – кивает друг, не отрываясь от электронных потрохов.

– Это тоже, – встав, начинаю собирать постель. Бельё, поднять матрас с пола и поставить к стене, убрать толстую полиэтиленовую плёнку, на которой он лежал, ещё раз потянуться до хруста в суставах...

– Глянем? – отложив планшет, спросил Серёга, глазами

показывая на дверь.

– Угум, – присев у выхода за импровизированным щитом из куска толстой листовой резины, выставляю алебарду, пока Пирог открывает дверь с моим ружьём в руках.

– Гули-гули... – с серьёзным лицом говорит он, напряжённо вглядываясь в дверной проём.

У меня вырывается смешок, Серёга тоже кривовато усмехается.

– Чисто, – констатирует он, выходя на улицу, – Вон... глянь, работает наша баррикада. Собрались!

– А... – снова зеваю и потягиваюсь, делаю короткую разминку и беру нераспечатанную ещё зубную щётку, – вижу, да. Ну что, завтракаем? Я предлагаю не расслаживаться, а побыстрому поесть чё-ничё, и за дело. Распихать добычу надо, пока народ просыпаться не стал. Только вот куда? Ваше слово, товарищ Пирог!

– Найдём места, – кивает тот, вытаскивая во двор плитку. Электричество и интернет пока не навернулись, что для меня сродни чуду. Я примерно представляю, как это работает, и... это даже не подвиг людей, вкалывающих на подстанциях, а именно чудо. Так не бывает!

– Давай я свои соображения выскажу, лады? Как младший по званию.

– Давай без этих игр в младший-старший? – кривит лицо друг, – не люблю я всю эту иерархию!

– Окей, – пристроив на перевёрнутом металлическом вед-

ре банку печени трески, начинаю орудовать консервным ножом, – Народ в массе своей читал те же форумы и книги о выживании, что и ты...

– Не думаю, – усмехается Сергей с видом человека, скачавшего весь Интернет.

– Пусть не те самые, – охотно соглашаюсь я, – суть ты уловил. А кто из диванных выживальщиков раньше не читал полезных по нынешним временам книжек, и даже кинá про апокалипсис не смотрел, те вчера просвещались в срочном порядке. Авральном. Полагаю, в массе своей они пойдут грабить магазины и склады, ну и самые продвинутые из хитрожопых до гаражей доберутся. Хомячков, понятное дело, я в расчёт не беру, эти из своих квартир и не выйдут.

– Да уж... – Серёга дёрнул щекой, – спорить не буду. Думаю, особо продвинутые и по подвалам жилых домов шариться начнут в поисках ништяков и хабара.

– И?

– Есть мысли, – он снял закипевший чайник, – тебе налить?

– Давай, – подставляю кружку, в которую щедро набухан растворимый кофе и сгущёнка. Обычно пью несладкий чай и кофе, но вот потянуло. Пробую осторожно... сироп как есть, но вкусно!

– Я в Водоканале работаю... работал, – продолжил он, усаживаясь напротив с огромным многослойным бутербродом в стиле «Разорви ебало», – вот думаю, там и прятать.

– В конторе?

– Нет! – он смеётся, запивая смех крепким кофе, – В технических сооружениях по городу.

– А-а... сильно! А аварийщики чё? – спохватываюсь я.

– Есть места, – немного туманно ответил Пирог, – но это проще показать, чем объяснять. Случайно не наткнутся, а если специально искать будут...

Он пожал плечами и я молча кивнул, продолжив есть, а точнее – жрать... как не в себя! Не знаю, но вчера ещё такой жор напал, что за вечер ухомячил свою норму дня этак за два. С утра тоже... причём, что странно, нет ощущения тяжести в животе.

– Я знаешь ещё что предлагаю?

– У? – промычал друг с набитым ртом.

– Не знаю... может, дурацкая мысль... но если раскидать мелкие нычки почти на самом видном месте? Ну... лежит какая-то куча строительного мусора, вот совсем мусора, который точно никому не понадобится! Упаковку питьевой воды под него, какой-нибудь еды простенькой, типа батончиков и хлебцев – чтобы на жаре долго не испортились.

– А крысы?

– Ну и от крыс что-то предусмотреть, – соглашаюсь с ним, – бадейку какую-нибудь жестяную... а? Нужно ведь дело! Мало ли, как обернётся. В эти твои... катакомбы, ещё не вдруг влезешь, а тут на бегу практически.

– Тогда и оружие нужно, раз на бегу, – дополняет Пирог, –

хотя бы простенькое. Материал перевязочный и одежда.

– Да... – потираю подбородок и закуриваю, – с одеждой у нас скромно. Ладно, разберёмся! Что сперва?

– Бля... – озадачивается он, – всё сразу надо! Может, оружием займёмся сперва? Чтоб нычки делать комплексные, а не докладывать потом оружие.

– Хм...

– В гаражах всё есть! – понял моё сомнение Пирог, – У самого до хуя, а по соседям пошарился, так и вообще! Я, к слову, пока ты спал, в нете поставил на закачку всяких полезностей.

– По холодняку тоже? – на некоторую двусмысленность фразы «Пока ты спал» не обижаюсь. Пирог прямой, как рельса, и подъёмками с подковырочками не занимается никогда. Умеет, могёт... просто не любит.

– По всему, – успокоил меня Серёга, – Предлагаю сперва поработать дешёво и сердито. Всякие там глефы, глевии и прочие гизармы с алебардами маде ин гараж. У тебя кстати, совна, если верить реконструкторам.

– Совна так совна, – согласился я, – давай поработаем.

Первым делом мы переделали моё пыряло, посадив на титановую трубу с остро заточенной крестовиной, несколько загнутой к себе с одной стороны. Серёга предлагал дубовое древко, но я почему-то заиклился на металле. Уложились буквально в двадцать минут, и хотя любой реконструктор за такое говнище избил бы себя фэйспалмами до потери созна-

ния, но конструкция получилась вполне надёжной. А вид... так мне ж не на ковёр вешать и глазами облизывать, а работать!

– Я хуй знаю, зачем ему это было нужно и где дядя Саша это спиздил, – говорил Пирог, таская из чужого гаража дубовый кругляк диаметром в сорок миллиметров, – но спасибо ему большое!

– Почему сразу спиздил?

– А... я его знал, с детства причём, – усмехнулся Серёга, вооружённый рулеткой и карандашом, – «Всё вокруг советское, всё вокруг моё»! Такой человек. Дядь Саша четверть века уже как помер, а до этого болел несколько лет. Гараж считай с того времени и стоит.

– Ой, бля...

– Да это фигня, – понял он меня, – не самый запущённый случай. Здесь таких полно. Сами гаражом не пользуются, но и не продают, вроде как на чёрный день держат. Ну и стаскивают всякий хлам, не в каждом гараже пройти нормально можно. Помойки!

Делали всё наспех, коряво и кондово. Серёга, правда, постоянно бубнил, что за такую халтуру надо руки отрубать и к жопе пришить, чтоб издали было видно жопорука, но... а куда деваться?

Оружия у нас выходит два варианта – грубое подобие алебарды из ранних образцов на относительно длинном древке,

и длинные тесачины на коротком древке. Металл – обычный листовой, в основном четыре миллиметра толщиной, коего в гаражах – хоть жопой жуй!

Я сделал из картона два шаблона, которые обводил на металле мелом и вырезал затем резакром. Серёга грубо затачивал их на карбароне под углом градусов этак в сорок-шестьдесят, как топор, нещадно растрачивая точильные камни.

Никакой отделки! Ржавчину не счищаем даже поверхностно. Потом сваркой наварили две металлические полосы (и вот здесь немножко пришлось зачищать ржу), принося красоту в жертву кондовости.

– Ну говно же! – с отвращением сказал Серёга, глядя на своё творение.

– Об черепушку не сломается?

– Нет, конечно! – возмутился он, небрежно ставя алебарду к стене гаража, – Ладно, я тебя понял... не скажу, что согласен, но здесь и сейчас именно так и надо.

– Ты вроде говорил, что оружием не занимался? – закуривая и приваливаясь спиной к прохладному бетону стены, интересуюсь у него.

– Не-е... – тянет Серёга, – неинтересно. Я металл хорошо чувствую, так-то меня многие уговорить пытались ножи делать и прочую приبلуду. Но я больше по механике, ну и чутка по литью, как хобби.

– Не знал бы тебя, не поверил, – хмыкаю я, – как будто сотни раз такие вещи уже делал.

– Хер его знает, – пожимает плечами Пирог, потом замирает и забавно округляет глаза, – А знаешь! Сейчас вот вспомнил, и действительно – как будто точно знал, что делаю!

– Родовая память?

– Хер его знает! – он снова пожимает плечами, всерьёз озадачиваясь темой.

Но дела и правда очень странные. Я монтажник и с металлом работать умею. Не самый лучший спец, если честно. Средненький.

Ну да и возраст у меня не самый большой, равно как и опыт работы. Я в «ШаражМонтаж» три года назад пришёл, до этого пытался найти себя в торговле, прокачивая сперва навыки продавца, а потом логиста. Могу, умею... но неинтересно, аж вставать неохота было с утра, до состояния едва ли не депрессивного. Помню, ногу тогда сломал, и аж обрадовался, лёжа на скользком тротуаре... на работу идти не надо!

Сменил деятельность, и не то чтобы на работу, как на праздник, но хотя бы не тошнит от неё. По деньгам не проиграл, по времени и нервам точно выиграл.

Специалист я пока что средненький, своё беру соображалкой, схватываю чуть не на лету. Но то, что показал Серёга... нет слов! Сперва, по запаре, как-то внимания не обращал. Жопы в мыле, пашем, не отвлекаемся!

Я суечусь не всегда по делу, как это часто бывает с незнакомой работой, а у него ни одного движения лишнего. А по-

том оп-па... а разиков этак в пять от Пирого отдача больше.

Разница в квалификации и всё такое... понимаю. Только обычно эта разница сказывается, когда труд квалифицированный. И как это понимать? А чёрт его знает... наверное, так же как зомби – это просто есть.

– Давай для чистоты эксперимента несколько шестопёров сделаем и цепов, – предлагает неожиданно Пирог.

– Хм... а давай! – зажигаюсь я. Одинаковый инструмент, детали... В результате у меня один шестопёр и два цепа, у Серёги – четыре шестопёра и шесть цепов. И качество... на глазок легко отличить, кто что делал.

– А хер его знает, – озвучивает он наше общее мнение.

Загрузив машины, подъехали к баррикаде, и я вскочил на неё с совной.

– Оп-па... – неловко извернувшись, прыгаю назад, – какой шустрый мертвяк попался... Серёг! Не знаю, кажется мне, или в натуре так, но мертвяки пошустрее стали!

– Глянем, – он подошёл с цепом, пристально вглядываясь в собравшуюся перед баррикадой кучку мертвяков, и натянул намордник противогаза на лицо.

– Сдаётся мне, что ты прав, – заключил он, немножечко гундося из-за противогаза. Ну...

– Поехали, – соглашаюсь я, быстрым выпадом подхватывая крюком совны толстую мертвечиху за разбухшую шею, подтягивая её к баррикаде. Серёга тут же разможил ей го-

лову цепом.

– Бля... – отхожу назад, вытирая лицо влажными салфетками, пока зомбаки, хрипя друг на друга и скаля длинные зубы, жрут свою дважды мёртвую товарку.

– Забрызгало? – участливо интересуется Пирог, – Ну извини.

– Сам виноват... – отмахиваюсь я, – пойду очки возьму и морду банданой обмотаю.

С очками дело пошло веселей. Не каждый мой выпад когтил зомби, и не каждый Серёгин удар ломал им бошки, но за несколько минут с основной массой мы расправились.

– Прикрывай, – отдаю Серёге ружьё и взбираюсь на баррикаду, – оп-па!

В прыжке разрубаю голову сухопарому зомби в оранжевой жилетке и замызганной донельзя рабочей одежде под ней. Машинально отмечаю, что руки-то у него того... выросли! Такой даже если кулаки сожмёт, то всё равно руки сильно ниже колен свисать будут!

– Хар-р... – толстая тётка со смутно знакомым лицом, раздувшимся как воздушный шарик, бросается на меня с грацией вусмерть пьяного борца сумо. Увернувшись, подцепляю её крестовиной за лодыжку и с силой дёргаю к себе.

– Фу, бля! – с матом отскакиваю назад. Тётка в падении треснула, и вся её гнилая сущность показалась наружу, – Н-на!

Оскаленная голова с излишне длинными коричневыми

зубами покатилаь по асфальту, клацая челюстью.

– Хыр-р... – подволакивающей трусцой набежал на меня седовласый зомби с тростью наперевес, выпятив вперёд огромное, отожравшееся на мертвечине брюхо.

– Хыр-р... – на последних метрах он ускорился почти вдвое, заставив меня вспомнить об осторожности. Подрубив ему ногу, оставляю на время без внимания и отбегаю на дорогу, растягивая за собой зомби.

– А то столпились мы! – кричу Серёге, и перехватив совну почти за самый конец, хоккейным движением подрубаю ногу ещё одному спринтеру.

– Эволюционируют, – закончив зачистку, спокойно констатировал Пирог, опустив запачканный мозгами цеп к ногам, – Если так дальше пойдёт, нам надо будет или из гаражей куда-то перебираться, или всерьёз заморочиться и наварить ограду.

– А на крышах? Мало ли...

– Можно и на крышах, – с сомнением говорит друг, – правда, ебли до хера! Ладно, посмотрим по ситуации!

Разобрали баррикаду, и Серёга сел за руль Форда, а я подцеплял мертвяков тросами. Минут за десять вывезли всю падаль подальше, оставив на дороге кровавые разводы и части тел. Доскребали эту дрянь совковой лопатой, выкидывая фарш прямо на дорогу, на радость рассевшимся на гаражах воронам.

– Тут неподалёку садовые товарищества, – сказал Пирог,

ополаскивая руки под умывальником.

– А! – споласкивая замоченную вчера одежду, я вызвал в памяти весьма примерную карту Липецка, разворачивая протеиновый батончик, – Metallург и Тракторостроитель! Знаю, знаю... думаешь, там нычки делать?

– Не совсем. Сады и частный сектор вообще шерстить полезут, это к гадалке не ходи. Вдоль дорог по кустам заныкаем, под мусором. Там мелких свалок до хуища!

Пока я вешал постиранное сушиться, он, занимаясь в гараже закачкой нужного, разорвался на тему, что есть люди как люди, а есть – как свиньи, но наконец мы уселись в автомобиле.

– Давай впереди, – предлагаю я, – если уж ты все места мусорные знаешь.

– Вообще-то тема, – прикапывая битым шифером нычку, и не забывая бдительно озираться по сторонам, сказал я, – если вдруг что, здесь можно долго прятаться. Да и зомбаков в садах поменьше.

– Поменьше, – кивнул Пирог, притаскивая ломаный кирпич, рассыпающийся от времени прямо в руках, – но и спрятаться им попроще.

– И укрыться... – он выложил кирпич на шифер с видом дизайнера, придавая куче отвратно-мусорный вид, – случись чего, тоже особо негде.

– Личинки сверху не хватает, – хохотнул я, наблюдая за

украшательством.

– Эт да! – усмехнулся Пирог, – тебя как, природа не зовёт?
А жаль!

Раскидались на удивление быстро, не затратив и часа, пару раз прервавшись на упокоение зомби-пенсионеров. Кучи мусора, полусгнивший мелкий валежник и даже засранные донельзя кусты возле одной из остановок. Правда, качество нычек...

Оглядев их напоследок, оставил скепсис при себе. Как умеем. Тайники уровня «Лесных братьев», прятавшихся от Советской власти десятилетиями, это конечно хорошо, но почти нереально. Кто ж думал...

– Два варианта, – Пирог вытащил планшет и открыл карту, – Можно на Опытную через Окружное шоссе выехать. Там я...

– Работал, – заканчиваю за него, глядя через плечо, – и всё знаешь.

Смеётся...

– Давай, – я соглашаюсь, открывая газировку и всасывая разом треть баклажки, – район там, насколько я помню, достаточно удалённый от центра, но пешком, если что, дойти вполне реально. А потом?

– Через микрорайоны на Лог выйдем. Где Вермишева, с той стороны.

– Понял. Давай сперва Опытную засеем, потом в Лог. Единственное, нам по возможности объехать подальше

Трубный завод и все крупные здания, особенно офисные и торговые центры. А то боюсь, там все патроны и просадим. Сам видишь, какие они шустрые стали, заразы.

– Легко, – без раздумий согласился Серёга, – часть в конторах раскидаем мелких, а часть можно даже в коллекторах.

– Ок, – соглашаюсь с ним, – а чего не хочешь дальше по садоводческим раскидывать? Между Городским кладбищем и Косырёвкой садоводческих товариществ до хранища.

– Душа не лежит, – пожал Пирог плечами, разворачивая упаковку с рулетом, – Будешь?

– Угум, – отрезаю себе кусок, – Ну раз душа не лежит, то и не лежит. Может, потом ляжет, а может, и нет. А с другой стороны, оно и правильно, что не в одной части города нычки делаем. Поехали!

На Окружном машин мало, но какое-то движение есть. Местами дорога перегорожена десятками столкнувшихся машин, приходится объезжать по обочине. Много пристёгнутых зомбаков за рулём, провожающих нас взглядами мёртвых глаз. Иногда окна машины изнутри забрызганы красным, и это почему-то особенно пугает меня.

Людей... то есть живых людей, к моему облегчению в машинах нет, всё-таки больше суток прошло. Очень уж не хочется изображать из себя спасателя... Особенно понимая, что спасённые вряд ли растворятся со словами благодарности и обещанием молиться всю жизнь. Скорее вцепят-

ся с требованием немедленно спасти маму, бабушку, кошку Мурку и дядю Колю из Ленино, тут недалеко!

«Почему в городе не так? – всплывает в голове непрощенная мысль, – Апокалипсис с утра начался. На Московской и Гагарина в это время традиционные пробки, иногда метров на двести. Как это понимать? Весь город должен был встать!»

Отложил мысль в копилку прочих странностей, вроде Северного сияния, эволюционирующих зомби и наличия электричества с интернетом во время апокалипсиса. Это мы с Серёгой ещё Ютуб с утра не включали...

Кстати! А почему? Я в интернет захожу чаще, чем в туалет, а тут даже не вспомнил! Пока в городе сидел, всё происходящее воспринимал, как так и надо! А выехал, и вот... накатило – смерть Натахина, лопающиеся зомби и прочее – как мешком по башке.

Пока я размышлял, Пирог стал останавливаться, ну и я тормознул.

– Заметил?! – выпалил он, выскочив из машины и вываливая на меня схожие мысли.

– Может, излучение какое-то?

– Какое?! – Серёга уставился на меня, – Какое излучение машины уберёт?! В городе машины должны были встать так, что их с дорог бульдозерами бы на обочины распихивали! Намертво!

– Бля... так может, из города валить надо, на природу? – предложил я, близкий к панике, – Хотя нет, отставить! Херня

выходит!

– Почему? – Серёга, как кондовый выживальщик и походе-ник, явно заинтересовался прелестями деревенского жития.

– Ну не одни мы такие умные, верно? В каждой роще тогда по отряду выживальщиков засядет, от излучения спастись. Те же яйца, только в профиль!

– Ой, бя... – выдыхает он, стягивая бандану и протирая потную лысину, – я себе сейчас памятку напишу и на зеркало повешу, чтоб помнить.

Пирог сказал это таким тоном, будто угрожал кому-то. Я отмолчался... а что тут скажешь? Только памятки писать и остаётся.

Пока писал памятки (а вдруг в город вернусь, и всё забуду нахрен?!), настраивал музыку и наткнулся на местную радиостанцию.

– Это Липецк ФМ и с вами... пф-ф... – слышимость ни к чёрту, – власти города заверяют горожан, что будет сделано всё возможное для возобновления нормальной жизни и... пф-ф... не переключайтесь!

– На хуй бы вы... – сплюнув на асфальт, закуриваю и захопываю дверь Логана.

– Поехали? – интересуется Серёга, только что смотревший на облака с видом учёного-исследователя.

– Угу.

В четырнадцатой школе ведётся какая-то упорядоченная

деятельность. Работяги из окрестных домов деловито переделывают её в крепость, наваривая на окна решётки, способные удержать, наверное, медведя. Два автокрана выкладывают вдоль ограды бетонные блоки, за оградой пилят на дрова тополя.

Звонок телефона стал почему-то неожиданностью, я аж вздрогнул. Пирог...

– Да, Серёг?

– Тормознём?

– Давай, – настроен я настороженно, но смиряю паранойю.

Не сидеть же в гаражах, отгородившись от всего мира...

– А-а! – ещё издали заорал один из работяг, и автокран остановил работу, – Серёга! Живой, падла такой!

Нас окружает шумная, но доброжелательно настроенная толпа, пахнувшая потом, солярой и перегаром. Огнестрельное оружие у каждого второго, остальные с холодным, ещё более дубоватым, чем у нас.

Всё больше тесаки самого жуткого вида и рогатины, долженствующие, по-видимому, сдерживать мертвяков, пока другие рубят им бошки. С огнестрелом народ управляется привычно, благодаря призывной службе, а холодняк явно жмёт руки, неудобен и раздражает.

Сюр – дичайший. Автомат за спиной, и тут же – тесак из металлической полосы, с обмотанной изолентой рукоятью. На многих огромные кресты поверх одежды и тут же – какие-то явно магические амулеты, вплоть до сморщенной (и

кажется, подванивающей) куриной лапки.

Женщин в толпе мало, они почти все за школьной оградой и вон... из окон выглядывают. А те, кто с мужиками на равных, выглядят... в общем, неинтересно выглядят.

Расспросы, расспросы...

– ... да пиздец! – сплёвывая то и дело, рассказывает «народный» бригадир, немолодой мужик с «Примой», повисшей на нижней губе, опираясь на рогатину, – Пока отбились, пока...

Он отчаянно машет рукой и затягивается глубоко.

– ... моя и того, перекинулась. Проявила, так сказать, свою сущность, хе-хе... – смеётся одними губами, в глазах тоска, – Зато внуки живы! Сами-то как?

Как «знакомый знакомого», работяга и «правильный пацан», я уверенно стал своим. Не думаю, что вполне, но... при таких условиях и то хлеб! Нашлись мужики, с которыми краешком пересекался по работе, так обрадовались друг другу, как давно не виденным родственникам!

На наше оружие и еду местные не претендовали, успев «раскулачить» то ли полицейский участок, то ли и вовсе армейцев, судя по количеству (и качеству) вооружения. Появилась даже мыслишка остаться тут, и судя по задумчивому взгляду Пирого, его посетила та же мысль. Нас, к слову зывали остаться.

– Смотрите, парни, – приобняв нас за плечи, вещал бригадир, – толстого слоя шоколада по всей морде не обещаю,

но не пропадёте! Город близко, но и не так, чтобы слишком, поля рядом... а? С летунами с военного аэродрома мы уже договорились о добрососедстве и взаимовыручке.

– Слева на семь часов! – внезапно заорал хриплый голос из динамика на стене школы, почти тут же пространство разорвала короткая пулемётная очередь, затем, после короткой паузы, несколько одиночных выстрелов метрах в двухстах от нас и...

– Отбой тревоги! – разродился динамик несколько секунд спустя, – Какой-то прыгун, мать его! Иваныч говорит...

... – да пусти, сам скажу! – послышался из динамика недовольный голос, – Лен! Давай сюда с инструментами, поковыряться в нём не помешало бы. Непонятно, что за сволочь такая? На мертвяка не похоже и... в общем, подойди! Нужно, так оттащим в лабораторию, а если нет, то как обычно – на части и в яму с известью.

– ... администрация района цела и НИИ Рапса уцелело, – слышу обрывки фраз от народа, вновь собирающегося в кучку, – пока в Федерацию объединимся, а там видно будет.

– Чинуши выжили? – моментально отреагировал Серёга, и на его удивление в толпе захохотали.

– Чинуши... – повторил «народный бригадир», усмехаясь как-то жёстко, – не уцелели.

В толпе прошелестели смешки, и у меня закралась мыслишка, что эти... да, эти могли и помочь. Воплотить, так сказать, чаяния немалой части народа в жизнь.

Обменялись телефонами и адресами электронной почты. Потом Пирог в школьной серверной, налаживаемой прыщавым, но очень важным мальчишкой лет пятнадцати, показывал те самые, проверенные и нужные выживальческие сайты.

Я, воспользовавшись моментом, поведал мужикам о своих вчерашних приключениях, не стесняясь привирать и поворачивать события в свою пользу. Сашку-ВДВшника, как пацана харизматичного и резкого, здесь знали. Многие начали трубно сморкаться, когда я весьма поэтично (и разумеется, привирая) рассказал о его героической, без шуток, гибели.

– Да, нормальный пацан был, – мрачновато подытожил Лёха, пропитой мужик лет около тридцати, и остальные закивали, всё ещё находясь под впечатлением.

– А эти... – он махнул рукой в сторону Кольца Трубного, привстав с лежащего на земле спиленного ствола, – плюнь и разотри! Совет Квартала, ёба... охуели вконец! Оружие им отдай, ёба, да ещё и снабжай всяким!

– А не пиздишь? – скептически поинтересовался сидящий на корточках молоденький пацанчик с приבלатнёнными повадками и наколотым перстнем.

– Ты чё, ёба?! – возмутился Лёха, повернувшись к нему всем телом, – Берегов не видишь? Я Саню хорошо знал, чёткий пацан был! Выпивали иногда в компании, он сам про эту кунсткамеру ёбаную рассказывал! Я Вадика этого, ёба, в жизни не видел, но бля буду – встречу на улице – узнаю!

– В натуре, – сделав затыг, согласилась с ним супруга, мужиковатая особа со следами былой привлекательности, – допиздишься ведь, Пашка! Володьку парни знают по работе, он чёткий пацан! Сказал – сделал! Да и Пирог не из тех, что с никчомушниками водится будет.

– Понял... – примирительно поднял худые руки романтик, метнув на меня нехороший взгляд, – был не прав!

Киваю молча, принимая пришедшую по кругу травку и делая затыг. Я таких знаю, сталкивался. По молодости, наверное, вляпался в блудняк и отсидел пару месяцев в СИЗО. Родня вытянула балбеса, грея попутно всю камеру, и потому впечатления от «воровской жизни» у пиздюка остались едва ли не романтичные.

Авансом, продолжая рассказывать о душевности здешних людей, нам отсыпали малость патронов и совсем немало провизии, не слушая возражений. Да собственно, мы не слишком-то и возражали...

– Хер его знает, – сказал Серёга, когда мы отошли к машинам, – народ неплохой, да знаю я тут многих, но...

– Хер его знает, – закончил я за него, – Та же самая фигня – моя в сомнениях. Есть толковый коллектив и всё такое... Пусть через ёба разговаривают, но это не пугает, сам недалеко ушёл.

– Давай тогда закончим, что начали, – предложил Пирог, только тогда не на Опытной, раз у нас тут есть какие-то со-

юзники, а дальше проедем.

Сделали по одной нычке каждый на Железнякова, Пришвина и Совхозной, старательно прячась от чужих глаз. Потом через Станционную...

– Отбой! – скомандовал Серёга по телефону, когда мы начали вилять по улице, объезжая стоящие на дороге машины, – Там какой-то чёрт с биноклем устроился, едем дальше!

От души матеря неведомого мне чёрта, еду за Пирогом. Нычка на Урицкого, на Тельмана не стали, там одна из высоток горит и кажется, во дворах слышны звуки стрельбы. Вязываться в чужие разборки посчитали излишним, и объехав церковь святой Екатерины у Быханова сада, вышли на Гагарина.

Остановившись неподалёку от входа в Быханов сад, устроились перекусить у стендов с передовиками производства.

– Я смотрю, здесь малость порядок навели, – констатировал Пирог, открывая банку энергетика и делая несколько жадных глотков, – что значит, военный городок рядом.

– Знать бы, какой это будет порядок, – вгрызаюсь в «Сникерс», усаживаясь по-турецки прямо на асфальт, выглядящий более менее чистым, – Меня как-то не вдохновляет ходить строем всю оставшуюся жизнь, козыряя всякому мудаку только потому, что у него звёзды на погонах.

– Менты не лучше, – механически парировал он, – я во внутренних войсках служил, потом в ГБР, всякого насмотрелся.

– Никто не лучше, – настроение у меня паскудное – проехав, я оценил ареал выживших как не более одной пятой от бывшего, и это в лучшем случае. А дальше... мутирующие зомби, эпидемии и неизбежные силовики, к которым у меня после службы в штабе – доверия ну ни малейшего!

Со стороны Сокола по Гагарину пролетела легковушка с надписью МЧС и включенной сиреной.

– Меня терзают смутные сомнения, – настороженно сказал Пирог, залпом допивая энергетик и даря миру могучую отрыжку.

– Огородами съебнём? – я и сам не заметил, как переместился за руль.

– Огородами... – он прислушался, – огородами поздно. Слышишь?

По Гагарина пошла жидкая колонна военной техники. Впереди БМП-2, хищно водящая по сторонам тонким дулом, затем несколько крытых брезентов «Камазов» и два БТР.

– Улыбаемся и машем, – говорю Серёге, но тот и без меня сообразил, всюю изображая верноподданнический энтузиазм и...

... не зря. Колонна остановилась, и из БТРа вывалился какой-то хер в бронезителе и каске.

– Кто такие? – грозно спросил он тоном человека, получившего внезапно право карать и миловать, – Мародёры?!

– Мы? – искренне изумился Пирог, – Да что вы, тащ генерал! Какие мародёры?! Вот...

Он распахнул дверцы широким жестом человека, оскорблённого в лучших чувствах, доставая телефон.

– ... звоните! Это от жителей Опытной гуманитарная помощь! Работу МЧС выполняем!

Пирог прошёл на грани фола, но попал, что называется, в яблочко. Неведомого чина Главный Военный несколько смягчился, и обложив нас ебуками, соизволил милостиво выслушать наши объяснения. Он, к слову, так и не представился, а подчинённые называют его «тащ генерал».

– ... сперва во дворах, – рассказываю, тыкая попутно пальцем в карту на ноутбуке.

– А сам откуда родом? – перебивает меня особист как бы невзначай, раз уже в десятый пытаюсь сбить с толку не такими уж хитрыми уловками. Отвечаю терпеливо, знакомый с повадками особистов не понаслышке.

– ... из окна спустился, – продолжаю я, – двор сперва зачистил.

– Сложно было? – внезапно интересуется «Ташч генерал».

– Да так... – пожимаю плечами, – я спортсмен, да и армия за плечами.

– Серьёзно отслужил? – шурится Самый Главный, а я и не знаю уже, зачем армию приплёл...

– При штабе, – вытянувшись, поедаю его взглядом лихим и придурковатым.

– Писарем? – весело щурится Главнюк, краем уха прислушиваясь к беседе Пирога с особистом. Ну да на Серёгу где сядешь... и точно, уже общих знакомых обсуждают и какую-то Любу...

– Так точно! – тянусь ещё выше.

– Ага... а формы допуска у тебя, я так понимаю – повыше, чем у иного полковника? И это просто совпадение?

– Так точно, тащ генерал, совпадение!

– Слыхал, Филиппов? – поворачивается «тащ генерал» к упитанному прапору из свиты, – Что значит – человек службу понял! Зомби-хуёмби, мир по пизде, а ему похуй, он подписку давал!

Разговор становится почти дружеским, насколько вообще бывают дружескими разговоры с людьми того типа, что воспринимают нижестоящих не людьми, а «человечками». Персонажами Симс.

– ... да не тянись, не тянись... – то и дело приговаривает «тащ генерал», но видно, что ему приятна такая субординация, – и что, кладбище потом зачищали?

– Вдвоём, – нагло врёт Серёга, – мяса положили, жуть!

– Мяса, говоришь... а на это что скажешь? – особист трясёт перед нашими физиями «Кюсхой» из Форда. Похолодев на секунду...

... я понимаю, что мы уже зачислены в ряды, а это так... степень нашей вины перед «Таш генералом» и непосредственно особистом Марченко определяется. Насколько нас

в будущем можно будем попрекать и соответственно – нагибать. Ну и разумеется – как мы на этоотреагируем, степень нашей податливости.

– Так с кладбища же, тащ майор! – вылезая на сцену, включая «Швейка а ля рюс», – Логан – да, признаю, отжал на время! Но они сами виноваты, падлы! У Нивы колёса спустили, а там ситуация к политесу не располагала!

– Ты мне зубы не заговаривай! – нахмурился майор, переглядываясь с каким-то мутным прапором.

– Какие зубы, тащ майор! Законный трофей! Говорю же, Логан я отжал, но проебал возле «Пятёрочки». Знакомых по квартирам пока обошёл... – качаю головой, – и ведь сука, впустую! Выхожу – всё, пизда! Нету машины! Ну а чего мне? Серёге звоню, а он в гаражах...

– Возле городского кладбища, – солидно кивнул Пирог, – сразу говорю – подходи, у меня как в Греции, всё есть! Оружия нет, а так – ничего, жить можно!

– Вот-вот! – закивал я болванчиком, продолжая отыгрывать недалёкого спортсмена, – Подошёл пока, бля... стоит Логан, Фордик на сцепке! Ну, думаю, ща ты у меня получишь, угонщик херов...

«Тащ генерал» похрюкивает сдержанно, но не перебивает, а я... даром, что ли, в театральный кружок при школе ходил?! Когда мама учительница, такие вещи «через не могу» посещаются...

– Подхожу... – делаю паузу, артистично округляя глаза и

приседая, – хач!

– Какой хач? – переспросил прапор и тут же попятился под взглядом генерала, – Виноват...

– С автоматом! – отвечаю охотно, – Из-за машины выходит, и...

– Пристрелил? – улыбается Самый Главный.

– Не-е... уже! Зомби! Но честно, я поначалу пересрался! А потом и ничего... правда, на нервяке его в лапшу практически. Я, блять, столько нервов потратил, пока от девятого до кладбища дошёл!

– А другую машину взять – не судьба? – едко поинтересовался особист.

– Другую? – смотрю на него взглядом барана, – Бля... не подумал!

– Оно и видно! – хохочет генерал. Дальнейший наш рассказ он выслушивает вполне благосклонно, раз и навсегда определив для себя мои интеллектуальные способности и место в условной стае.

Пока мы разговаривали, солдатики не стояли без дела, да и остановились они явно не из-за нас. В глубине Быханова сада слышатся плохо различимые фразы из громкоговорителя, идёт всюю зачистка спорткомплекса «Спартак».

Выдерживая речь, рассказали о ситуации на Опытной. Получасом позже мы выдвинулись по Гагарина в сторону Московской уже в составе колонны. Ехали медленно, то и дело останавливаясь и заезжая во дворы.

– В области объявлено чрезвычайное положение...

В некоторых дворах уже налажено какое-то подобие самоуправления, тогда «тащ генерал-лейтенант» выходит общаться с народом. Вид бравый, изо всех сил косплеит отца-командира, этакого лихого вояку, и даже голосом хрипатит под неизвестного мне персонажа.

– Под генерала Лебедея косит, – шепнул мне Пирог.

– Кого?

– Проехали, – отмахнулся тот, ввинчиваясь в толпу и... да, снова какие-то знакомые!

Во время одной из остановок генерал принялся толкать речь, а солдаты рассыпались по окрестностям, зачищая ближайšie дома. Демонстрировали, так сказать, товар лицом.

Мы с Серёгой любопытства ради увязались за одной из групп – благо, тут идти-то меньше сотни метров.

– Филиппов, Ярцев! – рявкнул пожилой капитан с лицом пьющего неудачника, сверяясь с данными планшета, – приступить к зачистке!

– И-есть, тащ капитан! – вытянулись вышеназванные.

– Ой, бя... – еле слышно выдохнул долговязый Филиппов, проходя в паре метров от меня, – отыгрывается, сука!

Запрыгнув в Камаз, он скинул на асфальт защитную амуницию на основе, кажется, пожарной робы, и передал напарнику термосумку.

– Давай, что ли, – одев защитную амуницию, нехотя ска-

зал кряжистый Ярцев, опуская забрало шлема и привязывая к двери подъезда верёвку. Короткая пауза у домофона... и дверь, запиликав, отворилась.

Филиппов, не заходя внутрь, зачерпнул деревянной ложкой фарш из термосумки и швырнул внутрь. Парой секунд спустя туда полетела петарда.

«Прикормка»

Полминуты спустя послышалось урчание, и зомби начали подтягиваться на шум и на запах сырого мяса, спускаясь с этажей. Дабы выманить самых сообразительных, Филиппов ложкой шлёпнул на асфальт ещё пару закровивших кучек и напряжённо отскочил назад, спрятавшись за фанерным щитом.

Сослуживцы из группы поддержки принялись расстреливать зомби, целясь в головы и не всегда попадая.

– Пф-ф...

– Не каждому дано, – понял меня Пирог, останавливаясь рядом.

– А вам, значит, дано? – услышал нас Ярцев, кривя рот в усмешке, и не дожидаясь ответа:

– Тащ капитан! Тут добровольцы из гражданских хотят показать мастер-класс!

Солдаты загомонили, и капитан, смерив нас скептическим взглядом, разрешил не раздумывая.

– Да какой-тут мастер класс, – пожал плечами Серёга, скидывая автомат с плеча и передавая низкорослому солдату с

ефрейторской соплёй, – поддержи.

Я поступил аналогичным образом, и натянув бандану на морду, одел очки и шагнул к зомби. Рубящий дар по ноге, и мертвяк упал на асфальт. Второй – по тонкой шее, и голова в пропитанной кровью бейсболке покатила под ноги одному из солдат.

– Буэ... – отскочив, он вывалил содержимое желудка на отрубленную голову и себе на берцы.

С чавкающим звуком Серёга вломил по башке пожилому лысому зомби с ключами от квартиры в руках, пенсионер пораскинул мозгами.

– Сильны... – протянул Ярцев, когда мы закончили с мертвяками.

– Да это... – Серёга сморщился, махнув рукой в сторону семи вторично мёртвых, живописно раскинувшихся у подъезда девятиэтажки. Замолкнув, он достал из рюкзака рулон туалетной бумаги и принялся обтирать цеп.

– Угу, – соглашаюсь с ним, обтирая лезвие совны об одежду мертвеца, а потом несколько раз втыкая в землю, – херня!

– Он, – киваю на друга, – кладбище Городское удержал! Вот где мяса...

– А сам? – усмехнулся Серёга, понимая суть самопиара и в красках пересказывая историю о моём участии в зачистке молодожёнок и Сашке-ВДВшнике.

– Еба-ать... протянул кто-то из солдат в задних рядах, – ладно ещё молодой – я слышал, его в спецуре надрочили, но

этот старпёр в каком погребе вырос?!

– А-атставить! – рявкнул чем-то недовольный капитан, – Филлипов, Ярцев, залётчики вы мои любимые! Взяли щиты и дробовики, и вперёд, до десятого этажа! И смотрите – номера на квартирах сфоткайте, а то знаю я вас!

Во дворы молодожёнки я въехал триумфатором, сопровождаемый Серёгой на Форде, прапором с полудюжиной солдат на БМП и уважением.

– Эй, совет! – свищу, вспугивая закаркавших ворон, тяжело рассевавшихся на детской площадке, – Выходи, гуманитарка приехала!

Облокотившись на Логан, грызу семечки, переговариваясь с прапором. Видя во дворе не одного наглого меня, но и представителя военных при БМП и солдатиках, народ приник к окнам, а потом начал стекать вниз.

– Гуманитарка, мля... – тыкаю ногой в колесо Логана и киваю солдатам, начавшим разгружать автомобиль.

– Чотко, – пьяненько покачиваясь, первой ко мне подошла Ирка-парикмахерша, снимающая комнату на втором этаже. Я у неё стригся пару раз, и почти интересная блондинка за сорок решила почему-то, что я к ней неровно дышу.

Есть такой типаж баб, которые искренне уверены, что мужики вежливо ведут себя с ними не потому, что нормально воспитаны, а исключительно из-за страстного желания перевести отношения в горизонтальную плоскость. Обычный де-

журный комплимент воспринимается ими как признание в любви и готовность бросить к её варикозным ногам все сокровища мира. При этом в личной жизни они незадачливы и вечно влипают в интересные, но подчас небезопасные неприятности.

– Чотко, – повторила она ещё раз, обдавая парами перегара и кладя руки мне на грудь с улыбкой, которую она, очевидно, считает обольстительной, а я – требующей внимания стоматолога. Одарив меня многозначительным взглядом, парикмахерша поцеловала меня в щёку, как бы случайно мазнув в краешек губ. Пахло от неё перегаром, мятной жвачкой, нечищеными зубами и чипсами.

– Владимир Николаевич, я всегда знала, что вы – настоящий мужчина! – с придыханием сообщила мне Нина Васильевна, дублируя Ирку-парикмахершу. Пахло от неё поприятней... но не намного.

Косясь на меня и уверяя, что они ни-ни... а всё это было дичайшим недоразумением, обитатели молодежёнков разобрали гуманитарную помощь. Игорёк со своей Фурией забирали гуманитарку бочком, старательно мимикрируя под окружающую среду, а на всякий случай ещё и четверг с пятницей. Естественно...

... не обошлось без скандалов.

– Владимир Николаевич... – со слезами на глазах вещала худая тётка, обвисшая платьем и кожей на теле, трагически прижимая руки к груди, – я понимаю, что перипетии воен-

ного времени не позволяют вам...

– Точно, – перебивая её, надувая пузырь жвачки, – не позволяют! Вы Совет Квартала или кто? Проведите перераспределение, если считаете гуманитарку несправедливой.

При этих словах счастливики, которым достались пайки получше, поспешили рассосаться по квартирам, а прочие подняли гвалт.

– Воронья слободка, – буркнул Пирог.

– Чё? А, да... – кошусь на наглое вороньё, – вон их сколько тут!

– Недовольные распределением могут провести голосование и начать вести записи – кому что досталось, чтобы в следующий раз компенсировать разницу в тут или иную сторону!

Высказав эту мудрую мысль, оставил их на прапора, начавшего разъяснять политику Хунты, а сам подошёл к солдатам на предмет поговорить. Парой минут спустя, обеднев на заныканный заранее ящик пива с закусками, напряг их на замену колёс в Ниве.

Не чтобы мне самому сложно, но тут момент чисто психологический. Во-первых – показав «Вороньей слободке», что я здесь пусть и небольшой, но начальник, закрепить этот момент. Во-вторых, взаимоотношения нужно выстраивать не только с «тащ генералом», но и с людьми пониже.

У людей в погонах психология весьма специфичная, и «своими» мы с Пирогом для стаи шакалов точно не станем.

Сильно сомневаюсь, что нас решат осчастливить офицерскими званиями, а в таком разе наводить мосты нужно с прапорами, сержантами, ефрейторами и неформальными лидерами без лычек.

– Город должен жить! – торжественно сказал генерал и качнулся на носках, обдав нас пошлыми запахами коньяка и балыка.

– Жить! – повторил он многозначительно, покачав пальцем перед носом. Достав из деревянного ящичка сигару, «тащ генерал» закурил, довольно щурясь и глядя на нас, – Инфраструктура и всё такое... А потому вы подлежите мобилизации!

– Так точно! – синхронно вытянулись мы с Серёгой.

«Бля...»

Генерал довольно кивнул своим мыслям и продолжил, повернувшись к пухлому майору:

– Поставить прапорщиков на продовольственное и вещевое довольствие!

... но прежде чем поставить нас на довольствие, интендантская служба обчистила гаражи. Солдаты, матерясь и переругиваясь, грузили Камаз.

«Грабь награбленное!»

Видя мрачающее лицо Серёги, я поспешил вмешаться, пока он чего-нибудь не ляпнул.

– Правильный у нас батяня! – хлопаю его по плечу, – Хо-

зыйственный!

– Да пошёл он... – сквозь зубы цедит Пирог.

– В машине блякать не вздумай! – предупреждаю его сквозь зубы, старательно выдавливая из себя лыбу, – Улыбаемся и машем, Серёга! Включай энтузиазм! Ты всю жизнь мечтал быть военным, понял?!

– Погоны старшего прапора – моя мечта с детства, – кисло ответил друг, кривя лицо в улыбке, – а видеть разорение гаражной мастерской, которую я собирал двадцать лет, это апофеоз моей никчёмной жизни!

– У меня тоже струйный оргазм, – отвечаю в тон, – Серёг! Смотри ширше и глубже! Здесь и сейчас у нас есть крыша, секёшь?

– Протекающая, – скривился он, – Отец-командир, ёб его... Ладно, понял...

Проведя руками по лицу, он некоторое время постоял так, а потом натянул на лицо верноподданническое выражение, подходящее случаю, и принялся помогать... а точнее – руководить погрузкой мастерской, за которую болел больше всего.

Загрузив в Камаз дважды трофейное добро, добрали товаров на складах и отправились в военный городок. Мы с Серёгой в сопровождении, и настроение – самое поганое! А ещё хуже, что позади БМП...

Мысли лезут в голову, как ночные мотыльки на свет, такие же мятущиеся и бестолковые. Ясно одно – «тащ генерал» на

роль лидера не очень-то подходит, и значит – впереди нас ждёт закручивание гаек, а затем – передел власти. Ну или наоборот.

С учётом зомбиапокалипсиса и возможных техногенных катастроф на НЛМК – ситуация более чем скверная. Нас не сожрали зомби, но дружная стая товарищей в военной форме и такие же товарищи, но в штатском, контролирующие НЛМК, способны столкнуть в пропасть если не Цивилизацию вообще, то по крайней мере – город. И чем больше я пытаюсь разглядеть будущее, тем более мрачным и беспросветным видится оно мне.

Четвёртая глава

Очередь в офицерской столовой движется медленно, сонно и тягуче, в час по чайной ложке. Люди, да и само время кажется застывшим, и только насекомые носятся по залу откормленными болидами на анаболиках.

«На трупах...»

– Сметанки? – допытывается стоящая на раздаче добродушная тётка у прапорщика Хусаинова, основательного низкорослого крепыша с красивым смуглым лицом чеканной лепки.

– Хм... – тот задумался, всей своей фигурой КМСа по силовому троеборью выражая готовность к длительному и вдумчивому диалогу по каждой позиции в меню. Он вообще человек неторопливый и основательный, и кажется, не самый плохой, но срочники его не любят и боятся, так что не всё так просто.

– Краснинская, – скрестив руки под объёмистой грудью, соблазняла тётка с таким видом, будто предлагала продукт собственных молочных желез, – или Лебедянской?

– Свет! – повернувшись назад, она взвыла паровой сиреной, – Свет!

– Да?! – донеслось из глубин кухни не менее пронзительное контрольто с дребезжащими жестяными нотками.

– У нас сметана Лебедянская есть?

– Ща гляну!

Я закатил глаза, но разъёбывать тёток не стал, не по чину. Случайных людей среди них нет, сплошь жёны, матери и дочки офицеров, выжившие после часа «А». Квалификации – ноль, и никакого желания повышать её тоже не наблюдается.

В первый день, говорят, они ещё суетились, хотя и бестолково. А после, быстро осознав, что спрашивать за службу с них никто не собирается, расслабились, моментально превратившись (по словам Пирого) в худших работников образца позднесоветских времён.

Вообще, служба быта налажена отвратительно. «Ташц генерал» оказался не хозяйственником, а скорее «Плюшкиным», и совершенно не представляет, что же ему делать с доставшимся хозяйством. Не по Сеньке шапка.

В генерал-лейтенанты Маслаченко скакнул из полковников, причём самым сомнительным образом. Выжив во время часа «А», он оказался старшим офицером военного городка, а во время связи с Москвой повёл себя бодро, расписав ситуацию красками ура-патриотического колера. «Настоящему боевому офицеру» (всю жизнь занимавшему ответственные должности «ака офицер-воспитатель») авансом пообещали генеральские погоны, но Илья Юревич обещанного ждать не стал.

Нацепив погоны генерал-лейтенанта и собрав верных клеветов, новоявленный «ташц генерал» произвёл вооружён-

ный захват власти в отдельно взятом военном городке. В обстановке бардака, когда большинство офицеров было убито, а большинство из меньшинства занималось спасением близких, власть упала ему в руки, как подгнивший плод.

В течение суток бывший офицер-воспитатель укреплял вертикаль, и только когда в расположении военного городка не осталось реальных противников, а соратники были повязаны кровью, Армия выехала на улицы Липецка наводить порядок.

Как умела. А умела она, как выяснилось, немного. Нет, если бы напал внешний супостат, наши ракетчики сумели бы нажать на нужные кнопки, а пилоты – посбивать на хрен всех вражеских асов. Не оплошали бы и войска быстрого реагирования, если судить по поведению Сашки-десантуры.

Но офицеры и солдаты военного городка в массе своей отнюдь не элита. Занимались они преимущественно не военно-полевыми учениями, а перекладыванием бумажек, парко-хозяйственными работами и обслуживанием стоящей на балансе техники.

Стрелять бойцы в общем-то умеют, но как выяснилось, стрелять в мишень и стрелять в человека, пусть даже не совсем в живого, это немножечко разные вещи. Стрелять в бывшего сослуживца или пожилую пенсионерку-зомби оказалось намного сложнее, чем в шутерах.

Проблемы подобного рода возникли в том числе и у ветеранов локальных войн, хотя и значительно менее острые.

Всё-таки одно дело – стрелять куда-то «в направлении противника» сидя в окопе, или что чаще – воевать опосредованно, подавая снаряды и сидя за рулём, и совсем другое – в упор. В голову.

Едва ли не большей проблемой стал мистицизм разного толка, преимущественно христианский. Конец Света, мёртвые восстанут... Ну как можно брать в руки оружие, если на кону стоит спасение души и жизнь вечная?! Многие так и не смогли передать толком психологические установки «не убий», обострившиеся на фоне апокалиптической мистики и религиозного воспитания в школах и по ТВ.

Военные зачищают город, но эффективность армейских подразделений Липецка оказалась не слишком высока. Армия в лице «тащ генерала» за минувшие дни сумела зачистить (а заодно и подмять под себя) лишь часть города, притом не самую большую.

Де-факто, военный городок в настоящее время всего лишь одна из...

... группировок. Не могу пока сказать, что бандитских, но и не могу сказать обратного.

– Сметанки? Маянезика? – не дожидаясь ответа, плюхнула щедрой рукой майонеза в тарелку с пельменями и торжественно поставила на поднос запотевшую чекушку водки.

– Благодарю, – выдавливаю из себя вежливую улыбку и направляюсь к столу. Поставив поднос, вешаю ружьё на спинку стула и жду Серёгу, протирая влажной салфеткой неизменно

липкие столовые приборы, предлагаемые столовой.

– Заебали... – сходу говорит он, скидывая автомат на сиденье свободного стула и усаживаясь напротив, но к нам почти тут же подсели сослуживцы, и разговор с «Заебали» переходит на темы сугубо нейтральные. Поддерживаю разговор без особой охоты, больше слушаю и ем.

– Наркомовские, – лихо подмигнув, немолодой прапор свинтил пробку с чекушки, выданной им на двоих, и разлил по стопкам, – Ну, будем!

Чокнувшись, они с приятелем припали к хрустальному, как к материнской груди, и всосали, как и не было. Зажёвывая колбасой, Иваныч мотанул головой на нашу пайковую чекушку.

– Бушь?

– Не, – отвечаю, не прекращая жевать и отслеживая краем глаза ситуацию в столовой, – пить так пить, а это...

– А ты? – Иваныч повернулся к Серёге с видом человека, ожидающего чуда.

– Ох и бухал я в своё время... – протянул тот вместо ответа, уйдя в ностальгию молодой бесшабашности.

– Так значит, нет?

– Да берите, берите! – отмахнулся Пирог, цепляя вилкой ломоть жареной колбасы и примериваясь к маринованному помидорчику.

– Хе-хе... нам больше достанется! – вид у сослуживцев торжествующий, будто нежданно выиграла приятную сумму в лотерею. В качестве благодарности с нами делится сплет-

нями не самого высокого уровня. Ну, и на том... Мы пока новички и не до конца влились в коллектив.

Вокруг привычный негромкий гул, свойственный любой столовой. За соседним столиком слева обсуждают какую-то Свету, которая на радостях, что осталось живой, даёт всем желающим. Молоденький лейтенант, выпущенный в этом году из училища, матерясь к месту и не к месту, весьма красочно живописует – куда, как и сколько раз он имел эту Свету.

– ... ноги себе на плечи, – летёха помогает себе руками мимикой, отчего молодая его, мужественно-прыщеватая физиономия становится похабной и глупой. Создаётся впечатление, что «давалка Света» его первая женщина, и лейтенант спешит поделиться с одноклассниками своим достижением, преувеличивая свою мужественность.

– Погоны! – склонившись над тарелками, хохотнул капитан поощряюще, не забывая жевать.

– ... и вошёл сразу, она только охнула...

Народ за столиком посмеивается, но скорее над самим лейтенантом, выставляющим себя неумным пошляком. Истории такого рода в армейской среде куда как популярны, независимо от звания, но нужно же понимать время и место!

С «Давалкой-Светой», подозреваю, не всё так просто, отчего ситуация становится особенно противной. Может, действительно тормоза в голове у бабоньки сломались и ей, похорошему, нужна помощь как минимум психолога, а ско-

рее – психиатра с рецептурными препаратами. А может, дело не только в проснувшейся нимфомании и пониженном пороге стыдливости, но и в банальном нежелании быть «выброшенной на мороз».

В Военном Городке куда как безопасней, чем в окрестных (даже зачищенных) кварталах, но «тащ генерал» не спешит пригревать на волосатой камуфляжной груди женщин, детей и стариков. Дескать, если забить Городок гражданскими, то военные не смогут должным образом выполнять свои обязанности!

На Базе всё больше родные и близкие военных, да вольнонаёмный персонал из «допрежних» времён. Ну и разумеется, особо ценные специалисты, среди которых прошёл невидимый, но явственный раздел на «опогоненных» и «гражданских шпаков», и последние имеют несколько меньше прав.

Хорошего инженера, врача или слесаря вряд ли выкинут за пределы Военного Городка, но даже если такое случиться, он легко найдёт себе новое пристанище. Такие люди на слуху, и если врач, к примеру, конкретный такой травматолог или хирург, а не эндокринолог или косметолог, то максимум через час он будет обживать новое комфортное (безопасное!) жильё.

За таким приедут, перевезут с вещами и любимым котиком, выслушают пожелания и будут терпеть скверный характер, «довесок» в виде семьи и любые фанаберии. Лишь бы работал... а вот за работу спрашивают строго.

А куда деваться какой-нибудь уборщице, даже если в недавнем прошлом она была директором «Пятёрочки» или нотариусом? В Военный Городок она попала либо случайно, либо была отобрана «по экстерьеру», притом едва ли не на конкурсной основе... Неявному, разумеется, и вообще – такие вещи пока на уровне слухов и подмигиваний, по крайней мере среди новичков.

За «место» бабоньки держатся всеми конечностями, а если нет... достаточно свистнуть, и всегда найдутся желающие разменять мораль на повышенный паёк. И честное слово, не могу и не хочу их винить!

Сзади нудно, но на повышенных тонах, обсуждают проблемы распределения пайков и проблемы военного коммунизма с феодальным оттенком.

– ... какие консервы, какие консервы? А служебное жильё, автомобиль, талоны на бензин? Да с динамикой от настоящего, где всего навалом – в будущее!

– ... запойный? – допытывается до меня Иваныч, вцепившись энцефалитным клещом. Неопределённо пожимаю плечами, не желая объясняться, и тот принимает это за «Да», тон разговора сразу меняется на снисходительно-наставительный.

– ... всю жизнь в одной поре, – журчит он, причавкивая и иногда отрывая, – пардон... желудок больной.

Впрочем, больной у него желудок или здоровый, а метёт

всё подряд, «маянезика» у него на тарелке чуть не полстака-на, да и кетчупа намешано изрядно. Потом опять будет рыгать, жаловаться на больной желудок, пить «Мезим» и ходить срать каждый час, рассказывая о составе стула и своих ощущениях.

– ... я её ебу, она аж плачет, так ей хорошо, – заливается лейтенант, а я морщусь непроизвольно. На ханжа, но...

– Заебали, – говорит кто-то за столиком справа, подсев на освободившееся место, – одни полуфабрикаты! Баб в столовую понабрали чуть не целый взвод, а жрём всякое говно!

– Новенькие... – примирительно сказал молодежавый майор, супруга которого, насколько я знаю, работает в столовой, – Москва не сразу строилась! Да и что плохого в полуфабрикатах? Консервы и крупы – продукты длительного хранения, а пельмешки и нагетсы особо не залежатся. А ну как холодильники ёбнутся?

– Да можно и полуфабрикаты... – начинается нудный срач на тему работниц столовой, их деловых и личностных качеств. Спорят, впрочем, крайне дипломатично, хотя и с матерком. Не дай Боже, зацепить языком женщину, каким-то боком близкую старшему по званию или близости к «тащ генералу»!

– Я всё понимаю – стресс, детей потеряла, но совесть же иметь надо? Я ей вчера – мяска положи, а она матом меня – как я, блять, смею о мясе, когда её детей... ну и так далее. Так я причём? Не нравится в столовой работать – вон, в хоз-

части работы полны! Не... а сколько таких?

– Нет, твоя-то нормальная... – спохватился критикан, – я всё понимаю. А эти...

Да... перевожу взгляд на заставленный тарелками пластиковый поднос. Не еда, а какое-то дурное клише «Обед холостяка». В столовой на выбор (пока не пропали!) предлагают в основном полуфабрикаты – пельмени, вареники, много жареных (почему-то именно жареных) сосисок и колбас. Супы неважные, не умеют бабоньки готовить на ораву мужиков в огромных кастрюлях, ну или делают «на отъебись», что более вероятно. У них горе и стресс, и не пошли бы мы!

Горы печений и вафель, часто прямо на стойке; заветрившихся пирожных и тортов в стеклянных витринах – бери, служивый! Шоколад, батончики, конфеты – продукт стратегический, его не выдают. Выверты этой логики я понимаю плохо, потому что печеньки с вафлями могут точно также храниться годами.

Меж сладостей на стойке гуляют тараканы, пока ещё не полчища, но уже и не одинокие разведчики. Авангард. Я потому не беру сладкое со стойки, хотя хочется аж до зубной боли. Брезгую. Понятно, что если прижмёт... но пока не прижало, опускаться не хочу.

– Сделай погромче! – кричит кто-то уборщице, сонной мухой ползающей с тряпкой по столам, и висящий на стене огромный плазменный телевизор начинает вещать.

– ... в районе Чертаново ведутся бои с применением ар-

тиллерии, – молоденькая ведущая волнуется, но изо всех сил старается выглядеть нейтральной, – по непроверенным пока данным, имеются значительные жертвы среди мирного населения! Главком Бирюлёво Восточное и префект Черёмушек выразили свою обеспокоенность. Ноту протеста подал глава Марьино, пообещав выдвинуть ополчение...

– Бля...

– Толи ещё будет, – тоном Кассандры пообещал мне Пирог, и мы молча досмотрели новости, сплошь такие же радужные, жизнеутверждающие и позитивные. Высокие официальные лица обещали покарать, восстановить и наладить.

Судя по данным блоггеров из тех, кого ещё не повесили за паникёрство и не закатали в штрафные роты, официалам в общем-то многие верят, но в основном по привычке, а отчасти – просто Веруют.

Лица военных в столовой скептические, они лучше других понимают, что если уж армия и МВД пошли вразнос, чего не было даже при развале СССР, то – всё, крах Системы и привычного мироустройства, и здравствуй – период феодальной раздробленности! Снова будут Собиратели Земель Русских, где правым (а возможно, и святым чуть позднее) окажется тот, кто выиграл, а проигравших демонизируют, измазав самой чёрной краской.

– ... спорим?!

– Спорим!

– На что спорите!? – заинтересовалась часть столовой

азартной кучкой, столпившейся в углу у двери.

– На применение ядерного оружия, – мрачно осклабил-ся пожилой подполковник химвойск, снова призванный на военную службу несколько дней назад. Кто-то присвистнул, но...

... ставки были сделаны. В основном спор пошёл о том, применит ли ЯО Москва, или применяют по Москве. Ну и будет ли это тактическое ЯО, или полноценное.

Многие вслух высказывали пожелание «вбомбить Москву», потому что «оттуда одна зараза», потом разгорелся спор о том, куда подевалось всё правительство?!

– ... не мог-ли!

– Пойдём-ка отсюда нахер, – предложил Пирог, тронув меня за рукав, и подхватив подносы с посудой, мы заторопились отнести их.

– ... диверсия, я тебе точно говорю!

– Какая на хуй диверсия?! Там такие меры безопасности...

– Свои и сдали!

– Да ну нахуй! – высказал я, пожалуй, наше общее мнение, когда мы вышли из столовой и встали поодаль от входа. Серёга недовольно повёл носом, после стерильно-кондиционированного воздуха в помещении, на улице ощутимо пахнет сладковатым гнилостным душком разлагающегося человеческого мяса.

Последние пару дней ко мне потихонечку возвращается

обоняние, и по нынешним временам это совсем не радостно. Честное слово, иногда кажется, что лучше бы оставалось как есть!

Запахом мертвечины накрепко пропитан весь город, разве что в частном секторе послабже. Офисы, квартиры, подвалы домов и чердаки, канализационные коллекторы и гаражи – части человеческих тел достают отовсюду. Останки утилизируют разными способами, но в основном выкапывают в скверах ямы бульдозерами, куда и привозят тела, пересыпая известью. Липецк стал одним сплошным могильником...

А ещё дохлые собаки и кошки, голуби и стремительно размножающиеся крысы, облюбовавшие почему-то бесхозные автомобили. Там они живут, выводят крысят, и часто там жедохнут.

Уже начались проблемы с канализацией и отчасти водопроводом, с вывозом мусора и уборкой улиц. Делается это преимущественно силами жителей, но Домовые Комитеты не везде справляются. Эпидемиологическая обстановка наименее благоприятная, медики настроены крайне пессимистично.

– Счастье ещё, что межконтинентальные в обе стороны не летят, – мрачно сказал капитан Дьяков, выходя из столовой, – зажигалка будет?

Подкуриваю ему и закуриваю сам, я вообще в последнее время стал много курить. Раньше две-три сигареты в день выкуривал, и то не всегда, а сейчас полпачки мало. Пока табака хватает, а через несколько лет, если доживу, перей-

дём на самосад. Говорить о здоровье... смешно, право слово! Постоянное ощущение цейтнота, мозг отказывается думать больше, чем на несколько недель вперёд, не видя ни картины будущего вообще, ни будущего для себя лично.

– Пока не летят, – крепко затягиваясь, говорю для поддержания разговора, – но зарекаться не буду.

– Вот-вот, – кивает тот, держа руку с сигаретой у рта, – мёртвая рука¹⁰ и всё такое... Бля, какие мы были дебилы! Из-за чего ссорились, спорили, войны вели?!

– А сейчас? – резонно поинтересовался Пирог, провожая глазами проехавший мимо Камаз с солдатами.

– И сейчас, – усмехнулся Дьяков, – С-сука! Все всё понимают, а как до дела, так язык в жопу! Офицеры, гордость России!

Сплюнув, он покосился выразительно в сторону штаба, и пошёл прочь широким шагом, яростно затягиваясь на ходу. Несколько затяжек, и окурок полетел в урну.

– Вот и поговорили, – усмехнулся Серёга, прислушиваясь к стрельбе за периметром.

– Валить надо... – озвучил я сокровенное, – вопрос только – куда, или – кого...

– Я в эту кучу говна лезть не стану, – отрицательно качнул головой Серёга, – и тебе не советую. Ты просто не зна-

¹⁰ Система «Периметр» (индекс УРВ РВСН – 15Э601, в Западной Европе и США известна как англ. Dead Hand, буквально «Мёртвая рука») – комплекс автоматического управления массивированным ответным ядерным ударом, созданный в СССР в разгар Холодной войны и используемый Россией.

ешь, какие в обычной военной части или ментовском участке интриги могут идти. Многоходовочки! Не зная раскладов и не имея проверенных друзей в этой среде, поучаствовать мы можем только одноразово, как гондоны.

– Да уж... не поспоришь, – соглашаюсь с ним, делая последнюю затяжку, – а главное, скорее всего будет замена одного говна на другое, ну или как вариант – коллективное говно. Как ни крути, а будет хунта!

– Покурил? – гоняя во рту жвачку, поинтересовался друг.

– Угум. Город должен жить! – оглянувшись предварительно, передразниваю «тащ генерала», – Тьфу, блять!

Работа наша заключается в том, чтобы перевести хозяйство военного городка на максимально автономный режим. Хотя такая возможность и предусматривалась ещё на уровне проектной документации, ебли нам предстоит немало.

Расконсервация скважин с водой, замена части труб и прочая, прочая...

Пирог за бригадира и де-факто за инженера, отчего он плюётся ядом. Слесарь, даже высококлассный и широкопрофильный, способный «с листа» читать чертежи и давать дельные советы начальству, всё-таки не инженер.

Я – заместитель, и по замыслу командования – человек, который должен держать в узде «зольдатиков», давая непослушным пизды. Вроде как «сильная рука» по мнению «тащ генерала», который очень легко и непринуждённо ввёл традиции рукоприкладства.

«Пробить фанеру, сунуть в морду, дать воспитательный подсрачник, пробить лоу-кик...» Пока неофициально, но уже особо не скрываются. В основном руками контрактников, среди которых есть своя иерархия, но и офицеры с прапорами не брезгают порой «приложить ручку». Разумеется, в сугубо воспитательных целях, потому как Родина в опасности, и потому – отставить либерастические штучки!

Мне всё это о-очень не нравится, фигня исключительно нездоровая. Я спортсмен, но свои навыки применял почти исключительно на ринге. Но даже если исключить свои личные предпочтения в этом вопросе, то как быть с психологической обстановкой в коллективе?

Пока никто ни в кого не стрелял, а суицидами на фоне Апокалипсиса никого не удивишь. Да и нет отныне за военными ни присмотра Военной Прокуратуры, ни Комитета Солдатских Матерей, ни правозащитников любого толка. Хреновато со сдерживающими факторами выходит...

Сейчас командирский подсрачник кажется, наверное, едва ли не отеческой лаской на фоне эволюционирующих мертвяков. Нормально! Учит отец-командир! Любя практически. Переживает за подчинённого.

А потом что? Привычка формируется за двадцать один день. Дедовщина и телесные наказания как норма жизни? Публичная порка по субботам и торжественное четвертование на площади Ленина?

Забрав своих возле солдатской столовой и отмахнувшись от сержанта-контрактника, норовившего отрапортовать Пирого по уставу, повели на место работ. Сержант, сформировав рыхлое подобие строя, пошёл впереди, мы с Серёгой чуть сбоку и молча, без настроенные общаться.

– ... для бля буду, Валер! Своими глазами видел! – горачится тощий рядовой, гримасничая без нужды, – Комендачи вчера завалили прыгуна, очередью через забор, на лету.

– Разговорчики в строю, – для порядку говорит Серёга, даже не глядя в ту сторону, и болтуны чуть приглушают звук.

– Да ну нахуй! На лету? – заметно тише усомнился парень с ефрейторской соплёй, поправив висящий на спине автомат.

– Понятно, что случайно, – поглядывая в нашу сторону согласился тощий и долговязый Женя, – Они там, ясен хуй, все себя снайперами мнят, но хуй там! Прыгун, бля буду, чертила какой-то! Коленки назад, на башке наросты как рога, морда козья какая-то. Глянуть на такого, так блевать и креститься охота!

– А вскрытие что? Обычный мертвяк или что?

– А хуй его... мне не докладывают, – Женя независимо пожал плечами и тут же засюсюкал с пробегающей мимо собакой, упитанной корноухой таксой – одной из поставленных на довольствие лично «тащ генералом», – Найда, Найдочка! Иди сюда, девочка, а вот что дам...

После Зомбиапокалипсиса в городе осталось удручающе

мало собак. Мало того, что за ними охотились мертвяки, так и ещё и некоторые впечатлительные граждане, насмотревшись Ютуба, решили превентивно уничтожить потенциальных «Адских Псов».

Эффективность такой «охоты», к сожалению, оказалась весьма высокой. Эту бы энергию, да в полезное русло...

А когда выяснилось, что собаки, в отличие от человека, не заражаются от укуса, было уже поздно. Нет, видео с «Адскими Псами» не было смонтировано... просто блоггеры приняли частности за закономерности, породив паническое цунами по всему миру.

Псине, дабы ступить на не-мёртвый путь становления, нужно соблюсти слишком много условий. Начиная от веса свыше тридцати килограмм и поедания мертвячей плоти при жизни, заканчивая относительной целостностью собственного организма после смерти.

А ещё время... в отличие от человека, проходящего «зомбификацию» в считанные минуты, собаченции требуется для этого не меньше часа. В нынешних условиях ситуация почти нереальная, и на три десятка килограммов бесхозного мяса находится много желающих. Если их не съедает стая товарищей или зомби, то в дело вступают крысы и вороны.

Выжившие собаки, особенно мелких «крысиных» пород, оказались внезапно стратегической ценностью. Едят немного, мертвяков чуют издали, крыс – что стало особенно актуально – делят. Ну и чувство вины перед собаченциями, не

без этого...

Найду выменяли на «Калаш» с цинком патронов. Теперь ей подыскивают «мужа» той же породы и строят планы по разведению.

Пропускаем взвод чуть вперёд, и я краем уха слышу приглушённый разговор срочников из местных, которых в Военном Городке хватает. Шли они, заметно оторвавшись от основного строя.

Обычно за такое разъёбывают, но «тащ генерал» далеко, да и войскам МТО¹¹ по части шагистики послабление дают. А нам с Серёгой вдвойне похер на уставщину, лишь бы солдаты работу работали, да дисциплину мал-мала соблюдали, без серьёзных залётов. Рабочий день у нас и так по двенадцать-четырнадцать часов, не хватало ещё строевыми экзерсисами заниматься!

– ... правильно сделали, что послали генерала! – слышу от одного из отставших, – На хуй он им... На Опытной с военным аэродромом спелись-спились, и им что наш Маслаченко, что Новолипецкие СБшники! На хуй!

– Мы щас какую территорию держим? – на хорошем «липецком» русском поинтересовался кавказского вида парнишка с ломаными ушами и фигурой борца-легковеса.

– Мы, это кто? – ёрнически осведомился русак, настолько тихий и незаметный, что его имени я до сих пор не запом-

¹¹ МТО – войска материально-технического обеспечения.

нил. А оказывается, это он только с начальством тихий... – Точнее!

– Да бя... – принуждённо хохотнул Анвар, – Мы, это Военный Городок... пока так!

– Пока, – усмехнулся третий из компании, приземистый коренастый Илья, – Тоже позиция!

– Какая есть! – отзеркалил усмешку кавказец. Насколько я помню, он из липецкой диаспоры, и «Мы» в его случае всегда будет отдавать привкусом двусмысленности.

– За Быхановым садом нейтральная территория, до Станционной примерно, дальше Опытная Станция масть держит, – нахмутив лоб, принялся негромко рассказывать незаметный, – но учти! Почём видел и слышал, потом и продаю!

– Да понятно! – быстро закивал Анвар, – Говори давай! Расклад по городу надо хотя бы примерно знать!

– По одну сторону в Пед упёрлись, дальше плюс-минус нейтральная территория метров с триста, а потом Сокольские землю держат, а они с Опытной в союзе. Вниз если, то до Верхнего парка, по линии Каменного Лога и далее до Политеха почти.

– Что-то скромно, – усомнился Анвар.

– Как есть, – пожал плечами незаметный, – Наш генерал на сутки, считай, опоздал с наведением порядка в Липецке. Когда начали кататься на бронетехнике, в городе уже свои центры силы организовались. Это только крупных три, а так-то, каждой твари по паре.

– И что, не отобрать территорию? – резонно усомнился кавказец, – Не верю!

– А не всё так просто, – гадючьи усмехнулся незаметный, – Пока наш «тащ генерал» в хунту игрался, кое-кто из офицеров и контрактников лыжи к родным навострил, да не с голыми руками! Точно не знаю, и потому врать не буду, но говорят, бронетехника теперь не только у нас!

– Еба-ать... – разом вспотел кавказец.

– А на НЛМК, – решил добить его незаметный, – свои склады оказались. То ли мобилизационные, со времён ещё СССР, то ли... хер знает, короче! У кого силы теперь побольше, ещё вопрос.

– Не... – кавказец напыжился, выпятив грудь, подбородок и вдогонку – нижнюю губу, – армия есть армия!

– Да ну!?! – приземистый Илья аж споткнулся, – А мы что, такие все спецы, в рот не ебаться?

– Тоже да, – уныло согласился Анвар, уныло глянув на идущих впереди солдат. Себя, очевидно, он причислял как раз к спецам.

– Я вообще думаю, что Новолипецк как бы не посерьёзней будет, – сказал незаметный, – только СБшники тамошние накрутили что-то поначалу, чуть не концлагерь на заводе сделали.

– А их не придавили? – поинтересовался Анвар.

– Не-а, – ответил незаметный, – а что и как, не в курсах. Вроде как их в сторону отодвинули, но всё равно СБшники

при власти, разве что не у руля.

– Ебать там гадюшник, – качнул головой Илья и сплюнул на асфальт.

– Подтянись! – команду негромко, и они ускоряют шаг, догоняя взвод.

– Слыхал? – пихаю Серёгу локтем в бок и показываю на срочников, топающих в конце колонны.

– Чего слышал? – не понимает он, выныривая из своих мыслей.

– Да ладно... – я трясую головой, только сейчас соображая, что слышать этих разговоров никак не мог, ибо далековато! Да и посторонних шумов на территории Военного Городка предостаточно. Везде какие-то работы – погрузочно-разгрузочные, слесарные, строительные. Всё огораживается, перегораживается, усиливается и военизируется, завозится на территорию продовольствие, строительные материалы и техника. Броуновское движение как есть!

– Так чего слышал? – переспрашивает друг.

– Забыли! Херня какая-то...

– Не армия, а детское пенитенциарное учреждение имени маркиза де Сада! – ругался Серёга, спускаясь следом за мной в водопроводный тоннель по вбитым в стену металлическим скобам, – Пока на работы распределишь, пока объяснишь каждому...

Спустившись, он замолчал, запыхтел и ускорил шаг, чуть

ссутилившись и на ходу сверяясь со схемой. Сзади, приотстав метров на семь, топала та самая троица с оборудованием и инструментами.

– Хрень какая-то, – озадаченно подытожил Пирог несколько минут спустя.

– Ну-ка? – я сунулся в чертежи, потом отобрал и только что не обнюхал. Все положенные печати, штампы... но не сходится с реальностью.

– Два варианта, – возвращаю напарнику бумаги, – либо в постперестроечные времена здесь до хрена чего строили, достраивали и перестраивали, во что я лично не очень верю. Либо...

Чешу в носу, пребывая в благородной задумчивости.

– ... мы наткнулись на скрытую часть айсберга.

– Думаешь? – задал Серёга риторический вопрос, загораясь энтузиазмом. Он большой любитель заброшек, особенно военных, диггерства и прочей движухи такого рода, – А что, похоже! Посвящённых сожрали зомби, а мы, выходит, заново открываем подземный мир Военного Городка!

– Что-то мне ссыкливо, Серёг, – делюсь с ним сомнением, – Ладно, если там бункер какой, а если нет? Например, хранилище военной химии или ракетная шахта?

– Этого не может быть, – отмахивается друг, – хм... но утверждать не возьмусь.

– ... а вот этого, – остановившись на повороте, медленно сказал Пирог, – я ничем объяснить не могу.

Сзади подтянулись солдаты и встали, как вкопанные.

– Еба-ать... – протянул ошарашенно Илья, – Э-э... виноват, тащ старший прапорщик!

... но мы не обратили внимания на мат, таращась вперёд. Огромный, тускло освещённый тоннель из красного кирпича (!) со сводчатыми потолками уходил вперёд и чуть вниз как минимум метров на двести. Дальше, по причине тускловатого освещения, обеспечиваемого лампами, забранными в массивные колпаки матового стекла с обрешёткой, не видно. По бокам тоннеля две огромные трубы едва ли не полутора-метрового диаметра, выше змеится целое переплетение труб потоньше.

– Дай-ка... – не глядя, протягиваю руку назад, и Илья подал совну. Не то чтобы я таскаю её везде и всюду, но... с ней спокойней. Понимаю, что это чистая психология, но использую совну (немножечко даже демонстративно) ещё и как инструмент. Возможность что-то поддеть, перерезать, перерубить...

... а то, что у меня есть привычка выставлять её перед собой при входе в подвал, например, так не это не паранойя! А если и она, то это паранойя здорового человека, или по крайней мере – живого.

Попробовав пошатать металлическим древком трубы, убедился в их прочности и вскарабкался наверх.

– Гудит... – убирая ухо от трубы, оповестил нас Пирог голосом, в котором смешался азарт бывалого приключенца,

и здоровая опаска человека, который в этом приключении живёт.

– Угу, – отзываюсь в тон, – наверху тоже рабочие.

– И что это такое? – не выдержал Анвар.

– А вот это, дружок, нам и предстоит узнать! – не поворачиваясь, отозвался Серёга.

– Городская канализация? – дрогнувшим голосом предположил Илья, по лицу которого хорошо видно, что он и сам в это не верит.

– Не она, – ответил Пирог, потирая переносицу, – и не городской водопровод, уж в этом-то я уверен.

– Разведка? – предлагаю без особой охоты.

– А куда деваться... – кусая верхнюю губу, отозвался друг. Я так и пошёл по трубе, поглядывая то и дело на стены – не мелькнёт ли там чего-нибудь...

...этакого? Чем дальше, тем больше тоннель напоминает мне уцелевший островок допотопной цивилизации, о которой я читывал иногда в интернете.

Липецк, по крайней мере официально, основан в начале восемнадцатого века, но статус города получил семьдесят с лишним лет спустя. Статус статусом, но до начала строительства НЛМК это был маленький уездный городишко, известный только своими минеральными водами. Да и после... шестьдесят лет назад он, уже выросший в разы, насчитывал всего-то около сотни тысяч человек.

Так для кого строили такие тоннели, в которых можно на-

ладить дорогу на две полосы, и выделить место на нормальные тротуары с велодорожками?!

– Оп-па... – я остановился, разглядывая стену. Пару шагов назад...

– Что там?

– Залезай! – с этими словами я протянул Серёге совну и он ухватился за крестовину. Рывок...

... и видя кошачье любопытство сročников, помог им тоже забраться.

– Видите? – лезвием совны черчу полосу, и пройдя десятков метров, ещё одну, – Граница между кирпичами. Здесь – просто красный кирпич, потом переход и...

– Да, – заключил Пирог, внимательно изучив кирпичи, – позади обычный кирпич, просто похожий на старинный, а здесь как будто слегка оплавленный. И... пожалуй, марка другая, но ручаться не буду.

– Ебать... – выдавил Илья, – это что здесь такое? Ракетная шахта?

– Я уже ничему не удивлюсь, – отозвался Серёга задумчиво, – ни ракетной шахте, ни бункеру Сталина...

– ... ни остаткам допотопной цивилизации, – закончил я за него.

– И этому тоже, – согласился друг, соскакивая с трубы и тут же перебираясь на трубу напротив, – Так, народ! Мы с Володей по трубам идём, вы внизу! Давайте, распределитесь – кто справа, кто слева, а кто посередине. Смотреть вни-

мательно!

Через несколько сот метров на кирпичной кладке начали попадаться барельефы. Сперва простенькие, с геометрическими и цветочными узорами, потом с лицами, сценами из античной и иной мифологии. Потом тоннель повернул, и...

– Вечер перестаёт быть томным, – хрипло сказал Пирог, перекидывая автомат на грудь.

Я открыл было рот... и закрыл, впервые за долгое время не находя слов.

– Та-ак... – присев, я провёл рукой по металлической трубе, и опустившись на четвереньки, пополз, щупая металл. Плавно, как-то очень естественно обычная металлическая труба с каждым шагом обрастала чешуйками, всё более и более натуралистичными.

С каждым шагом труба будто оживала, всё больше напоминая металлическую змею или скорее даже – китайского дракона. Я топнул ногой и...

– Бля... – соскакиваю на пол, – ты видел? Нет, ты видел?! Она шевельнулась, как шкура у собаки!

– Ага, – не своим голосом сказал Пирог, фигура которого будто подёрнулась дымкой.

– Серёг... Серёга! – окликаю его, – Бля... сделаю – пожалею, и не сделаю, пожалею...

Вдохнув полной грудью, делаю несколько шагов вперёд, трогая его за плечо и замирая на месте. Впереди виднелась огромная разветвлённая пещера с тускло светящимся длин-

ным мхом и огромными светлячками, ползающими по стенам. Две огромные струи кристально-чистой воды из драконовых пастей образовывали искрящийся радугой водопад, падающий в озеро, возле которого стояли дома.

Как замороженный, делаю шаг вперёд и мягкий голос в моей голове произнёс:

«Вы хотите войти в данж?»»

Пятая глава

«Вы хотите войти в данж?» – повторил голос, я сделал решительный шаг назад...

... и внезапно оказался на краю водопада. Потоки ледяной воды сдвинули ножны дюссака между ног и подбили меня под коленки. Пошатнувшись, я сел на задницу, мигом промокнув до пояса, а местами и повыше. По телу прокатилась волна холода и страха, леденя нутро и саму душу.

Серёга пошатнулся, но устоял на ногах, раскорячившись в причудливой низкой стойке из гонконгских боевиков. Позади неизобретательно и скучно, но очень эмоционально заматерился Илья, срываясь на нервный фальцет. Несколькими секундами позже к нему присоединился Анвар, мешая русский мат с ругательствами на родном языке.

Не вставая, я отполз назад метра на два и только потом встал, опираясь на совну и придерживая ножны.

– Та-ак... – я тупым взглядом уставился туманную завесу позади нас, через которую виднеется тоннель, уходящий, как отсюда виделось, куда-то в бесконечность. Каких-то Вселенских масштабов тоннель, чес-слово!

– Не продавливается, – сквозь сжатые зубы сдержанно констатировал незаметный Славка, осторожно тронув завесу прикладом автомата.

– Не продавливается, – несколькими секундами позже со-

гласился я, с силой потыкав в завесу подтоком совны, – Ну-ка...

Сгруппировавшись, врезался в завесу плечом и был мягко отброшен назад, с трудом удержавшись на ногах.

– Как в тугой батут врезался, – поделился я впечатлением.

– Дай я! – сказал Анвар с невесть откуда прорезавшимся кавказским акцентом, и стартанул из низкой стойки в лучших традициях борцов. На долю секунды показалось, что сейчас он прорвёт завесу... но потом «батут» спружинил, откидывая солдата к водопаду.

Я с трудом успел ухватить его за воротник, роняя в воду, да и сам не удержался на ногах, снова приземлившись жопой в ледяную воду.

– Бля... – кавказец, не вставая, перевёл на меня взгляд, – От души, тащ прапорщик!

Не чинясь, пожал протянутую руку и встал, потянув расчувствовавшегося Анвара за собой.

– Вот же херня... – подал голос Серёга и повернулся к нам, – Парни, не ручаюсь, но кажется, это из-за меня!

– Вы хотите войти в данж? – повторил я вслед за голосом в голове.

– Да, бля! – он скривился, как от сильнейшей зубной боли, – А я захотел!

– Вот здесь, – Пирог снял головной убор и звучно постучал себя по блестящей от пота лысине, – как перемкнуло.

Машинально отмечаю странноватую игровую механику, в

которой шум падающей воды не заглушает наших голосов. Шум сильнейший, но он как бы отдельно, будто мозг поставил галочку «громкие звуки» и «шумовой фон». А другая, совершенно отдельная часть мозга и слуха, выделена для разговора.

Анвар, искоса поглядывая на моего друга, зашептал что-то тихо, но очень эмоционально, не сразу умолкнув под моим тяжёлым взглядом. Кто из нас сильней, и прочие чисто пацанские вещи, мы прояснили на второй день, в учебном спарринге.

В армии иногда проще один раз «продавить» свой авторитет силой, чем долго и нудно строить бойцов, опираясь на Устав. С бойцами-кавказцами это особенно актуально, они неохотно подчиняются слабому, и прежде всего духом, командир, что для меня, к слову, вполне логично.

Анвар чистый «борцуха», и притом классный, но ударка у него нулевая, разве что удар пушечный. Но что толку с пушечного удара, если не умеешь держать дистанцию и «переключатся» с борьбы на удары, а сами удары – совершенно «колхозные», размашистые?

А у меня разряд не только по кикбоксингу, но и опыт смешанных. Размотал его не то чтобы всухую, но впечатление о себе оставил серьёзное, и это притом, что весовая категория у меня поскромней.

– Ментальное воздействие, – сказал я как можно более убедительно, стараясь навязать, продавить своё мнение.

Серёга перекошил физиономию ещё сильнее и дёрнул плечами, не пытаясь искать оправданий и не желая их.

«Зар-раза! Ты-то мне что игру ломаешь? Чистоплюй херов!»

– Как в игре, – озвучил я очевидное, подходя чуть ближе к краю водопада и с опаской глядя вниз, а потом с не меньшей опаской покосился на драконью голову трубы. Голова покосилась на меня и сощурилась презрительно, – Ты командир группы и... со всеми вытекающими, как мы все поняли. Вошел ты, закинуло и всех нас.

– Виноват, пацаны, – мрачно сказал Серёга, – Если есть желающие высказаться – вэлкам, обижаться не буду.

– Да бя... – сказал Илья и безнадежно махнул рукой. За молчав и ссутулившись, он взял «Калаш» как младенчика, и над площадкой набухающей грозовой тучей повисла депрессия.

Площадка целиком залита водой, и нет никакой возможности присесть или положить оружие, что тоже не добавляет настроения. Сложили кое-как оборудование на инструменты неустойчивой пирамидкой, но на этом всё. Это, вместе с подмерзающими ногами, добавляет ощущение безнадеги и стремительно утекающего времени.

– Если нет возможности идти назад... – я замолкаю, собираясь с мыслями и духом, – значит, нужно идти вперед.

– Куда? – мрачно спросил Илья, широким жестом показывая перед собой. Водопад рушится вниз с высоты полусотни

метров, и прыгать туда решительно не хочется ни «щучкой» ни «солдатином», ни каким-либо иным способом.

– Э-э... – протянул Анвар, тыкая пальцем в облизанные водой уступы, клыками торчащие по бокам водопада, – по валунам? С одного на другой?

– Хм... – отозвался Славка, подходя поближе к краю водопада и глядя вниз, – ты у себя перед глазами полоску жизни видишь?

– А? Нет... – растерянно отозвался кавказец после длинной паузы, явно попытавшись вызвать интерфейс.

– Вот и я нет, – сумрачно подытожил Славка, перекидывая автомат на другое плечо. Анвар закусил губу, но смолчал, не пытаясь строить из себя обиженку и прокачивать позицию доминантного самца в их маленькой стайке.

– Может, поискать разгадки? – предложил Илья, наморщив лоб, – Ну, рычаг какой-нибудь... Я в какой-то игре похожее видел: надо нажать или надавить на что-нибудь, и тогда мост появляется.

– Квест, – усмехнулся суховато Пирог, и подал пример, начав по миллиметру осматривать и простукивать стену. Переглянувшись, мы последовали его примеру, потому как... а что ещё делать? Прыгать солдатином вниз, надеясь на воскрешение, страшно до одури. Да если и да... кто даст гарантию, что воскреснешь снова в тоннеле, а не на площадке у края водопада?

– Ага! – несколько минут спустя воскликнул Славка, встав

у скалы и тыкая в неё пальцем, – Видите?! Это базальт с...

Он начал сыпать названиями горных пород, но узрев наши непонимающие физиономии, быстро заткнулся и вздохнул. В этот момент ему остро не хватало очков, седого парика и академической шапочки. Ну и пожалуй – всплывающей таблички «Британский учёный» над головой.

– Кароче... – потёр переносье Славка, собирая в кучу мысли попроще, специально для малограмотных нас, – этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!

– Это, – он звучно хлопнул ладонью по камню, – магматическая порода, а это...

Ладонь коснулась почти такого же камня.

– Осадочная. Ясно?

– Если это Игра... – пожимаю плечами и замолкаю, не желая приносить в команду пессимизм, которого у нас и так выше крыши.

– Ну... – Славка снова трёт нос, – условности игры никто не отменял, но нужно же с чего-то начинать?

Следующие пятнадцать минут мы провели, пытаясь стучать по камням в определённой последовательности, двигать (!) их и даже окроплять кровью. К слову, никаких полос жизни и стремительно заживающих царапин. Боление было самым искренним, но увы, безрезультатным.

С неохотой оставив это занятие, снова принялись за поиск и быстро пришли в уныние. На небольшой площадке (размером всего-то с половину школьного спортзала, разве что

сильно вытянутого в ширину) знаков и намёков мы нашли в явно избыточном порядке. Анвар с Ильёй даже решили было сосчитать, но сбились после полусотни, едва не разругавшись.

– Брэк! – разнял их Пирог, – Хватит, горячие липецкие парни!

На него покосились неприязненно, но послушались нехотя, явно в силу Устава и привычки.

Ноги к этому времени промёрзли почти до потери чувствительности, что не добавляет оптимизма. Устроили мозговой штурм, но не слишком удачный.

Анвар, постоянно чихая, сбивался на нравоучительные истории о своих родственниках и сам же потом терялся, не в силах понять, а что же он имел в виду, заводя разговор?!

Илья, шмыгая носом и поминутно просмаркиваясь в пальцы, ополаскивая их затем в воде под ногами, тянул «Э-э» и всё время щёлкал мокрыми пальцами, морщась и поминая «того чувака».

Логика Славки ходила своими путями, и времени на расшифровку тратилось больше, чем на «того чувака, который ещё там с мечом» от Ильи.

На Серёгу парни явно злились, и чем дальше, тем больше в их глазах читалось желание проверить: что будет, если убить главу отряда? Может быть, группу выкинет из данжа?! Что бы он ни говорил, воспринималось всё с лицами, полными скепсиса и нежелания слушать хоть какие-то доводы.

Поймав его взгляд, пожимаю едва заметно плечами и киваю.

– Так... вижу, вы на меня злитесь, – начал Серёга, – и не хотите даже слушать предложений.

Солдаты, что немислимо, отмолчались, что мы сочли за согласие.

– Попробуем провести смену командования, – продолжил он, и глядя в пустоту перед собой, сказал:

– Снимаю с себя командование отрядом.

– Принимаю на себя командование отрядом, – тотчас отозвался я. Никаких спецэффектов не было, интерфейс не возник, но я ЗНАЮ, что с этой секунды являюсь командиром группы.

К сожалению, никаких интерфейсов, знания собственно-го уровня и прочих подсказок нет. Увы... Чёрт с ним, со входом в Игру или оцифровкой... не знаю, как правильной, но сейчас бы до уссачки обрадовался хотя бы урезанному интерфейсу и предложению привязаться к точке воскрешения.

– Может... – Славка встал и потыкал в Завесу.

– Хуй там, – грубо констатировал Илья и добавил обидно, специально для Пирого:

– Ну хоть так!

– А-атставить! – резко командуя я.

– Есть оставить, тащ прапорщик! – с готовностью вытянулся Илья, показывая готовность слушаться меня, но не Пирого.

«Ну, хоть так!» – мелькнуло у меня, но раскачивать ситуацию не стал.

Через несколько минут я методом тыка нащупал систему переключения уступов по бокам водопада. Камни выдвигались, задвигались, становились торчком, как эрегированные члены, и кажется, меняли свой цвет. Поиграв несколько минут, оставил там Славку.

– Пробуй, – лаконично сказал ему, – а я ещё поищу.

– Действительно, тащ прапорщик, – кивнул тот с готовностью, – это может быть комплексная система!

Анвар с видом победителя глянул на Пирого, не обратившего никакого внимания на этот детский сад в камуфляже. Встав у края водопада, Серёга стоял, внимательно наблюдая за движущимися уступами.

– Стоп! – скомандовал Пирог, поднимая руку, – Вот так пока оставь!

– Ты слышал товарища старшего прапорщика!?! – надавил я, заметив следы фронды.

– Есть оставить, – флегматично отозвался Слава, отходя в сторону и демонстративно отряхивая руки.

– Как знал! – радовался Серёга, доставая альпинистское снаряжение, – На всякий случай таскал, раз уж заявку на него одобрили, а тут...

Замолчав, он верёвкой промерил расстояние до одного из уступов от поглядывающей на нас драконьей башки, извергавшей воду и радугу.

– Дотягиваем? – вытянув шею, поинтересовался я.

– Не слишком, – озабоченно отозвался друг, – Видишь?

Во-он до того выступающего камня... чуть левее... свободно спускаемся, а потом проблемы. Я с запасом брал, но на всякий диггерский случай, а не на подобную ситуацию. Кто ж знал... Саморазвязывающийся узел сделаю, не проблема, но кажется мне, что площадочка для всех нас впритык будет. Это мне надо будет спуститься, оседлать уступ жопой к озеру, и снова завязать узел, стараясь не спихнуть всех остальных в озеро и не свалиться самому.

– Не велика потеря, – на грани слышимости пробурчал Илья, но я сделал вид, что не услышал подчинённого.

– Ну... – прикидываю расстояние от уступа до поверхности воды, – там вроде не слишком высоко.

– Пятый этаж минимум, – отрезал Серёга, – скорее даже седьмой. Если ты не экстремал, с такой высоты даже в берцах и обмундировании можно себе всё отбить нахер! И вода...

Он поднял ногу и топнул с силой – так, что нас обдало ледяными брызгами.

– ... холодная, а озеро не такое уж маленькое, как сверху кажется. Надеяться надо на лучшее, а рассчитывать на худшее.

– Совсем херово? – осведомился я, вытирая под носом.

– Почему? – Серёга флегматично пожал плечами, – Шанс есть, и немаленький, но не мешало бы его повисить.

– Что стоим? – выпрямился я, окидывая командирским

взглядом подобравшихся поближе солдат, – Ищем!

– Есть, тащ прапорщик! – отозвался за всех повеселевший Илюха, – Ищем!

Кашляя и чихая, мы шарились по стенам, пробуя порой самые странные вещи. Но добились... а вернее, я добился только того, что освещение на площадке стало мягко переливаться, как гирлянды на Новогодней ёлке.

– Я... – скидываю берцы, – попробую, пожалуй, ногами нащупать! А то пол мы как раз и упускаем.

Разувшись, зашаркал по каменному полу пятками назад – чтоб если вдруг наткнулся на что-то с размаху, хоть пальцы не сломать. Парни, помявшись и переглянувшись, разуваться не стали, а Серёга был занят подготовкой альпинистского снаряжения.

Почти не чувствуя замёрзших ног, я пытался компенсировать это зрением, но в бурлящих вихрях быстротекучей воды видимость скверная. И всё же, всё же... пару раз мне показалось, что под водой есть какие-то линии.

Согнувшись в три погибели и отклячив зад, смотрю вниз, шаркая ногами, которые уже ломит от боли, и опуская иногда руки. Мимо, мимо...

– Есть! Ну-ка, парни, – командую резко, – отойдите к завесе! А то не дай Бог...

Договаривать не пришлось, парни телепортировались к завесе и замерли.

– Кольцо какое-то, – комментирую свои действия, – в же-

лобке, вырезанном под него. Похоже на крышку погребка...

Попробовал приподнять, но чуть не сорвал спину, но вовремя сообразил попробовать с разных сторон. Первая же попытка увенчалась успехом, и крыша пошла – сперва с наугой, а потом – будто подкинута мощной пружиной.

Вода на площадке забурлила водоворотом, и...

– Магия, – выплюнул Анвар, произнеся это слово матерным тоном.

... середина площадки очистилась, как воды Красного моря перед Моисеем во время Исхода из Египта. Насухо! И...

... я присел и пощупал рукой... камни чуть тёплые.

– Вы прям профессиональный вор, тащ прапорщик, – брякнул Илья.

– Чё!?! – поворачиваюсь к нему, не вставая с корточек.

– Да я про игровые условности, – тащ прапорщик! – заторопился тот с оправданиями! – В хорошем смысле! Очень уж ловушки хорошо видите!

– Ладно... – меряю его взглядом в стиле «Большой Брат следит за тобой» и отворачиваюсь. А чтоб не расслаблялся!

По обеим сторонам площадки всё также текла вода, а здесь – сухо и...

– Ступеньки, – связывая между собой шнурки и вешая берцы на шею, озвучил я и шагнул вниз. Ну... раз уж командир. Не тот у меня пока что уровень, чтобы посылать в бой, отсиживаясь на жопе в тёплом месте. Не «Вперёд», а «За мной!»

– А куда деваться? – услышал я Серёгино, начавшего спускаться сразу за мной.

– Орлы! – запоздало гаркнул я снизу, – Инструмент подберите! Хер его знает, что нам здесь понадобится может, раз уж со всем снаряжением закинуло!

Спускались долго и неудобно. Ступени крутёхоньки, и такое впечатление, делались будто на детей или что вернее, на нелюдей – заметно уже и чуть ниже обычных, отчего все мы по несколько раз оступились, хотя и без серьёзных последствий.

– Такое ощущение, что не с высоты пятидесяти метров спускаемся, а с «Бурдж-Халифа¹²», – пробурчал Слава умиравшим голосом.

– Можешь подождать нас наверху, – предложил я ему. Понимались смешки, будто я сказал невесть что-то остроумное.

Наконец, спуск закончился, и честное слово – вовремя! Ноги уже сводило, но не ныл, как пацаны... ибо авторитет командира и всё такое. Расслабиться можно будет, когда...

«И если» – подвякнул мозг.

... вернёмся в Военный Городок. А пока мои командирские и лидерские качества должны быть на недостижимой высоте.

Площадка возле входа в водопад огорожена невысокой

¹² «Бурдж-Халифа» – сверхвысотный небоскрёб высотой 828 метров в Дубае (ОАЭ).

каменной балюстрадой, отчаянно нуждающейся в реставрации. Много полуразрушенных скульптур и барельефов в индийском или индонезийском стиле – с обилием резьбы и мелких деталей, но не всегда анатомически правильных.

Хотя... о чём это я?! Какая, на хрен, правильность анатомии после трубы-дракона?! Может, здесь за норму антропоморфные существа, с короткими кривыми ногами в треть туловища.

Площадка на пару метров возвышается над местностью, а внизу в обе стороны раскинулось вдоль озера подобие набережной. Такая же заброшенная и полуразрушенная, с выветрившимися от времени статуями и барельефами, уцелевшими кое-где узкими скамейками под чужую анатомию, и тускловатыми фонарями.

Кое-где одичавшая растительность, сохранившаяся в каменных высоких клумбах и пробившаяся через вставшие дыбом каменные плиты. Озеро огорожено сплошной каменной оградой, примерно по пояс высотой, с незатейливой резьбой. Возможно, благодаря этой незатейливости, сохранилась она получше и выглядит поновей.

Местами ограда расступается, и к воде спускаются широкие узорчатые ступени, на которых сейчас отдыхают небольшие тюлени, провожающие нас блестящими чёрными глазами, и крупные, до полутора метров, безразличные ко всему черепахи. Живность в озере играет в извечные догонялки на выживание, и судя по плеску и оглушительным ударам хво-

ста по поверхности воды, экземпляры здесь попадаются солидные, побольше иной рыбацкой лодки.

Такое впечатление, что неведомые хозяева ушли лет этак пятьдесят назад, и только всё ещё работающие фонари показывают уровень былой цивилизации. Нечто вроде Чернобыля, и кстати...

– Серёг, у тебя дозиметр с собой?

– Думаешь? – выдохнул Пирог и тут же зашарил по карманам, – Ну-ка... нет, нормально. Насколько вообще может нормальным в такой...

Он махнул рукой и замолчал.

– Такое впечатление, – странно щурясь, нарушил тишину Славка, – что озеро сильно больше, чем казалось сверху.

– Да ну... – начал Анвар, и тут же реабилитировался, – а хотя может быть! Спускались-то сколько, э?! Оптическая иллюзия! Жаль, видно плохо.

– Плохо? – удивился я, и после опросов и серии экспериментов выяснилось, что видим мы, оказывается, по-разному... Для меня в пещере просто пасмурный день. Серёга и Славка видят всё, как в надвигающихся сумерках, и если видимость вдаль у них упала, зато вблизи – напротив, они стали видеть всё значительно резче.

– ... именно что резче, – сказал Славка, – как будто каждый предмет прочерчен в пространстве.

– Да, похоже, – озадаченно согласился Пирог.

... а вот Илья и Анвар оказались «слепощарыми» и видят

всё как в сумерках, притом без всякой резкости.

– Резче? – переспрашиваю я, – Хм... есть такое дело, но только часть окружения.

Снова серия экспериментов (занявшая от силы пять минут), показавшая, что «прочерченными» я вижу только что-то условно «важное».

– ... ну точно – вор! – выдохнул Славка, – Без обид, тащ прапорщик! Это просто игровая система такая! Вы, по идее, должны видеть всякие там ловушки, потайные ходы и... такое всё.

Он покрутил рукой, и сам не вполне понимая, а что же это «Всё».

– Ладно, – соглашаюсь с ним, перекидывая ружьё на грудь и с новыми силами принимаясь пялиться в пространство, – принято, без обид.

– Тащ прапорщик, а вы в игры играли? – осторожно поинтересовался Слава.

– В игры вообще – да, но всё больше в Ворд оф Танкс, а не это ваше...

– Разберёмся! – уверенно пообещал Славка. Киваю уверенно, хотя внутри испытываю совсем другие чувства, и ах... как я зол на Пирого! Нет, он по-прежнему друг, но... зараза, как же невовремя он оступился! И ладно бы это, но это его чистоплюйство...

Че-слово, очень не хочется отвечать за эту хтоническую хрень, что с нами творится! Вляпались мы крепенько, и чувствует

моя чуйка, что ещё только начало.

Завозился от нервов по карманам, и дабы не показывать суетливость, вроде как по делу, проверяя целость вещей. Секунд тридцать пялился на незнакомые предметы, мучительно вспоминая, что же это за прямоугольные коробочки...

«Артефакты связи» – вякнул мозг и отключился.

– Мобильник и планшет!

– Чего? – уставился на меня Серёга.

– Мобильник и планшет, – повторил я, отдав артефакты на откуп пальцам, пока друг морщил лоб, силясь понять, что же я имею в виду?!

Мышечная память сработала и мозг начал вспоминать. Сообщения, Вайбер, Ватсап... попробовал дозвониться – не берёт, и... циферки на электронном табло остановились. Наручные часы – аналогично, секундные стрелки не двигаются.

– Телефон! – достав свои артефакты, воскликнул Серёга с видом человека, переоткрывшего Америку, – Вспомнил!

– Ну точно – ментальное воздействие, – выдохнул Славка, – на вас, выходит, на первого воздействовали, тащ старший прапорщик!

Анвар с Ильёй, непонимающе ковыряясь в своих артефактах, не слишком внятно забубнили, что они никогда, и всё это от нервов и этого... ментала! А сами они ого и ага, а местами и вовсе – молодцы!

– Так, мблодцы! – останавливаю верноподанническое словоизвержение с нотками вины, – Давайте-ка отойдём в сто-

ронку и соберёмся с мыслями, а то что-то мне подсказывает, что воздействие на нас игрового момента могло оказаться ещё более глубоким.

– Да и просушиться не мешает, – добавил Серёга после серии чихов, – хотя бы обувь.

Отошли метров на двести от площадки, остановившись в крохотном скверике, в полуразрушенной беседке, окружённой несколькими старыми деревьями, высаженными явно ещё до местного Чернобыля. Далеко не отходя, натаскали сухостоя и развели маленький костерок. Не столько даже за большим надом, сколько ради психологического комфорта.

Заброшенная набережная не выглядит опасной, и скорее всего, это «ясли» данжа, по мнению большинства. Но...

... а вдруг?!

Стремновато, честно говоря. Очень живописно, красиво и наверное даже – романтично, но на мозг давит понимание неправильности происходящего. Приключаться, чес-слово, не хочется от слова «совсем», и пока никакое чужеродное ментальное воздействие не срабатывает.

Выяснять границы яслей, тем более предполагаемых, желательно когда-нибудь потом, и не слишком скоро. Никто не нападает и не надо ни в кого стрелять, уже хорошо!

Раздевшись догола, выжали мокрые брюки и труселя, подложили под жопы куртки и расставили обувь вокруг костра. Запасные носки есть у всех, такова специфика водопроводных работ. Промочить здесь ноги – на раз-два, а ходить по-

том в сырых приятно мало, а вот с трусами ситуация иная, да и ботинки желательно хоть немного подсушить.

– Телефоны, планшеты, часы... всё проверили? – интересуюсь у личного состава.

– Всё, тащ прапорщик! – помедлив, и явно вспоминая значение слова «телефон», ответил Славка за своих парней, – Всё в общем-то работает, но через жопу, и мозг постоянно тупит.

– Ага... – глубокомысленно замечаю я, поднимая ружьё с колен, – это что?

– Алхимический метатель гражданского типа! – радостно рапортует Анвар, и солдаты кивают.

– Хм... а подумать?

Вижу непонимающие глаза.

– Ружьё, – произносит Пирог с видом человека, вспомнившего полузабытое словцо на чужом языке, – можно?

Протягиваю ему оружие и он бережно взял его, подержал и передал обратно.

– А это... – он взял своё оружие, лежащее справа.

– Э-э... военное ружьё? – неуверенно говорю я, пытаюсь вспомнить название. Но нет... под тормаживает с прямо-таки слышимой пробуксовкой.

– Нет... – хмурится Серёга, – кажется, как-то иначе.

– Пиздец! – выдохнул Илья, – Вот нас накрыло!

– Это вещи, чуждые механике Игры! – подскочил Славка, колыхнув мудями.

– Похоже, – согласился Пирог, – непонятно только, почему ты вспомнил, что такое ружьё и телефон, а у ребят такие понятия в голове не укладываются.

– Хер его... – выразительно жму плечами, – да и ты вспомнил, хоть и чуть позже.

– Хм... ну я-то понимаю, как там всё устроено, да и чинил недавно.

– И я чинил, – говорю задумчиво, – экран менял после... ну ты помнишь! Да и в потроха лазил.

– Точно! – перебивает его Славка, – Тащ старший прапорщик, тащ прапорщик! Если это игровая механика, то получается, что вы к этим...

– ... телефонам и планшету, – подсказывает Пирог.

– Да! – энергично кивает солдат, – Э-э... к артефактам руки приложили! Может, поэтому?

– Я ствол на ружье менял, – по-новому смотрю на оружие, – и приклад!

– А это... – так и не вспомнив слова, – военная модель, она заводская и обезличенная.

– А будет ли она стрелять? – задался вопросом Илья, и мы все напряглись. Нарушать тишину выстрелами не стали, но солдаты как-то очень быстро разобрали железяки и начали посматривать, облизываясь, на мою совну и дюссак.

Дабы не провоцировать, отдал совну Серёге.

– А сам? – спросил Пирог, не беря оружие, – Если алхими... тьфу ты! Если огнестрельное оружие под сомнением,

ты что, с тесаком останешься?

– Умею немного, – коротко отвечаю я, и видя сомнение в его глазах, добавляю:

– В том году в Питере в командировке четыре месяца был, филиппинкой занимался, эскримой. Ну вот... наблатыкался немного, там и с клинками работают.

– Ладно, – кивнул тот, принимая совну, – но ружья не помешало бы проверить!

Моя одежда и обувь высохли быстро – наверное, опять какая-нибудь игровая условность. Я на работы в своём стареньком хожу, сэконд-хэндовском, штопанном-перештопанном своими руками... зато удобном!

Только вот берцы почему... неужели «в зачёт» пошло то, что я менял в них шнурки?! А с другой стороны, я ведь и с ружьём не так чтобы много повозился!

– Высохло? – подняв голову от разобранных ружей, спросил Серёга.

– Угу. Глянь, может у тебя также – игровая механика, то-сё...

Не вставая, он протянул руку к штанам и кивнул, принявшись одеваться.

– Я пройду тут рядышком, – сказал я, – сидите-сидите! Далеко отходить не буду, просто как... э-э, вор попробую пройти. Может, замечу что-нибудь.

– А может, я с вами, тащ прапорщик? – с надеждой в голосе осведомился Анвар.

– Не... лучше товарища старшего прапорщика охраняй, – киваю на Серёгу, – Видишь? С этими... военными ружьями возится, может и выйдет их также...

– Автомат! – с нескрываемым облегчением выдохнул Пирог, передёргивая затвор, – А всего-то – сборка-разборка с перемешиванием деталей!

– Видели? – акцентирую внимание солдат на происходящем, – Давайте также: сборка-разборка... ну вы поняли!

Энтузиазм рядовых полыхнул до небес, а я, не дожидаясь окончания, двинулся на обход территории. На душе немного полегчало, ситуация парадоксальным образом уже не кажется такой безнадёжной и...

... я даже смотреть стал иначе! Смотреть, и видеть чуть больше, чем раньше.

– Феи! – выдыхаю восторженно, глядя на маленькую фигурку со стрекозиными крылышками, мелькающую в кроне дерева. Как-то почувствовав мой интерес, фея зависла в воздухе и развернулась, глядя мне в глаза.

– Видит-видит-видит! – запищала она, а я – действительно – вижу! В кронах деревьев, в воздухе и на воде не только обычные мелкие птицы и насекомые, но и существа, светящиеся мягким магическим светом, и стоило мне только моргнуть, как они...

... пропали! С большим трудом сосредоточившись, снова могу видеть их и... слышать!

– Видит-видит-видит! – разгневанно запищала фея, ши-

роко открывая огромный рот, полный острых акульих зубов. Мордочка у неё страшненькая, но одновременно премиленькая, этакий кавайный монстрик в одежке из травы и листьев.

Пропорции и типаж у неё не вполне человеческие, а нечто, близкое скорее фарфоровым немецким куклам, причём ожившей куклой фейка не выглядит, живая и очень убедительно живая.

– Какая прелесть! – искренне умилился я.

– Мы – прелесть? – неуверенно сказала пискля, приоткрыв зубастый ротик.

– Прелесть! – подтверждаю я, – Очаровательная феечка!

– Мы – пикся! – нахмурилась кавайное чудовище, и как мне показалось – обиделась.

– Ну прости, очаровательная пикся!

– Очаровательная? – подлетела ещё одна товарка, одетая в такую же одежку, с острой косточкой-копьем в пухлых ручках, – Мы?

Мордашка такая же удивлённая, большие глаза смотрят на меня, часто мигая.

– Прелесть, – киваю я.

– Прелесть – мы, – насупилась первая, подлетая поближе, а я машинально прикинул рост – сантиметров восемнадцать-двадцать.

– Прелесть, – соглашаюсь с ней, – очаровательная прелесть!

Пикся зарумянилась и подлетела ещё ближе, и я расплыл-

ся в умилении. Будто почувствовав эмоции, крылатое создание заулыбалось мне. Покопавшись в кармане куртки, я вытащил конфету, разворачивая её.

– Будешь? – протягиваю Прелести, – Сладкая!

– Мне? – пикся повисла в воздухе, и даже её стрекозиные крылышки замерли...

«Что значит, летают за счёт магии...»

– ... что надо делать? – не отрывая глаз от конфеты, заинтересовалась Прелесть с обречённым видом.

– Делать? – удивляюсь я, – Да ничего! Просто так, от чистого сердца угощаю.

– Просто... – неверяще сказал она и подлетела, цапая ирису. Нюх-нюх-нюх...

– Просто конфета! – растерянно поделилась она с товарищами, коих набралось уже десятка три, если не больше.

– Вкуфная... – прочавкала Прелесть через несколько секунд с видом наркоманки, дорвавшейся до дозы.

– ... просто конфета... – слышу писклявые разговоры.

– ... прелесть! Мы – прелесть!

– Очаровательная! – поправила другая зубастая пискля.

– Петом? – требовательно спросила одна из пикси, показывая на чавкающую Прелесть, и я не сразу сообразил, что она имеет в виду.

– Петом? Нет... просто угостил, как друга.

– Друг-друг-друг... – запищали они, подлетая ближе, – друг-человека...

Одна из них принялась к поджившей царاپине на за-
пястье и бесцеремонно сковырнула болячку.

– Не человека! – уверенно констатировала она, – Мало человека!

Я открыл было рот... и закрыл его, потому что одной ча-
стью сознания я продолжал помнить, что «Мама учительни-
ца, а папа – подлец», как сочувственно озвучила однажды
сердобольная соседка во времена далёкого детства.

Другая же часть сознания знала, что папаша мой – почти
чистокровный кендер, а мама наполовину хоббитушка, а по-
чти наполовину человечка с толикой крови тёмных эльфов.

– Бред...

Сознание упорно считало иначе. А чё такого?! Вон, Серё-
га почти чистокровный цверг и на одну восьмую кобольд, и
никого это не волнует! В Советском Союзе все националь-
ности были равны!

– А какая разница? – говорю вслух, – Я вообще интер-
националист и не считаю одни национальности и расы хуже
других!

– Парни! – кричу издали, высоко поднимая руку с ру-
жьём, – Я тут с гостями! Не стреляйте!

– Вот... – старательно давя лыбу при виде Анвара, при-
крывающего мохнатые мудя автоматом. Впрочем, горец не
слишком-то стесняется наготы, и тот факт, что он схватился
в первую очередь за оружие, говорит исключительно в его

пользу, – познакомьтесь.

– Пикся, – вылетев из-за моей спины, представилась моя знакомица, делая в воздухе подобие книксена, – Очаровательная Прелесть! Друг!

– Действительно – Прелесть! – засмеялся Серёга, рассматривая застеснявшуюся пикси.

– Конфета есть? – подлетела к нему другая пикся, ревниво дёрнув за волосы и тут же отлетев на метр, – Просто так?

На мордашке кавайного монстрика – ожидание чуда и одновременно неверие в него, какое бывает только у битых Судьбой детей из детдома.

– Где же... – он хлопнул по карману куртки, – батончик вот, будешь?

– Просто? – прижав ручки к груди, пискнул монстрик, жадно глядя на батончик и часто-часто моргая глазами, в которых проступили слёзы.

– Ну да... – Серёга улыбнулся очень искренне, – кушай! Только с подругами поделись.

– Друг-друг-друг! – на грани слышимости пропищал монстрик, хватая батончик и отлетая. Развернув его на лету, она откусила, закатила блаженно глазки и подлетела к Пирогу, одарив его очень сладким и очень липким поцелуем в щёку.

Выдохнув счастливо, она по-хозяйски уселась ему на плечо с видом ребёнка, добившегося сбычи всех мечт. Апофеоз счастья!

– А мне...

– А нам...

Пикси налете на нас, трогая за волосы и выпрашивая сладости. Мы раздали всё, что было, и следующие минут пятнадцать писклявые монстрики, обмениваясь впечатлениями и лакомствами, поедали сладости.

– Я – кто? – доев батончик, допытывалась тем временем пикся у Серёги, дёргая его за ухо.

– Милашка, – ответил тот, повернув голову и осторожно глядя монстрика по спинке.

– Друг? – с надеждой спросила та, выгибаясь под лаской, как котёнок, и только что не мурча.

– Друг, – согласился Пирог, улыбаясь чуть смущённо и очень искренне.

– Друг... – выдохнула Милашка, развалившись на плече Серёги туго набитым пузиком кверху, с видом отпускника на лежаке.

Прелесть тем временем ревниво отгоняла других пикси от меня.

– Мой друг! – гневно пищала она, потрясая кулачками, а я старался не засмеяться и одновременно – не смотреть в эти умоляющие глазки пикси, оставшихся без друзей. Сошлись в итоге на том, что дружить мне можно со всеми, но главный друг – это она, Очаровательная Прелесть! И ездить на мне можно только ей, а остальным её соплеменницам – только если она, Прелесть, разрешит.

– ... нэприлично, – сбиваясь от волнения на кавказский

акцент, отбивался красный от смущения Анвар от любопытных пикси, просящих его показать мохнатое хозяйство, – маладым и красивым дэвушкам – нэприлично даже думать о таком!

Пикси, всем скопом отнесённые в разряд «маладых и красивых» не сдавались, искренне не понимая, а что же тут неприличного? Им интересно! А если другу-Анвару интересно, то пусть он смотрит!

Кавказец не знал, куда прятать глаза от задранных подолов и жопок разной степени оттопыренности. Минут через несколько мы уgomонили кавайных чудовищ, с трудом сменив тему разговора. Затем, какими-то извилистыми путями, пикси решили «показать нам интересное» и устроили экскурсию по окрестностям – так, как они её понимают.

– Пойдём-пойдём! – Прелесть потянула меня за прядь волос, – Интересно-интересно!

С трудом пробившись через многоголосый писк, мы поняли только, что здесь сравнительно безопасно...

«Для пикси! – пришла мне в голову мысль, – Да и кто знает, что они понимают под словом „Безопасно“?»

Дом (общага) пикси оказался в дупле большого дерева, похожего на грецкий орех, если бы они дорастали до тысячелетнего возраста. Огромное, раскидистое, оно росло в полусотне метров от берега озера, но крона доходила до самой воды.

Лезть туда мы не стали, но послушно позадирали головы,

пытаясь разглядеть вход на высоте метров этак тридцати, почти неразличимый даже для меня.

– Здорово! – искренне хвалю я, прикидывая машинально, смог бы туда влезть? Одна часть сознания крутила пальцем у виска, а другая уверенно говорила, что да! Все эти наросты, трещины в массивной коре и неровности старого дерева – мощёная дорожка с перилами для нормального кендера, – Очень красиво! Хорошее место! Мало кто долезет!

Пикси позадирали носики, ещё раз попытались выразить словами и размахом ручек размеры «огр-ромного» дупла, и с удвоенным энтузиазмом принялись таскать нас по окрестностям, показывая свои охотничьи уголья и «места, где красиво». Наши понятия о красоте совпадали не всегда, и Славка с Серёгой, включив этнографов, допытывались, что именно для них «красиво» и почему. А я так... экскурсант, краем глаза поглядывающий по сторонам.

– Руками не трогать и ничего не отвинчивать, – предупреждаю парней перед заброшенными особняками, куда нас привели пикси. Архитектура интересная, но несколько чуждая, и я так и не понял – особнячки ли это местной элиты, или сооружения общественного назначения.

– А если... – начал было Илья.

– Без если! – отрезаю свирепо, – У тебя инвентарь есть? В чём потащишь?

– А-а... – дошло до него, и морда лица скривилась в унылой гримасе.

– Бэ! И про магию не забывай! Мы пока ни хрена не знаем, и на раз-два сунем пальцы в местные аналоги розеток и мясорубок, эт ясно?

– Ясно, тащ прапорщик, – ответил тот, прокисая на глазах.

– Боец, понял задачу? – я повернулся к Славке.

– Так точно, тащ прапорщик, – вздохнул тот, покосившись на друга, – прослежу!

Сказать, что внутри интересно... не сказать ничего! Дома внутри пыльные, но без следов мародёрки, что ещё больше усилило «Чернобыльское» ощущение от данжа. Внушительный слой пыли и мелкого мусора на всех горизонтальных поверхностях, много высохших насекомых, хрустящих под ногами, мумифицированные мышинные трупы и птичьи перья.

– Паропанк! – восхищённо выдохнул Серёга, медленно ворочая головой по сторонам.

– Скорее техномагия, – поправляю его.

– Я про стиль оформления, – отмахнулся друг.

– А, ну да... похоже, – соглашаюсь с ним просто чтобы не спорить. Как по мне, это больше походит на лавку средневекового алхимика, подрабатывающего заодно ювелиркой и созданием всяких астролябий, но если ему хочется видеть в этом паропанк – пусть видит! Не жалко.

– Руки! – зашипел Славка на Анвара, и кавказец отпрянул от полок с виноватым видом, заложив руки за спину.

– Тащ прапорщик, – ноющим голосом начал было Славка, – а может...

– Не может! – рывкаю на него. Рывкать пришлось не раз, а вот Илья как раз показал себя человеком дисциплинированным. Анвар тянул руки ко всему, что напоминало ему оружие, а потом виновато моргал глазами, а Славка тяготел ко всему, напоминающему приборы.

– Сильно подозреваю, что это какие-то местные аналоги вентиляторов и светильников, – пробурчал Пирог, отходя от интересных образчиков местной техномагии. В голосе звучали нотки сомнения...

– Может, – предупреждаю очевидное, – а может, и нет! Мы не знаем, что тут для них бытовыми приборами было. Вот так включишь... и обеспечишь себе оздоровительный массаж ануса на всю глубину и ширину черенка от совковой лопаты!

Последнее специально для Анвара, резко убравшего руки за спину после моих слов.

– Руки! – ещё раз останавливаю Славку, – Давайте, на телефоны всё снимаем.

– Точно! – воскликнул Серёга, доставая свой, – Как же я... ах да, ментальное воздействие...

Камеры и фотоаппараты на артефактах работают, хотя и странно. Не пойму даже, в чём именно это странность, а просто...

Мотанув головой, выбрасываю из головы лишние думки.

Потом... Записываю, пока не забыл.

Снимаем и фотографируем по очереди, не забывая память всяким хламом. Такой подход позволил несколько спокойней отнестись...

– ... меня нарисуй!

– Меня!

– Сперва меня!

Оглядываюсь и вижу Илью, окружённого пикси.

– Да вот... – объяснил он виновато, – Лапочку на телефон случайно сфоткал, и она себя на экране увидела...

– А-а... ясно! – потеряв лицо, переглядываюсь с Серёгой и приказываю:

– Выходим!

Ворча, срочники потянулись на выход. Вот ведь... всё понимают, но интересно им! Ну и извечный «Авось».

– Ещё раз, парни, – пытаюсь пробиться к ним в сознание, – мы не в экспедиции! Мы попали в данж случай-но... это-то вы помните?

– Так точно, товарищ прапорщик, – уныло ответил за всех Славка.

– Ну а раз помните... то какого хера вы руки тянете?! Нам выход найти надо, а не помереть, лапая интересный артефакт чуждой цивилизации!

– Выйти? – прервала меня Прелесь, подлетев совсем близко, – Совсем выйти?

– Да, милая, просто выйти, – киваю ей.

– Просто-просто? – не унимается та.

– Просто-просто, – я снова киваю.

– А мы... друзья? – в голосе и глазах – вся горечь предстоящего расставания.

– Друзья... – сглатываю комок. Не знаю уж, что она там прочитала...

– ... да, тащ генерал, данж! Так точно... пикси вывели!
Да, выставили пост... ждём!

Отключив телефон, сажусь на горячий асфальт у входа в водопроводный тоннель, положив ружьё на колени и прикрыв глаза. Состояние... словам трудно передать, и наверное даже – невозможно.

Позади осталось безвременье данжа, длительный обход поселений гоблинов и стойбища огров. Никаких трофеев, убийств и...

... «Вы покинули данж» в голове, а после короткого мерцания «Вы покинули локацию Дружественных Пикси», и это ведь совсем другое? Или нет?!

– Какие, на хуй, пикси-хуикси, прапор?! – сходу начал генерал, выскакивая из машины и шумно хлопая дверцей. Лицо багровое от водки и ярости, настроение расстрельное, рука уже расстёгивает кобуру на правом боку. Вот сейчас сам, своими руками...

– Драсть... – Прелесть вылетела из-за моей спины, делая книксен, – Пикся! Очаровательная Прелесть!

– Пикся! – вторила ей подруга, – Милашка! Ты генерал,
да?

... и вместе...

– Конфета есть?

Шестая глава

– Пф-ф... с вами Вести ФМ Липецк и Настя Коростелёва, оставайтесь с нами! Продолжаются переговоры с... пф-ф... перестрелки в районе Центрального Рынка...

– Хачи с чекистами рынок делят, – промокая пот, озвучил Анвар и захлестнул влажное полотенце на гриф от штанги.

– Хачи, – выдохнул усмешливо Илья и крутанул головой, но тему развивать не стал, тяжело дыша и поглядывая на секундную стрелку больших часов, висящих над дверью. Радио бубнит что-то своё, но веры ему нет. Так, фон...

– Время! – резко скомандовал Славка, и они оба начали делать берпи, хватая через раз воздух ртом и пуская носом пузыри. Не вступая в дискуссии, продолжаю отрабатывать серию, акцентируясь на ударах коленом.

Кавказец, подсев под штангу, выпрямился, постоял пару секунд и начал приседать, внимательно глядя в зеркало и стараясь делать всё максимально технично. Небритое лицо заливают потом, но он только смаргивает и выдыхает шумно. Вес у штанги сравнительно небольшой, но несколько подходов по пятьдесят повторений ушатывают даже вольника.

– Славка, халтуришь! – подстёгиваю парня окриком, – Резче выпрыгивай, резче! Ещё пять раз осталось!

– Ф-фу... – согнувшись и оперевшись руками в подрагивающие колени, Илья прерывисто дышит, отдыхая. Грудь хо-

дит ходуном, бока раздуваются, как у запалённого мерина, пот – аж с носа капает, под ногами уже лужица, и это всего-то секунд за десять!

– Всё, – командую я, – сейчас продышитесь, и перейдём от разминки к тренировкам. Не садитесь пока! Встали! Продышитесь хоть немного.

– Тащ прапорщик! – взмолился Славка, повиснув всем длинным телом на стойке с блинами, – А может, ну её нахер, тренировку эту? Размялись так, что сил никаких!

– Нормально, – хрипло сказал Анвар, с лязгом опуская гриф на стойки и начиная снимать блины, – втянешься.

– А куда я денусь... – пробурчал Славка с видом великомученика, – пардон... кажется, я сейчас сблую...

Зажав рот и издавая мерзотнейшие звуки, он добежал-таки до умывальника в углу, куда и вывалил содержимое желудка.

– Ебать, тренировочка... буэ!

Смыв блевоту и умывшись, Славка отпился холодной водой, медленно подошёл к матам и упал навзничь, крестом раскинув руки.

– Сейчас отдохнёте, и как огурчики, – подбадриваю их.

– Зелёненькие, – хихикнул Илья с нотками истерики, – и в пупырышках!

– Будущая элита, бля... – встав на четвереньки, Славка дополз до мусорного ведра и отхаркнулся тягучей слюной, – Данжи, локации...

– Батяня у нас человек умный, – заранее пресекаю ненадлежащие разговоры.

– А-а... – Слава покосился на камеру в углу, на меня... – ну да, ну да.

«Батяня, блять... и ведь все всё понимают, но гаечки у нас закручены жёстко, иерархия с культом личности выстраивается буквально на глазах. Была бы хоть Личность, не так обидно было бы, что ли...»

А тут сколько ни говори „халва“, а во рту привкус падали. „Батяня“, сука... Вот откуда в нём это взялось? Командир и управленец из него, как из говна пуля, а поди ж ты – захватил власть и выстраивает вертикаль так, будто всю жизнь готовился и три диссертации на эту тему защитил!

Ладно мы с Пирогом, новенькие. Даже захотели бы что-то изменить, то что-то реалистичное дал бы, наверное, только вариант „камикадзе“, и то сильно не факт. Кто есть ху в местных раскладах, мы знаем плоховато, а к телу нас подпускают, но не часто и с большими предосторожностями, под дулами автоматов.

Но кадровые старички почему терпят?! Нет ответа... Выжидают чего-то, или их всё устраивает... или совсем безумный вариант, „тащ генерал“ их переиграл. Ничего не исключая.»

– Всё, парни, давайте потихонечку! – хлопаю в ладоши, и солдаты со стонами встают с матов.

После данжа, который мы непонятным образом «хакну-

ли», сделав локацией, наша команда попала под особый контроль «тащ генерала», особого отдела и Бог весть, кого ещё. Нас пытается оседлать такая прорва народу, притом все со своими интересами, что лично я напрочь перестал понимать, кто есть кто в этой стае опогоненных и опоганенных товарищей.

Каждый ведь щёки надувает и давить пытается, чтоб мы ему лично в руки отчёты давали или каким-то иным образом прогибались. Чтобы потом, значит, по факту нас под себя подмять, по прецедентному праву. Раз слабину дал, и всё... всем подмахивать придётся в три смены, ртом и жопой.

А мы, млять, новенькие! Раскладов почти не знаем, а это тема такая, мягко говоря непростая. Значение имеют не только погоны и должности, но и личные связи, а их иногда ой как непросто отследить! Есть прапора, которых и старшие офицеры задевать без нужды не станут, и наоборот.

Кого и как посылать, тоже наука. Кому-то скажешь «иди на хуй», он и пойдёт, не слишком даже обижаясь. Другому вроде и вежливо, дипломатично откажешь, а он, сука такая, зуб затаил. Но с улыбочкой до поры. Третьему можно отказать, но непременно потом выпить, чтоб значить – показать, что ты, Михалыч – охеренный мужик, но вот пока никак! А как только, так сразу! Потому что уважаю тебя – мужик ты, Михалыч!

А мы, млять, яйца всем оттоптали. Поставить себя пока не успели, а вот оттоптать – уже. Потом может и выровняют-

ся отношения, а может и нет. Да и большой вопрос, а надо ли нам это вообще – выравнивать? Может, просто сдриснуть потихонечку?!

По возвращению мы разом стали «сынками» и «молодцами», которые парадоксальным образом «должны» Родине в лице «тащ генерала». Логика эта, согласно которой мы внезапно оказались должниками, сугубо армейская, не предполагающая ни дискуссии, ни вопросов – откуда, собственно, взялись эти долги?

Планов у «Бати» на нас громадьё, и мы «должны оправдать доверие» и затраченные на нас средства. Это, я так понимаю, питание в столовой и выданное обмундирование. Ну и служебная квартира в городке, куда я и ночевать-то через раз прихожу. Взамен конфискованного Камаза добра, ага...

Да, намародёренного, но и руководство Военного Городка, по большому счёту, точно такие же мародёры. Ведут они себя, по крайней мере, не как представители законной власти, а как бандиты из девяностых, подмявшие под себя территорию.

Ну или феодалы, как вариант. Большой разницы не вижу, чтобы там не говорили историки.

А мы пока что «сынки» у «тащ генерала», но при всём том сильно проштрафившиеся. Должны ценить то, что нас не гонят на передовую с сапёрной лопаткой в руках, а дают возможность испустить ударным трудом, кровью и потом свою

вину. Тот факт, что «тащ генерал» вообще-то мобилизовал нас в свою опогоненную банду насильно, не учитывается от слова «совсем».

Пирог попытался «качнуть за справедливость» и получил виртуально по морде. Ему припомнили неправильную организацию труда и отсутствие инженерного образования (и ни ипёт, что Серёга криком кричал, что не инженер – должен был, сука, настоять!), вход в данж и ненадлежащее поведение командира. Признавать свою вину, меру, степень, глубину¹³, Серёга отказался и полез в залупу, за что бы сослан в гаражи «до осознания и искупления».

Я затихарился, за что был назван мбодцем, расцелован мало что не по Брежневски, и назначен командиром как бы элитного отряда из трёх срочников. Что с нами делать, «тащ генерал» не знает, но энтузиазма у него – хоть жопой жуй!

Предполагается, что мы будем вскрывать данжи и проходить локации в пользу Родины, персонифицированной в красномордом лице товарища генерала. Фотографиями ништяков из заброшенных зданий командование возбудилось нешуточно, и очень возмущалось – почему мы, сукины дети, не принесли образцы!

Попытавшись сослаться на чуйку, я был назван долбоёбом и награждён длинной лекцией по технике безопасности. Согласно ей, всё было лезя, если немножко подумать, и что

¹³ Сознаю свою вину. Мэру. Степень. Глубину. И прошу меня направить на текущую войну. Читать полностью Автор: Л. А. Филатов

если бы у меня была на плечах голова, а не горшок с говном, то сейчас у научного отдела были бы артефакты, и они понимали бы, с чем вообще имеют дело.

Настаивать на своём не стал, тем более рассказывать о крови кендеров и прочем. Серёгу и парней этой херотой не накрыло, ну или тоже помалкивают, так что решил за лучшее придержать пока язык за зубами. Целее буду.

Думаю, если бы не непонятки с менталом и магией, «тащ генерал» загнал бы в локацию роту бойцов и зачистил бы её под ноль, или что вернее – попытался бы. Подогрел бы бойцов речами о жизненном пространстве и проклятых ксеносах, дополнил амфетаминчиками (по слухам, их уже синтезировали в химической лаборатории), и вперёд – за Бога-Императора Товарища Генерала! По крайней мере, поначалу в воздухе витали именно такие идеи.

Научники под руководством воодушевлённого особиста провели ряд экспериментов, и оказалось, не всё так просто. Мозги у штрафников добровольцев не прожарились, но эффект даже от кратковременного посещения локации специфический, как после длительного запоя. С «Белочкой» и прочими радостями профессионального маргинала.

А с учётом того, что даже пикси, зверушки в тех краях не самые опасные, могут отводить глаза, связываться с шаманами гоблинов и орков тем более ссыкотно. Учитывая, что помимо шаманов есть ещё и воины, которых лично я не склонен недооценивать, ситуация получается ну очень интерес-

ная!

Пердак у «тащ генерала» подгораёт знатно, ибо внизу есть артефакты, ништяки и... ксеносы, возможности которых – уравнение со многими неизвестными. Что называется «Хочется, но колется», эталонный вариант.

Всё это считается Большой Военной Тайной неизвестного для нас уровня секретности. Судя по количеству офицеров и прапоров, пытающихся нас подмять, в тайну посвящено как минимум человек пятьдесят, а скорее – сотни две. Ну и слухи разной степени бредовости, гуляющие по гарнизону, разумеется.

После зомби, стремительно мутирующих во всякую хтонь, народ не слишком-то удивится игровым элементам в реальном мире. Не то чтобы как так и надо, но многие, как мне кажется, воспримут этот момент скорее с облегчением. Воскрешение, привязка, все дела... нужно только дожить, а там... Здравствуй, Новый Дивный Мир!

Пикси в новую, как бы цифровую реальность укладываются замечательно! Не знаю, сколько народа их видело, но подозреваю – много больше, чем должно было. Плюс телефоны с камерами у каждого первого, слухи и прочие методы распространения информации.

* * *

– Конфета есть?

– Эт-то кто такие?! – зачем-то переспросил Маслаченко, выкатив маленькие глазки с полопавшимися красными сосудами.

– Совсем глупый, да? – искренне посочувствовала Прелесть, – Мы – Пикся!

– Очаровательные, – добавила Милашка и хихикнула смущённо.

– Очаровательная – мы! – пискляво возмутилась Прелесть, не обращая больше никакого внимания на багровоющего военного. Разгорелся писклявый спор, имеют ли право все пикси Большого Дерева называться очаровательными, или это личное имя Прелести.

– Друзья и потенциальные союзники, тащ генерал! – пытаюсь спасти положение, встав во фронт и поедая глазами высокое начальство.

– ... Вова, ну Вова... – Прелесть подёргала меня за прядь волос, пытаюсь привлечь внимание.

– Очень полезные, тащ генерал! Могут вести воздушную разведку в режиме стелс! – продолжаю я, не отвлёкшись даже на прикушенное, а затем обслюнявленное и поцелованное ухо.

– Дроны, Илья Юрьевич, – негромко сказал особист, наклонившись к генералу.

– ... а-а! Дура-дура-дура! – монстрики разодрались, таская друг дружку за волосы, царапаясь и визжа.

– В нынешних условиях, – продолжил Марченко, – сами

понимаете, любое преимущество важно... ну да не мне вам рассказывать!

– Хм... – генерал оглядел пикси, уже закончивших драку и переругивающихся пискляво, поправляя причёски и одежду.

– Очаровательная – мы! – доложила мне Прелесть, красуясь синяком под левым глазом.

– И мы! – сплюнула Милашка через выбитый зуб, – Но по-другому!

– Вкусное есть? – Сестрёнка, пикси Анвара, подлетела к водителю «тащ генерала», – Сладкое?

– В-вот... – покосившись на начальника, беседующего с особистом, водитель в звании младшего сержанта вытащил ментоловые леденцы из нагрудного кармана.

– Дай! – забрав всю упаковку, малышка развернула один леденц и принялась. Лизнула осторожно... и захрустела, жмурясь довольно.

– Нехорошо выпрашивать сладкое у незнакомых мужчин, – мягко сказал Анвар, подхватывая её в воздухе и сажая на плечо.

– Да? – удивилась пикси, тут же взлетая с плеча кавказца и снова подлетев к водителю, – Я Сестрёнка, а ты кто?

– Я-а... Александр, Саня Мещеряков, – он осторожно протянул ей палец, и Сестрёнка, понюхав его с непонимающим видом, неуверенно прикусила, слизнув выступившую кровь.

– Мы теперь знакомы, – деловито доложила Сестрёнка хрюкнувшему от смеха кавказцу, – можно выпрашивать, да?

– Можно, – давя улыбку, разрешил тот.

– Острые зубки, – смущённо улыбнулся Саня Мещеряков, совершенно очарованный пиксями, – А у тебя подружки есть, Сестрёнка?

– ... поставить на довольствие, – слышу речь особиста, – выдрессировать потихонечку и использовать во благо Родины.

– Что они любят, прапорщик? – развернулся ко мне Василь Иваныч, сверкая очами и очками. Вопреки имени-отчеству, особист носит прозвище не «Чапай», что было бы логично, а «Изделие номер два», что много говорит о человеческих качествах офицера.

– Сладкое, тащ майор, – вытягиваюсь ещё больше.

– Ну смотри... – он смерил меня взглядом дохлой рыбы, – под твою ответственность! Твоя идея, тебе и отвечать!

«Да бя...»

– ... а вот дерево, где живут пикси, тащ генерал, – показывает Серёга, листая фотографии, – а вот...

– Дай! – «тащ генерал» вырвал телефон из рук Пирого, – Ну-ка... что за хрень! Сломалось, что ли?

Безрезультатно потыкав в экран толстыми пальцами с траурной каймой под ногтями, Илья Юрьевич в сильном раздражении вернул телефон хозяину.

– Работает, тащ генерал, – тут же доложил Пирог.

– Дай сюда! Да ёб твою мать, прапор! Ты что, издеваешься?! – взъелся главнюк, багровея лицом.

– Никак нет, товарищ генерал! Вот, сами смотрите...

– Ты... прапор, как там тебя? – майор повернулся ко мне, маня пальцем.

– Евгений Владимирович Николаевич, тащ майор.

– Да мне насрать! – отмахнулся тот, а в глазах его мелькнула слабая тень ехидства, и я понял, что всё это с «Как там тебя» срежиссировано от и до, сугубо ради того, чтобы поставить на место возомнившего о себе холопа, – Телефон! Ну!

Оказалось, что телефоны и планшеты, побывавшие в данже, работают теперь только в руках хозяев, что выбесило особиста.

– Всяким долбоёбам... – он выругался так грязно, что я почувствовал себя облитым помоями, хотя и не неженка. Можно ведь «Ёб твою мать» сказать, но все, родившиеся в России, понимают, что имелась в виду не чья-то конкретная мать, а абстрактная. Мать вообще, как маркер эмоций. А можно – по конкретной матушке проехаться «Я твою маму ебал», и это – уже не эмоции, а вполне конкретное оскорбление. Особенно если добавить – как и куда, глядя человеку в лицо.

Особист ругается по второму варианту – так, чтобы оскорбить. По жизни он мудака, или это такая психологическая игра на слом подчинённого, на подмятие воли, я не знаю, но

запомню и при случае...

– Виноват, тащ майор! – вытягиваюсь с прогибом назад и смотрю в пространство перед собой оловянным взглядом, и повторяю, как Ванька...

– Виноват!

– Выставить пост, – распорядился «тащ генерал», – и смотрите у меня!

– А этих? – оставив меня в покое, поинтересовался «Изделие № 2» у командира, всем своим видом показывая пёсью преданность.

– Эти? – Маслаченко повернулся в нашу сторону, не сразу раздвигая в улыбке синеватые губы, но глаза у него остались холодными, – Заслужили, заслужили... Сынки!

Сдавленно кхекнул Пирог, который лет на несколько старше самозванного генерала, но Илья Юрьевич уже выстроил нас одними глазами в не слишком ровный строй.

– Молодцы! – давая взглядом, «тащ генерал» притянул меня к потемневшему от пота бронежилету, который он носит, не снимая, и смачно расцеловал в обе щеки, обдав смрадным дыханием и пачкая слюнями, – Орлы! Оправдали доверие командования...

Он говорил рублёными фразами, плохо связанными между собой, и вот уже внезапно пошёл разговор о нашем Долге перед Родиной...

«Когда я успел задолжать? – удивляюсь вяло, – Я платно учился, платно лечился, отслужил срочную службу в армии,

потом платил налоги, и всё равно должен!?»

Спорить, впрочем, не стал. Какой смысл качать права у человека, который неделю назад зачищал Военный Городок, убивая потенциальных конкурентов? Мы для него не люди, а «человечки», персонажи «Сисмсов».

– Я, тащ генерал, должником себя не считаю, – начал Серёга, – мне сорок семь лет и...

«Ой дурак...»

– Мы с тобой потом поговорим, – перебил его Василь Иванныч, прищурившись многозначительно, – про законы военного времени и прочее.

Пирог независимо пожал плечами, он человек с убеждениями и чувством собственного достоинства, но сдаётся мне, несколько заигрался.

– Хи-хи-хи! – перед строем пролетела Сестрёнка, пукающая радужными пузырьками. Запахло ментолом и эвкалиптом, а напряжённость момента оказалось нарушенной.

– Дай-дай-дай! – пролетела за ней стайка, отбирая леденцы с восхитительно-интересным эффектом, – Я тоже! И мне пукать!

– В гараж, – определил особист Пирого, прищурившись нехорошо, – пока вину не искупишь.

Я качнулся было... и замер, глядя на дуло автомата, и только проводил взглядом Серёгину спину. А что тут, сука, сделаешь?!

– Выделить помещение... – «тащ генерал» дёрнул подбо-

родком в нашу сторону, – а этих...

Небрежный жест в сторону пикси.

– ... поставить на довольствие!

Получасом позже мы обживали сухой полуподвал в самом сердце Военного Городка, вытаскивая хлам времён Холодной Войны. Стеллажи с документами, разошедшиеся от времени противогазы и прочая харахура, невесть как пережившая Перестройку, Вставание с Колен и прочие эсхатологические моменты.

У нас есть туалет на одно сидячее и одно «орлиное» место с чугунными бачками под самым потолком, и умывальник, сделанный явно позднее и почему-то – в комнате. Дизайн, как в советских фильмах пятидесятых, но всё, как ни странно, работает, разве что вода зверски шумит при сливе.

– Душ врезать можно, – уверенно сказал Илья, отложив отвёртку, при помощи которой разбирает стеллаж, – рядом с умывальником.

– А слив? – в отличие от него, работать не прекращаю.

– Да ерунда, тащ прапорщик, – фыркнул он, нехотя беря инструмент, уже до покраснения натёрший ладонь, – чёслово! Евроремонта не обещаю, но в том же стиле – на пол дня работы, не больше! Был бы материал, да чтоб под руку не лезли.

– Привет-привет! – послышался писклявый голосок над ухом, и я обернулся, глядя на Прелесть с двумя огромными

пластиковыми пакетами. Синяк у неё, к слову, уже зажил.

Сперва – одну, а потом полуподвал заполонила вся стайка, и все – гружёные. Переговариваясь пискляво, они летали под потолком причудливыми воздушными шариками.

– Вас как часовой пропустил? – поинтересовался я строго, но пикся не поняла вопроса (или что вернее – не захотела понимать), пожаловалась на плохой воздух и дурака-генерала.

– Воняет – фу! – высказалась она возмущённо то ли про генерала, то ли про знаменитый липецкий воздух, который иногда не то что видно, а пощупать можно, – И конфеты не дал! Жадный!

– А это что? – показываю на пакеты.

– Конфеты, – заулыбалась та довольно, – сами взяли!

– Не сказал, что друзья! – пояснила она возмущённо, пожимая пухлыми плечиками, – А у не друга можно брать. Добыча!

– Н-да... – озадаченно потираю переносицу, но спорить, вот честное слово, никакого желания! Объяснять пиксям, что такое армия и субординация... да в жопу такую радость!

– Взгреют, – философски заметил Слава, поглаживая попискивающее Чудо по спинке. Пикся млела и закатывала глазки, выгибая спинку под пальцем.

– Взгреют, – соглашаюсь с ним, но будущие неприятности не то чтобы не важны... Это тот случай, когда у начальника длинный список твоих действительных и мнимых грехов, и

добавление ещё одного перестаёт пугать.

Угостив меня дешёвыми карамельками из пакета и одарив прощальным, очень слюнявым (и очень искренним) поцелуем в щёку, Прелесть выскользнула в окно, а за ней вся стайка. Станным образом, частая металлическая решётка свободно пропустила не только кавайных монстриков, но весьма объёмистые пакеты.

«А говорили, холодное железо преграда для нечисти...»

– В гости приходите! – пропищала Прелесть и все пикси согласно загалдели, обещая показать интересное, – Дружить!

– Даже... она замолчала, явно пересиливая себя, – даже без сладкого приходите! Просто так! Угостим!

Они замерцали и будто растворились в воздухе, отводя глаза.

– Вот такая вот фигня, – произнёс я задумчиво и повернулся к парням, – Ладно, что стоим, кого ждём?

* * *

«Сдриснуть, что ли? – упорная мысль снова пролезла в голову, – нужно было остаться на Опытной, когда предлагали! Да кто ж, сука, знал...»

– Всё, парни! – хлопаю в ладоши, – На сегодня с рукопашкой всё! Одеваем доспехи, разбираем посохи и по парам! Слава! Со мной! Базовая стойка, и...

– ... стоп! – подойдя к компу, нашарил там скачанный

кем-то из ведомства особиста обучающий ролик с Ютуба, и вывел на экран телевизора, висящий на стене. Ролик далеко не самый лучший, и сам бы я нашёл информацию по качественней, но увы... доступа к интернету мы лишены. Формально – потому что секретносители, а на деле разница между нами и штрафниками невелика.

Живём фактически в изоляции, общение ограничено, и вся разница в том, что мы уёбываемся не на тяжёлых работах, а на тренировках три раза в день. А так да... элита!

Пайка офицерская, кровати не в казарме, а в отдельных, наскоро отгороженных комнатухах в том же полуподвале, ну и прочая мелочёвка такого же рода. Впрочем, это мелочёвка для человека, привыкшего к нормальной жизни, а для срочника такие мелочи значат много.

После нескольких месяцев жизни в казарме, постоянно под прессингом коллектива, где ты круглые сутки должен быть таким же, как все, ценится даже такая херота, как возможность носить головной убор не прямо, а чуть набекрень. Ты уже чуть-чуть, но выделяешься, ты уже не такой, как это серая масса, одетая в «цифру»... ты не такой, как все, ты особенный!

А «тащ генерал», особист и прочие шакалы во всей этой хероте разбираются чётко, на «Ять». Разделяй и властвуй, мля...

Парни у меня неглупые, и все эти игры в психологию понимают, но... всё равно это говно работает!

Когда парни тренируются, а их сослуживцы занимаются в полуподвале ремонтом под присмотром офицера, подготавливаемые матерком и живительными пиздюлями, то «элитарность» выпирает сама, как ты её не гони. А с другой стороны – зависть...

... особенно когда симпатичные девушки из офицерской столовой приносят нам поесть. В восемнадцать-двадцать лет такие вещи цепляют на раз.

«Сдриснуть надо, – опять полезла в голову настойчивая мысль, – Но, сука, как?! Играть в ниндзя без сохранения нет никакого желания, а кендерская кровь, она хоть и даёт какие-то плюшки ко взлому и прочим воровским делам, но меня ж этому никто не учил!

Вскрыть замок или скажем, перепилить решётку на окошке полуподвала – дело не хитрое. Особых воровских навыков не нужно, хватит и слесарных.

А сигнализация? Я этой темой никогда не интересовался, не знаю даже, как подступиться.

Часовые? Не факт, что подберусь сзади, и тем более не факт, что „сниму“ бесшумно. И хотелось бы, если что, без крови... всё-таки есть разница, гоняются за тобой сугубо по приказу, или от души!

Наконец, оружие нам выдают только на стрельбы, а вскрывать оружейную комнату – тот ещё гемор. Бегать по ночному городу с куском арматуры... да ну нахер!

... хотя с другой стороны, всё чаще приходит в голову

мысль, что лучше уж так, чем под руководством „тащ генерала“. Больше шансов уцелеть.»

– ... да ты бя... – послышалось у дверей, – пшёл!

В спортзал влетел майор Парахин, зам военного коменданта гарнизона, здоровый туповатый громила с наклонностями так и не повзрослевшего школьного хулигана.

– Охуеть, бя! – вывалилось из его рта вместо приветствия, – Хули сидим, бя!? Тащ генерал боевую тревогу объявил, а вам, блять, он не указ? Встать, я кому сказал!

– Тащ майор, – я решил качнуть права, – мы вообще-то только тащ генералу подчиняемся, и ещё особисту.

– Не поэл... – он вылупился на меня маленькими, заплывшими жиром глазками, выворачивая нижнюю губы и обнажая гнилые зубы, – спорить?! Тебя, бя, боевая тревога не касается?!

Мясистая рука хлопнула по кобуре со «Стечкиным», а я моментально прокачал ситуацию...

«Крупный, но рыхлый и дохлый, хотя и считает себя крутым. Мидл по руке, чтоб кобуру не лапал, лоу по внутренней стороне бедра для болючести, и коленом с прыжка по челюсти!»

– Есть, тащ майор! – сказал я и повернулся к парням, – Слыхали?! Собираемся!

– Только, тащ майор, у нас оружие в оружейке, – я снова повернулся к Парахину, у которого от победы надо мной раздулись волосатые ноздри.

– Всё у вас, бля, не как у людей... давай бля, одеваемся! – от него даже запахло по-другому, мускусно и победительно. Напружинив грудную клетку с изрядно обвисшими сисяндрами, и сильно выпятив зачем-то нижнюю челюсть, он с трудом дождался, когда мы переоденемся, постукивая нетерпеливо ногой по полу.

«Альфа блякающая...»

– Сухпай берите, – негромко командую парням, показывая глазами на шкафчик, в котором у нас хранятся всякие деликатесные вкусности, – минимум на неделю! Всосали? Исполнять!

В глазах у срочников промелькнули искорки, а Илюха аж раздулся от желания высказаться... но смолчал, и слава Богу. Не тот случай, зарядил бы ему в «фанеру» просто при попытке открыть рот!

– Готовы? – сощурился Парахин, достав большую сигару из нагрудного кармана и закурив от огромной золотой зажигалки «цыганского» типа, – Пошли!

«В ударе майор Серёга!» – усмешливо констатирую я, жестом приказав парням заткнуться и следовать за мной.

– ... давай, бля! – с сигарой во рту бушевал Парахин, лапая кобуру и как нельзя более похожий на цыганского наркобарона. Все эти сигары, золотые зажигалки и часы «Лонжин» удивительным образом не идут ему, делая каким-то дурным опереточным персонажем, – Тревога, бля!

Дежурный открыл оружейку, и я забрал не только поло-

женный по штату автомат и пистолет, но и ружьё, на что никто не обратил внимания, или что вернее – не придавал особого значения. Не я один таскаюсь с холодняком и несколькими стволами, как карикатурный пират.

Для перестрелок с бандами конкурентов лучше «Калаша» у нас ничего нет, а мертвяков желательно встречать картечью или принимать на рогатину.

Картинка полностью обмундированного солдата получается порой тем ещё сюрсом, но... а куда деваться? Благо, передвигается народ всё больше на авто, а не на своих двоих, так что терпимо.

– ... хули вы ползаете?! – не унимается Парахин, перекидывая сигару из одного угла слюнявого рта в другой, – Быстрее, бля! Сам тащ генерал на операцию выехал, а вы, бля, жопами в асфальт вросли!

– Страшнее дурака только дурак с инициативой, – глядя на Парахина, пробормотал Славка, поправляя увесистый рюкзак, а потом и обрез ружья пистолетного типа, висящий справа в самодельной кобуре.

– Н-да... – качаю головой, глядя на Парахина, собирающего всех нестроевых.

– Тащ Генерал приказал! – орал он, раззевая рот так широко, что в моём циничном мозгу мелькнуло «Ну и пасть, сто хуёв покласть!», – Всех, мля! Ты что, сука, хочешь по законам военного времени?!

Вскоре у ворот собралась большая толпа вооружённых

«сук» из нестроевых, гомонящая и ни соображающая толком, а что же им, собственно, делать?! Оказалось, мы должны прочёсывать окрестности в поисках диверсантов от НЛМК...

– ... ну и нахуя?! – выразил общую мысль пожилой капитан из мобилизованных преподавателей Политеха, выпхнутый за ворота с «коротышом» в руках, – Мы-то здесь при какой, извините, манде?! Мы для профи, извиняюсь, дичь!

– ... ах вот с какого хуя, – пробормотал стоящий рядом пожилой прапор, выслуживший пенсию ещё при Эльцине, – сам тащ генерал в операции участвует... тогда конечно.

В голосе его даже человек пристрастный не нашёл бы и толики сарказма. Для человека служивого действительно всё понятно и не нуждается в объяснениях.

– А мне вот непонятно ни хуя... – шёпотом сказал Илья, – а вам, тащ прапорщик.

– В... – вздыхаю я, – логика!

– А почему «В»? – не понял Илья, часто заморгав.

– Потому что военная, – ответил за меня Славка, – так, тащ прапорщик?

– Угу.

Нас тем временем начали разбивать по отрядам, распределяя задачи, и я весь обратился в слух.

– ... по Зегеля пойдёте дворами, по правой стороне! У банка России соединитесь...

– ... от авиационного центра Чкалова до Шестой поликлиники, по-

том по Игнатьева...

Сердце бухает в груди африканским барабаном, норовя выскочить из горла. Илья что-то спрашивает у меня, но Славка, молóдчик, заткнул друга.

– Я по Гагарина...

– Тащ майор! – махнув рукой своим, начинаю пробиваться к особисту, собравшемуся ехать по Гагарина.

– Евгенов, бля, – неприятно удивляется тот, – ты-то с какого хуя?! Я тебе что говорил? Ты подчиняешься только мне и товарищу генералу!

– С такого же, как и все остальные, тащ майор, – говорю на грани дерзости, но сейчас тот момент, когда можно, – зам военного коменданта с оружием в руках согнал!

– Вот долбоёб... – процедил особист сквозь зубы, – ладно, держись за мной!

– Есть, тащ майор!

– А обвешался-то... – поморщился тот, и очень ловко подбил носком берца щит, висящий сзади на моём рюкзаке, – на хуя всю оружейку на себя нацепил?!

– Виноват! Заместитель военного коменданта велел брать всё, не объяснив задачи!

– Долбоёб, – повторил особист, нервно крутанув разом побагровевшей шеей, – Ладно... давайте на броню!

– Есть, тащ майор! – лихо козырнул я, – Слыхали, орлы?

Мы лихо (насколько это вообще возможно с рюкзаками килограмм по пятьдесят каждый) порысили к БТР, забрав-

шись в десантное отделение и устроились с каким-никаким, но удобством.

– Бля, чуть спину не сорвал, – пожаловался Славка, поводя освобождёнными от груза плечами, – тяжело зато мне пока что с рюкзаком бегать!

– Хули вы сюда залезли? – удивился порученец особиста, заглянув к нам, – Вы товарище майора чем слушали? Жопой? Бараны ебаные... На броню! Нехуй вам тут делать, пошли вон!

Я отмолчался, подхватив рюкзак и подавая солдатам пример.

– Гондон... – одними губами сказал Илья, с натугой закидывая рюкзак на броню. Молча показываю кулак, и он понятливо заткнулся.

– Ездили на броне? – поинтересовался подошедший командир экипажа, среднего роста сержант-контрактник чуть за тридцать.

– Не довелось.

– Ясно... – кивнул тот и показал, как правильно держаться и прочие хитрости.

– Гнать не собираюсь, – сказал он, доставая сигареты, – но как придётся, так что если вдруг что – без обид.

– Понимаю, не маленький, – киваю солидно, тоже доставая курево, – сигариллы, по случаю хапнул. Будешь?

– А давай...

Сделали по несколько затяжек, молча поглядывая по сто-

ронам.

– Значит, говоришь, при штабе... – сказал он, будто продолжая разговор.

– Угу.

– Лёха, – сержант протянул жёсткую ладонь.

– Володя, – пожали друг другу руки без долбоёбской игры в эспандер.

– Правильно сделали, что с Асламовым связываться не стали, – кивнул он в сторону порученца, – гондон патентованный.

– С первого взгляда видно, – киваю согласно.

– Давай! – коротко приказал особист, забираясь в десантный отсек, – Двинули!

– Есть двинули, тащ майор! – козырнул контрактник, ловко запрыгивая в машину и заводя двигатель. Короткий рывок, разворот направо, и мы выехали на Гагарина через площадь Авиаторов.

Ехали в составе колонны из БТРа, Камаза с бойцами и двух легковушек, прижимаясь то к одной, то к другой стороне улицы. Иногда колонна заезжала во дворы, после чего следовал приказ, и мы, пригнувшись, бегали по подъездам, мало понимая в происходящем.

– ... классика, – пыхтел Анвар, переодеваясь в доспехи и продевая левую руку в ремни щита, склеенного из нескольких слоёв фанеры, – танковую, да?!

– Осталось только хилера и мага найти, – бурчал негромко

Илья, переодеваясь в аналогичный доспех, пропахший потом, – вор у нас собственный уже есть.

– Разговорчики! – осаживаю порядка для, ибо вести подобные разговоры рядом с нашим особистом – напрашиваться на неприятности. Он падла, провокации устраивать любит – то с разговорчиками кого подошлёт, то ещё чего в таком же духе. И это не тот случай, когда работа такая... это призвание и характер!

«Средневековье! Тараны уже вовсю используем, скоро до аркбаллист и требушетов докатимся!»

Стреляли редко, мертвяки нынче не такие тупари, как в первые дни, подобие соображалки появилось. На отряды не лезут, осторожничают. Иногда, впрочем, сталкиваемся, и доспехи со щитами в таких случаях – первейшее дело! Жарко... жара так и не спадает, но деваться некуда, очень хочется жить, притом не в виде альтернативной формы жизни или НЕ жизни, не суть.

Говорят, что вроде как бы есть случаи, когда подранные не стали зомби. Научники постарались или иммунитет каким-то чудом выработался, здесь мнения расходятся. Но я лучше доспехи одену, особенно когда вот так приходится, по подъездам и подвалам шататься.

Вообще, мертвяки чем дальше, тем больше напоминают поведением высших хищников, встраиваясь в городскую экосистему. Даже внешне – хищники. Клыки, когти, шипастые хвосты... До дележа охотничьих угодий и разборок уже

дошло, и я очень надеюсь, что не дойдёт до дележа самок и размножения альтернативных форм не-жизни.

С другой стороны – мутации продолжают, и некоторые зомби по степени опасности уже не условные гиены, а росомахи или скажем – нильские крокодилы из особо крупных. И то ли ещё будет...

Слухи ходят разные, и отличить правду от вымысла достаточно сложно. Слушаю иногда, и кажется – бред... ну бред же! А потом данж вспоминается, и ага...

Сам я по возвращении в зачистках не участвовал, да и круг общения достаточно ограниченный, в изоляции живём. Поэтому и составить своё мнение не могу, а анализировать по косвенным данным эту inferнальную хрень... мозги поломать можно.

Иногда в окнах виднеются человеческие лица и колышутся занавески, но на улицах ни души. Понятно, что тревога и всё такое... но домовые комитеты не спешат принимать участие в облаве, что как по мне – вполне логично.

– ... что за люди, бля!?! – стоя у БТРа с сигаретой, лицемерно возмущался Асламов надежностью обывателей, – Помочь не хотят своим защитникам! Бараны ебаные! Стадо!

– Значит, такие защитники, – усмехнувшись саркастично, сказал Анвар одними губами.

– Правильно! На хуй им эти феодальные разборки, – так же тихо ответил Славка, – Война была равна, сражались два

говна!

Илья подхихикнул нервно и сказал что-то своё, не услышанное мной из-за взрыкивания движка у БТРа.

– ... Сокол, Сокол, я Орёл, как слышите! – забубнила рация на поясе майора.

– Я Сокол, слышу вас, Орёл! – отозвался Марченко, не обращая на нас внимания. Короткие переговоры, и одна из машина сопровождения, тентованный Камаз с бойцами, уехал в сторону Второй областной больницы.

Ещё через несколько минут в сторону сорок четвёртого лица отправилась «Ауди» с тремя бойцами, а особист ощутимо расслабился, помягчев лицом. Снова забубнила рация:

– Сокол, Сокол, я Орёл, как слышите!

– Я Сокол, слышу вас, Орёл!

Прозвучало какое-то кодовое слово, и особист, покосившись на нас, отошёл в сторонку. Я обратился в слух...

... но ничего не понял. Майор, коротко переговорив с доверенными бойцами из «БМВ», отправил их куда-то. Проводив взглядом скрывшуюся за поворотом легковушку, я выдохнул, и старательно не глядя на особиста, достал сигарету и закурил. Выдохнув дым с полуприкрытыми глазами, опёрся на совну, всем своим видом показывая пребывание в нирване. Ещё одна затяжка... стряхнуть пепел, чуть сменить позу...

«Сейчас! Иначе никогда не решусь!» – сердце колотится так, как никогда в жизни, пульс под двести, я мигом взмок

так, будто зашёл в парную во всей своей амуниции. Добавляют адреналина и невидимые наблюдатели, притаившиеся за шторами...

Развернув совну, делаю классический выпад, и подток с лёгким хрустом вошёл в висок особиста.

«Мёртв» – мелькнула мысль, а я, отпустив совну, уже делаю шаг навстречу открывшему рот Асламову, выдёргивая нож из ножен на правом бедре. Удар-удар-удар-удар!

– Готов... – выдыхаю одними губами и придерживая оседающее тело.

– Бля... – Славка смотрит на меня, дёргая кадыком.

– Вы как? Остаётесь? – спрашиваю их одними губами, присев около трупа и вытирая руки об одежду убитого.

– На хуй! – ответил за всех Илья, – Вот так вот всё!

Он хлопнул себя ребром ладони по горлу, и Анвар согласнo кивнул, мягко запрыгивая на броню. Я следом...

– Лёх! – кричу в люк, – Покурим?!

– Давай! Курево с тебя! – подтянувшись, сержант сел на броню и мигом оценил расстановку сил, – Оп-па... интересное кино!

– С нами, или пешком пойдёшь? – вопрос задаю так, чтобы исключить сам намёк на убийство.

– Я... – по его лицу пробежала судорога, – присягу давал служить России, а законной властью в нашей стране является народ, а не охувший полкан! Какие планы?

– Опытная, – пожимаю плечами.

– А... – сержант завис на несколько секунд, – федеративная республика? С вами.

– Не то чтобы мы тебе не доверяем, – усмехнулся я, и контрактник понимающе отзеркалил усмешку, – но для нашего и твоего спокойствия давай договоримся заранее, чтоб потом обидок не было. Внутри остаётся только водитель, люки открыты.

Демонстрирую РГДшку, до сих пор стоящую... стоявшую на вооружении российской армии, и продолжаю:

– Доезжаем до Опытной, а дальше уже решите, куда вам податься. Может, у вас на Военном Аэродроме интересы, или на Тракторный податься решите.

– Хм...

– Там, – качаю гранату в руке, – могу даже отдать. Вира за нервы, так сказать.

– Не откажусь, – усмехается сержант, и повернувшись к нам спиной, крикнул в люк:

– Давай на улицу, парни!

– Еба... – сказал долговязый ефрейтор, выпрыгнувший наружу и едва не наступивший на Марченко. Сглотнув, он особое внимание уделил моей совне, флашштоком торчащей из виска особиста.

– Бля... – выдохнул веснушчатый рядовой, с укором глядя на командира.

– Аргумент, – ответил тот, показывая глазами на гранату в моей ладони.

– Тоже верно, – сглотнув, согласился рядовой, – и... что теперь?

Повторили для них про Опытную, и парни явно расслабились, ожидая худшего.

– С вами, – переглянувшись, сказали они вразнойбой.

– Не то чтобы лично мне в Военном городке было совсем херово, – добавил ефрейтор в порыве откровенности, – но после этого случая путь мне один – в штрафники!

– В лучшем случае, – согласился рядовой.

Преодолевая невесть откуда взявшуюся брезгливость, обыскали тела и...

– Пока не забыл, – выдернув совну, отрубил Асламову голову, – и на всякий случай...

... особисту.

– Это такая тварь, что ему ещё кол в сердце не помешал бы! – объяснил я свои действия. Никто, впрочем, и не возмутился. Привыкли.

– Давай я полиэтилен постелю, – деловито предложил Лёха, – в десантный отсек закинем, а выкинем по дороге, чтоб запутать следствие.

– Ага...

Закинули тела, замели следы крови на земле – как могли...

«Очень надеюсь, что наблюдатели не ринутся в объятия офицеров Особого Отдела, разыскивающих начальство.»

... и не думая долго, двинули через Шкатова в сторону

Опытной. Остановившись ненадолго у ДК Сокол, выкинули в кусты голые тела, а головы я решил забрать с собой, причём сам не знаю – толи для некоего отчёта перед руководством Опытной, то ли в качестве охотничьих трофеев, которые займут место над камином.

Станционная, Полевая, Железнякова, Боевой проезд... на душе отлегло, и я уже почти расслабился, когда БТР сбил...

... и переехал кого-то, тут же остановившись так резко, что я чуть не слетел с брони, удержавшись каким-то чудом и ценой вывихнутого запястья.

– Да ёбаный рот! – начал я эмоционально.

– Бля буду, тащ прапорщик! – водитель тут же высунулся из люка, испуганно косясь на гранату в моей руке, – Не было его на дороге!

– ... да что за нахуй... – из БТРа вывалился Анвар с автоматом наизготовку, весьма ловко (и бессмысленно) перекатившись по асфальту, взяв на прицел придорожные кусты.

– Мертвяк какой-нибудь! – выпалил водитель, – Точно! Кто же ещё-то?

– Будем надеяться... – я поглядел на видимую с дороги четырнадцатую школу, изо всех сил желая, что это не кто-то из местных решил дуриком спрямить дорогу, а действительно – какой-нибудь зомбак.

– В доспехах? – вложив в вопрос весь доступный мне сарказм, прыгаю с брони, не слушая водителя.

– ... ну а чё? Если в доспехах укусили... – он спрыгнул

вслед за мной и пошёл, бубня нелепые оправдания.

Подойдя к телу, хотел было повернуть разmozжённую голову носком берца, но вовремя вспомнил, что экипаж БТРа мне не подчинённые и не кореша, а непочтительность к покойнику может дорого мне обойтись, если это покойник из местных. Водитель, в отличие от меня, не страдал ни пиететом к покойникам, ни предусмотрительностью, и выполнил грязную работу за меня.

– Это что за покемон! – вырвалось у меня невольно. На миг показалось, что я снова в данже... но нет, вокруг привычная картина липецких окраин, мало изменившаяся после начала апокалипсиса.

– Что там, тащ прапорщик? – поинтересовался Славка.

– Я же говорил – не местный! – выдохнул с облегчением водитель, – Гля!

Вытащив из ножен на тесак, он привычным движением отсёк голову и поднял её за волосы, демонстрируя нам без всякой брезгливости.

– Ухи, а?! – с восторгом сказал рядовой, сияя радостью двойного чуда – он всё-таки сбил не местного и... – Эльф, бля буду!

– Еба-ать... – отозвался Илья, а я смолчал, но мысли у меня вертелись аналогичные, обценно-лаконичные. Часть черепа отсутствует, морда сильно стёсана асфальтом, но – эльф! Настоящий, сука, эльф!

– Это что... – начал Славка, – по всему миру теперь так?

Игра? Данжи, квесты, пати... так?

– Эльфы, сука! – сиял радостью имбецила рядовой, любясь отрубленной головой, – Бля буду, я первым такую хрень затрофеил! Ща на Ютубчик выложу...

– А мы, получается, игроки? – продолжал Славка на своей волне и замолчал, глядя на портал, появившийся в полуметре над потрескавшимся асфальтом.

– Вы! – шагнувший из него эльф был в ярости и набедренной повязке, – Неписи!

Он повернулся к водителю, всё ещё державшему в руках отрезанную бошку.

– Ещё и голову мне отрезали... – змеюкой прошипел он, оскаливая кипенно-белые зубы, навевающие мысли, что среди его предков явно были хищники.

Мои руки сами выдернули чеку у гранаты...

... и эльф ловко, каким-то змеиным движением перехватил её у самого лица, усмехнувшись презрительно и поднеся кулак к голове. Взрыв...

... и дорога оросилась каплями крови, а безголовое тело, постояв секунду, завалилось на асфальт.

– Вот же блядство, – сказал Лёха без тени эмоций на лице, в эти секунды по выразительности могущее посоперничать с кирпичом, – Вот даже, да? Неписи?

Почти тут же зазвонил телефон, звонила мама и сделал отмашку парням, чтоб помолчали. Неписи, писи... всё потом.

– Да, мам, привет!

– Привет, Вов, ты как?

Оглядываюсь на безголовое тело и всё ещё мерцающий портал над асфальтом...

– Всё хорошо, мама... всё хорошо!

Седьмая глава

– Еба-ать! – массивная деревянная дверь открылась с пинка, и в зал для совещаний Судебного участка № 1 влетел водитель, не отрывая опущенной, коротко стриженной головы с бисеринками пота от прижатого к животу планшета. Машинально блокировав локтем дверь с тугим доводчиком, рядовой поднял голову, – Пацаны, прикиньте...

Заметив меня, он разом выпрямился по стойке смирно, одеревенев несуразным языческим идиолом.

– Виноват, тащ прапорщик! – лицо водителя разом сделалось уставно-дебиловатым, отчего мне стало неприятно и почему-то стыдно.

– Рус, мы больше не в армии, – поморщился я, понимая, что субординацию, вбитую в учебном центре, на «раз-два» не вытравишь, – Володя или Вова, как удобней.

– Есть, товарищ Вова! – машинально козырнул Руслан и смутился, заалев ушами и неловко спрятав «виновную» руку за спиной. Поскольку планшет в другой руке остался на уровне груди, эффект получился несколько комическим.

– Товарищ Вова, – мерзко хохотнул развалившийся на стуле Славка, многообещающе прищурившись в мою сторону, в тон ему подхрюкнул Анвар, тоненько захихикал Илья, норовя что-то сказать, но не в силах переборот попавшую в рот смешинку.

– Смехуёчки? – вздёргиваю бровь, и ржать начинает даже излишне серьёзный Лёха, переглядываясь с наводчиком Мишкой. Глянув на меня, Лёха посмотрел на Руслана, разрывающегося между остротой момента и Уставом, и начал смеяться с новой силой.

– И ты, блять? – спрашиваю у него безнадёжным тоном, от чего ржачь становится истерическим, а я понимаю, что прозвище «Товарищ Вова» с этого дня мне обеспечено чётко, и хорошо ещё, если в узком кругу!

... а нет, судя по поблёскивающим глазам Ильи, история эта получит самую широкую огласку. Да и Анвар... вообще, троица эта, несмотря на все нескладушки, очень гармонично дополняет друг друга. О-очень разные парни, но притом друзья, и друзья настоящие, ставшие таковыми ещё до похода в данж.

– Суки! – не выдержав, начинаю смеяться сам. Ну да, ну да... случись такая фигня с кем-то другим, первым бы побегал рассказывать о «Товарище Вове»...

– Ладно, – вытерев слёзы, сказал Лёха, – что там такого?

– Вот... – несколько секунд Руслан копается в планшете, а потом повернул экраном к нам, – я ж эльфятину на Ютуб залил, а тут... мама дорогая! Часу не прошло...

– Чуть больше двух, – машинально поправил его Мишка, глянув экран своего телефона.

– Похуй! – отмахнулся Руслан, – Э-э... виноват!

– Похуй, – кивнул Лёха, – продолжай.

– Есть! Э-э... то есть да, – Руслан всё никак не может проникнуться концепцией досрочного дембеля и всё никак не сбрасывает жабую шкурку вчерашнего «духа», – Вот... чуть больше двухсот тысяч просмотров, прикиньте?

– Неплохо, – согласился Илья, а через секунду сам же себя поправил:

– Да какое там неплохо, охуенно! Народу сколько осталось? Плюс-минус каждый двадцатый, и интернет не везде сохранился. Фурор, бя! Абсолютный хит! Еба-ать...

– Фурор, – согласился Славка, хмуря лоб, – только вот...

– Только что? – нетерпеливо переспросил Руслан, уже весь в мечтах о раскрутке, популярности и обрушивающейся на него славе. Зачем ему это надо на руинах агонизирующей цивилизации, он и сам не знает... но хайп!

– Да... хуй его знает, – Славка неуверенно дёрнул плечом, – может обиженный ушастик мстить начнёт.

– Да и хуй с ним, – я решительно рубанул рукой, – с писей этим!

– Как-как? – неверяще переспросил Лёха, подавшись вперёд и вытягивая шею со свежими порезами после бритья, – Писей?

– Угум. Если мы типа неписи, то...

– Писи, – запоздало гоготнул Анвар, ослабившись излишне зубасто – так, будто у него не тридцать два зуба, а все сорок четыре. В этот раз смеялись более нервно, потому что да, ситуация...

– Похуй, – говорю ещё более решительно, – Если мы неписи...

– Во что лично я отказываюсь верить! – решительно перебил меня Славка, резко вскочив со стула и придержав его в последний момент, чтоб не упал, – Вселенная как голограмма в принципе возможна, по крайней мере у физиков есть такая теория. Но в таком случае и эти писи ушастые точно – такие же голограммы, как и мы, и вся разница между нами в условной плотности материальной иллюзии.

– Я не сторонник искусственного происхождения мира и вселенной, – продолжил он, распаляясь и расхаживая перед нами, как лектор в университете, – но повторяю – даже если это так, вся разница между нами в плотности иллюзий. А считать себя и всю нашу цивилизацию обычной компьютерной программой я не могу просто по причине запредельной, я бы даже сказал – избыточной сложности нашего мира! Условный тест Тьюринга¹⁴ наша цивилизация проходит с многократным перехлёстом.

– А ещё... – Славка, остановившись, сощурился зло, будто выглядывая в танковый прицел смертельных врагов, – вы можете представить себе уровень цивилизации, способной прописывать кодами целые Вселенные? Вот бля буду, у них игрушки точно поинтересней будут!

¹⁴ **Тест Тьюринга** – эмпирический эксперимент, в ходе которого человек общается с компьютерной интеллектуальной программой, которая моделирует ответы как человек.

– Твоя версия? – спрашиваю с деланным спокойствием, борясь с желанием обгрызть ногти.

– Напрашивается вариант цивилизации из более плотного слоя Голограммы, причём не намного более развитой, чем наша. – ответил Славка без раздумий, – Вот по причине своей большей плотности они как раз и способны влиять на менее плотные Вселенные.

– Мы возможно... – выделил он, – и являемся порождением некоего Архитектора Вселенной, но это явно существо куда более высокого порядка.

– А это... – хищно оскалился Славка, – захватчики!

– Всё сказал? – спрашиваю его, нарочито перебивая пафос момента. Ещё не хватало нам сейчас начать клясться на крови, обещая прогнать порабитителей...

– Ну... да, – сбился Славка, малость подсудувшись.

– Если... – выделяю голосом, – мы неписи, а они игроки...

Не перебивай! Я твою теорию не оспариваю! Захватили они менее плотные слои этой...

– Голограммы, – подсказал Илья.

– ... переписав коды нашей Вселенной, – киваю ему благодарно, – или нет, не суть важно. Пусть это будут... хакеры, назовём их так. Они могут взламывать соседние слои Вселенной нарочно, а могут действительно считать, что они нас, хм... прописали. Последнее маловероятно, но всё же... специалисты в курсе, а чувствительным обывателям проще считать нас продуктом ИИ.

– В обоих случаях логика их действий не должна слишком сильно отличаться от нашей, – подытоживаю мысль, – так?

– Пожалуй, – согласился Лёха, – в противном случае теряется весь смысл игры.

– Ну... – начал Славка, – не факт! Я не исключаю возможности того, что их цивилизационная логика отчасти похожа на нашу, но в ключевых моментах отличается более чем полностью.

– А смысл? – возразил Лёха, – если они нас, ну...

– Прописали кодом, – мрачно подсказал Анвар, сопя и бурча что-то явно нелицеприятное на своём языке.

– Прописали, – явно через силу согласился сержант, – то должны были прописать под себя. В таком случае Земля, наши мифы и прочее – это как бы отражение их мира.

– Асы, ваны, эльфы, олимпийские боги! – быстро протаторил Илья, и сержант кивнул согласно.

– Если они из соседнего, более плотного слоя, то явно искали мир более-менее похожий на свой. – после короткой паузы продолжил Лёха, напряжённо хмуря брови, – Для массового пользователя интеллектуальные изыски не нужны, а тот ушастик никак не тянет на преподавателя университета, ставящего виртуальные эксперименты по этнографии примитивных племён.

– Гопник вульгарус, – хихикнул Илья.

– А зомби? – засомневался Мишка, – Они как в эти теории укладываются?

– Замечательно, – отвечаю с уверенностью, которую не испытываю, – как раз на руку теории Владислава играют. Если целью хакеров был зомби-апокалипсис, то можно было бы прописать более интересные варианты. А у нас, как ни крути, вышло хоть и э-э... апокалиптически, но не кинематографично, что ли... Любой гейм-мастер пропишет более интересный сценарий. Да что там... я интересней пропишу!

– А локации с гоблинами в мир зомби-апокалипсиса как вписываются? – распаляюсь всерьёз, – А?! Больше похоже, что эти сраные хакеры сломали наш мир и теперь вставляют куски из других, ранее сломанных миров, а напрямую или кодами, не суть важно!

– Ну... да, – кивнул Слава, прекратив обкусывать губы, – зомби как сбой программы при зачистке места на жёстком диске Мироздания, а нас, оставшихся в живых – НПСами, чтоб добро не пропадало. Только...

Он постучал себя по голове согнутым указательным пальцем.

– ... в настройках поковырялись. Это всё равно проще, чем с нуля создавать оригинальных ярких персонажей. Наверное...

– Вариант, – охотно соглашаюсь с ним, – Гоблины, к примеру, могут быть реально существующими, ну или ранее существовавшими, не суть. Вместо того, чтобы прописывать с помощью ИИ каждый характер по отдельности, ну или делать НПСов примитивными тварюшками – Ctrl+C на реаль-

ного персонажа, потом Ctrl+V, а при необходимости – самую чуточку поправить воспоминания. А?! Это ж проще должно быть? Не высокая литература мирового уровня с соответствующими гонорами, условно говоря, а копеечный ре-райт!

– Соглашусь, – кивнул Славка, лицо которого напоминает сейчас восковую предсмертную маску, – очень хорошо влезает в рамки моей гипотезы.

– Так что будем делать? – осведомился Анвар, в глазах которого отразилась смертная тоска. Вспомнилось разом, что у весёлого, неунывающего парня погибли вообще все родственники...

– Делать? – чешу нос, отчаянно пытаюсь придумать хоть что-то, что похоже на Цель. Что угодно, лишь бы не было мыслей о бессмысленности бытия куском компьютерного кода и желания пустить себе пулю в лоб, – Жить... для начала – жить!

В голову кавалерийским наскоком влетели шальные мысли, и я заспешил, опасаясь упустить самую суть.

– Данж помните, парни? – обвожу взглядом ребят. Лёха со своими уже в курсе наших приключений, но очень... очень вкратце. По дороге нам не до этого было, а потом в короткий промежуток времени влезло столько событий, что не до разговоров было.

– Мы ведь зашли – в данж, а вышли – из локации! – надавил я, пытаюсь нервным напряжением продавить важность

мысли... которую никак не могу оформить в слова. Вертится только ощущение, что это необыкновенно важно, и что я действительно зацепил что-то ключевое во всём нашем Приключении.

– Хакнули! – выдохнул Слава, снова оживая, – Точно! Земля сейчас в процессе отладки, так выходит! Хер ушастый, он походу бета-тестер... сейчас-сейчас...

Он закопался в телефон и через минуту выдал:

– Да, уже сняты и другие игроки. Немного, так что походу – да, бета-тестеры и есть. Несколько дней, недель или месяцев до массового прихода игроков у нас точно есть.

– А мы, получается... – начал Илья.

– Вирусы... – брякнул Руслан с подавленным видом, принимаясь нервно грызть ногти.

– Троянцы, – резко перебил его Славка, – Не вирусы!

– Да какая разница? – вяло отозвался парень.

– Большая! – выпрямился Слава, – Мы – наследники человеческой Трои, которая пала под натиском превосходящих сил, но именно потомки разбитых троянцев основали Рим! Город пал, но мы ещё живы, и наше время придёт!

– Ебать ты загнул... – качаю головой, сбивая пафос момента, – но вообще что-то такое во всё это есть. Наверное, в твоей теории куча спорных мест, но принять её за фундамент... Эх, обсудить бы её с учёными!

– А я это... – ожил Руслан, – снимал. Не-не... машинально. Выложить?

– Ну... – переглядываюсь со Славой и Лёхой, – погоди малость. Комп в здание есть?

– Даже не один, – отозвался Анвар, – Монтировать и править будем? Если что, я могу! Даже клипы снимал.

– Да ладно?! – удивился Мишка.

– А что такого? – не понял удивления кавказец, – А-а... думаешь, братуха-борцуха, жи есть и всё такое? Стеоретип. Не так сложно с клипами, на самом-то деле. Если есть мозги и желание разобраться, то за полгода-год базу освоить можно. На профессиональном уровне – да, сложнее, ну и талант нужен.

– А у тебя есть? – ехидно прищурился Мишка.

– Для того, чтобы смонтировать ролик – хватит, – чуть усмехнувшись, ответил кавказец, не поведясь на подначку.

– Давайте, – «даю добро» на правах «как бы командира» нашего отрядика, и выхожу на улицу, где несут караульную службу мужики с Опытной. Политика, ети... несколько нервно оставлять БТР вот так вот, в чужих руках, но...

... «мафынка» не моя, а «пацаны вообще ребята», и у них своя голова на плечах, за которую отвечать – ну вот никакого желания! У Лёхи здесь родственники, кореша и бывшие сослуживцы, и если сержант решил поиграть в открытость и гласность, то флаг ему в руки!

Мне кажется, сержант малость увлёкся со всей этой политико-дипломатической хернёй, но кто я такой, чтобы лезть в чужую жизнь? Единственное – помечаю галочкой в мыс-

ленной анкете, что в своём отряде видеть его не хочу, а если придётся воевать как союзники, то надо будет иметь в виду такие вот странноватые залипухи с политикой. Вроде и нормальный мужик, а...

Тряхнув головой, выбрасываю дурные мысли. Тот случай, когда мне – глубоко похуй! Окажется прав Лёха по прозвищу «Папаша», то и молодец. Наебут его местные со словами «мир-дружба-жвачка-перестройка», отжав БТР под предлогом демократии, гласности и военного коммунизма с обобществлением собственности, лично я ничего не теряю. Вообще.

Единственное, что меня волнует – дадут мне на Опытной «грин-карту» или пошлют подальше. Что выдадут генералу, не боюсь совершенно, вот уж чего...

Его здесь прозвали «Педералиссимусом» и ненавидят искренне, от всей широкой пролетарской души, и примирение в ближайшие недели, а то и месяцы, невозможно ни под каким предлогом. Маслаченко, захватив власть в Военном Городке, чуть не первым делом сунулся на Аэродром, и приспичило ему через Опытную, вроде как заодно принять под свою руку.

Далеко «Педералиссимус» не проехал, застряв на пересечении Боевого проезда и Лебедянской. Стрельбы с обеих сторон было мало, но несостоявшийся Диктатор Всея Липецка поиграл в немецко-фашистских захватчиков – с заложниками, виселицами и прочим кроваво-палаческим ан-

туражем.

Собственно говоря, повесить и расстрелять никого не успели, и скорее всего, «тащ генерал» просто хотел показать сильную руку, припугнув быдло. Нашёл какой-то повод, обвинил местных в провокации... и видимо, по сценарию в его голове должны были состояться переговоры, где быдло признало бы его право судить, казнить и миловать, призвав на княжение.

Только вот народец оказался не тот, шапки перед барьером ломать не стал и натурально озверел, увидев виселицы. Нежданчик для «тащ генерала». Не «... приходите княжить и владеть нами...»¹⁵ а «дубиной народной войны»¹⁶ по обтянутой камуфляжем жирной спине.

А когда от сердечного приступа умерла старенькая «провакаторша», она же бывшая учительница младших классов...

... притом со связанными позади руками, стоя под виселицей, планы «тащ генерала» пошли по пизде. Через час его вышибло ополчение Опытной с помощью Аэродрома, и говорят, пленных в том бою не брали.

Разговаривать не стали, разграничив территории сперва «де-факто», а потом при посредничестве Сокольских «де-

¹⁵ «Повесть Временных лет» о призвании варягов (Рюрика) на Русь.

¹⁶ Дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупой простотой, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие. «Война и Мир» Л. Н. Толстой.

юре». Маслаченко поначалу не придал этому «погранично-му инциденту» особого значения, посчитав за «момент». Ой, зря... собственно, именно погибшая учительница и поставила крест на мечте об объединении всех патриотических сил под его, тащ генерала, командованием.

– Проверка? – весело подмигнул мне часовой, бдящий у БТР с Калашом, давая огоньку.

– Да ну... – дёргаю плечом и затягиваюсь, – похуй! Я же не военный, и карьеру в армии сделать не стремился. За своих пацанов отвечаю, их сюда и довёл, а дальше – сами будут решать, что и как. А эти вроде и неплохие парни, но так – попутчики.

– Тоже верно, – одобрил работяга, не забывая оглядывать окрестности. Покурили... к слову, курить я стал много, но какая-то странная херота – табак меня стал вставлять, как энергетик. В теории это возможно, ибо хоббитская кровь, то-сё...

Если прописано в Игре, что хоббиты с трубкой не расстаются, и при всём том долгожители и шустрые ребята, то значит – табак даёт им баф, и точка! Наверное...

– Даров, тёзка! – издали протянул руку в наколках знакомый бугор, подходя к парадному входу, – Заждались?

– Есть немного, – пожимая руку, отвечаю я, – Так-то понятно, что с Дону выдачи нет, но есть нюансы!

– Хе-хе... и то верно! – усмехнулся тот, зашуршав обёрткой от дешёвой карамельки, – Ну, зови своих!

– Угу, – далеко я ходить на стал, и подойдя к зарешёченному окну, настезь распахнутому по причине жары, позвал ребят.

– Если коротко, – на ходу рассказывал бугор, косолапя справа от меня, – всё ок! С Дону выдачи нет, и вы нашим сильно в жилу пришлись! Чёткие пацаны, без наёбок и объёбок!

– А остальное... – он пожал плечами, – будем обсуждать на Совете. Условия, на каких вы хотите остаться, и на каких мы готовы принять вас, ну и прочее.

– А с генералом из-за нас залупаться не боитесь? – выдал Руслан, и я закатил глаза. Вот же чудик... то стесняшка, а то ляпает... Впрочем, типаж знакомый, ничего нового.

– Не боимся, – ответил бугор, понимающе усмехнувшись моему закатыванию глаз, – с этим паделом срать на одной делянке не сядем! А с вами или без вас... не критично.

– А всё-таки? – не унимается Руслан.

– Мальчишка ты ещё, – усмехнулся тёзка, – не обижайся! Был бы постарше, знал бы без объяснений, что худшие хищники из человеков – те, кто погоны носил! Банды из ментов и чекистов самые беспредельные, с ними мира быть не может!

– Не потому, что понятия воровские и по ним живём, – снова усмехнулся бугор, – какие сейчас понятия, право-слово... Здравый смысл! Опыт, понимаешь?

Руслан кивнул осторожно, но как мне кажется, больше потому, что ему льстит вот такой вот доверительный разговор

с человеком авторитетным.

– Опыт, – повторил тёзка, – менты и чекисты беспредельщики по жизни. Они и так-то ангелами не бывают, а если уж перешли Рубикон законности, то у них вообще тормозов нет! По определению.

– А военные... – он сплюнул, – это вообще пизда! В любой стране, стоит им придти к власти – массовые расстрелы и геноцид! Не умеют они иначе, понимаешь? Заточены так. Магия, бя... А экономику ещё ни одна хунта не вытянула, так-то!

– А Аэродром как же? – поинтересовался парень.

– Отдельная тема! – отмахнулся бугор, – Во-первых, лётчики, они поинтеллигентней будут, да и так – отдельно они. Устроились, хуй скovyрнёшь, а они вроде как любого могут, но с вооружением и горючкой там дефицит, поэтому ядерным хуем особо не поразмахиваешь. В собственном соку варятся.

– Ладно... – прервал он разговор, – пришли!

– Однако... – я окинул взглядом школьный двор, в котором собрался Совет на уже знакомых брёвнах, – чего так скромненько?

– Прямая демократия, – усмехнулся тёзка, проходя к бревну, – чтобы видно и слышно было, кто как голосует и какие предложения выносит. Пока народу мало, схема рабочая.

– Пока мало – да, – соглашаюсь с ним, пытаюсь прикинуть

количество оставшегося в Липецке народонаселения, и перспективы прямой демократии.

– Рассаживайтесь, – приказала усталая немолодая женщина, крепко пахнувшая потом и лекарством, – Я Ольга Владиславовна, местный зубной врач и председатель этого собрания.

– Этого? – прицепился я к слову, оглядывая остальных членов Совета, поглядывающих на меня. Порядка пятнадцати человек, есть знакомые морды лиц, но большинство вижу в первый раз, и женщин среди них всего трое.

В голове всплывают подхваченные в пабликах мыслишки о неполноценности бабского пола, но вовремя выбиваю из бестолковки все эти глупости. Время сейчас такое, что во главе коллектива нужен сильный Вожак, причём его физическая мощь может быть сравнительно условной, но вполне зримой.

Время профессионалов придёт чуть позже, и чует моя чуйка, многие из сидящих на брёвнах спустятся по карьерной лестнице на пару этажей. А пока так... альфахи, всплывшие из ниоткуда полевые командиры и немногочисленные состоявшиеся профессионалы в каких-то областях, у которых либо зашкаливающий уровень профессионализма и соответственно – известности...

... либо мощные лидерские качества – помимо профессионализма.

«Выстраивать всерьёз альянсы пока рано» – мелькает ум-

ная мысль. И хотя где до альянсов с кем бы то ни было из присутствующих ещё далеко, но мысленно ставлю галочку.

– По жребию выбираем, – ответил бугор после короткого молчания, – перед началом каждого заседания.

– Для начала, Владимир Николаевич, – неторопливо сказала женщина, – хочу заверить вас, что выдавать вас генералу...

Она поморщилась так выразительно, что у меня в голове сложилась странноватая картинка, будто ей сунули под нос коробок с калом, предложив провести анализ органолептическими методами. Кашлянув, чуть нагибаю голову, скрывая неуместную усмешку.

– ... мы не будем в любом случае.

– Я уже рассказал, Ольга Владиславовна, – прищурившись на солнце, сказал бугор, – вкратце. С Дону выдачи нет!

– Тем проще, – спокойно отреагировала женщина, – и поговорка, к слову, очень к месту. У нас стихийно сложилось подобие казачьего круга, с выборными атаманами и прочим. С одной стороны – вольница, хотя разумеется, в определённых рамках. С другой – жёсткая дисциплина во время боевых действий, несения боевой службы и тому подобных вещей.

– Педералиссимус требовал вашей выдачи, – поведя костлявым плечом, сказал молодой худощавый парнишка, лет от силы семнадцати. Как ни странно, в Совете он смотрится вполне органично, со всем своими юношескими прыщами и

не доломавшись до конца голосом.

– Включи, – ухмыльнулся тёзка, парнишка усмехнулся в ответ и достал планшет.

– Еба-ать... – протянул Руслан восхищённо, – на фоне флага России, а наград... Герой? Это-то откуда?!

– Шёл казак куда-то вдаль¹⁷, – ответил бугор, и по рядам Совета пробежали смешки, которые стали ещё громче, когда Педералиссимус на экране начал рассказывать о патриотиз-

¹⁷ Не удержался, вставляю целиком (автор Леонид Каганов)Шёл казак куда-то вдаль. На груди была медаль: «За отвагу», «За победу», «За приятную беседу», «За научные труды», «За охрану всей среды», две медали космонавта, орден игрока Варкрафта, символ сдачи ГТО, «Прохождение ТО», Клуб беременных «Журавлик», Гардероб ДК «Гидравлик», «Альтависта точка ком», «Общество больших грибком», Капитан игры «Зарница», «Гомельская психбольница», табакерка, и огниво, восемь крышечек от пива, «Фестиваль цыганской пляски» «Крановщик, работай в каске!» «Берегись велосипеда», «Тридцать восемь лет Победы» Орден РСФСР, тайный орден «Тамплиер», вкладыш жвачки «Лёлик-Боллик», «Анонимный алкоголик», «Клуб ценителей вина», Символ панков из говна, «SUSE-Linux», «Бизнес-тим», «Тында – город-побратим» «Самый опытный водитель» «Лучший хряк-производитель», знак «Почетный водолаз», стикер «Путин-п*****с», Октябрьская звезда, «Героиня мать труда», группа крови, и Ай-Пи, и пацифик на цепи. Поскользнулся вдруг казак... И медальками – херак! И теперь медальки всераскатились по шоссе. Ребятишки! Дяди, тёти! Если где-нибудь найдете: Орден Славы, Орден Мира, пуговку с гербом Алжира, фенечку, консервный нож, малахитовую брошь, Красный крест, Петровский крест, «Город Прага», «Город Брест», «Полковая медсестра», «Детство – чудная пора», «Эсперанто», «ЦСКА», личный номер лесника, запонки к военной форме, «Лучший токарь», «Выхлоп в норме», «Похудей за пять минут», Молодежный клуб «Сахнуд», «КГ-Б», «Почетный донор», «Частный фонд Елены Боннер», «Фестиваль чеченской моды», номерок фидошной ноды –хоть медалькой, хоть значком поделитесь с казачком!

ме и офицерской чести.

– Честь у него, суки! – зло протянул бугор, и отвернувшись, харкнул на раскалённый асфальт.

– Н-да... – развивать тему я не стал, но действительно... где честь, а где офицеры?!

Переглянувшись с парнями, я приготовился торговаться, отстаивая наши интересы перед Советом Опытной. Снова быть пешками... благодарю, идите на хуй!

Особых привилегий не ждём, но и начинать всё с нуля, перебивая делами липецкое «брат-сват-блат», несколько поувядшее после Зомби-апокалипсиса, желания нет. Они местные, тутэйшие, и даже если героики лично за каждым немного, то она, героика эта, происходила на глазах соседей. И тут мы... здрасте вам... герои импортные!

С парнями мы решили держаться вместе, одной бригадой, ну или по версии Анвара «Вольным отрядом, да!» А стрелять или заниматься монтажными работами, не суть важно, здесь главное – не разбредаться.

– С Дону выдачи нет, – повторяю я, потирая переносицу и доставая портсигар с сигариллами, пытаюсь собраться с мыслями, – это хорошо...

«Политический момент, – вякает подсознание, уводя мысли в сторону, – и это хорошо... Опытная по факту федеративна, и складывалась вокруг четырнадцатой школы, НИИ Рапса и Администрации района. Потом уже частный сектор и прочие присоединились, во многом как раз из-за идейной

федеративности основателей. Мелких самостийников, держащихся за власть на местах – до жопы!

Выдали бы нас отцы-основатели Педералиссимусу „с головой“, и минимум четверть территорий враз бы отпала! Не говоря о мелких отрядиках типа нашего, держащихся не за территорию, а за друзей и родню.»

– Ладно, – прячу заминку за прикуриванием и выдыхаю с дымом, – Договоримся – хорошо, а нет – значит, на Тракторный или на Сокол переберёмся, чтобы хозяев не стеснять.

Лёха отмолчался, лишь сделал физиономию задумчивой и кивнул медленно. С нами он, не с нами... видимо, по ситуации.

– Договоримся, – спокойно кивнула Кожевникова, открывая на планшете видео и поворачивая экраном к нам.

– Дай-дай-дай! – на экране пролетели пикси, – Я тоже! И мне пукать!

Не знаю, надеялась она на какую-то особенную мою реакцию, или просто решила сыграть в открытую, выкладывая карты на стол... Да собственно, и не важно.

– Агентура? – вяло пошевелился я, – Уважаю...

– Мы в курсе ситуации с данжем, – продолжила медик.

– Локацией Дружественных Пикси, – уточняю педантично, дабы не было недопонимания.

– А есть разница? – она остро глянула мне в глаза.

– Есть, – хриловатым юношеским баском отозвался самый молодой член Совета, – и немалая.

В нескольких словах он объяснил разницу между локацией и данжем.

– Да? – Ольга Владиславовна склонила голову к плечу и обменялась несколькими короткими взглядами с коллегами.

– Районный суд, – открыв для пущей наглядности карту на планшете, сказала она, – видите? В треугольнике между Школой, Рапсом и Судебным Участком, случись что – подкрепление будет в течении пяти минут максимум.

– А диверсанты из Военного Городка? – спрашиваю для порядка, пыхая дымом и начиная подозревать, что такое интересное «ж-ж» – неспроста!

– Господь с вами, Володя, – удивилась она, – какие диверсанты? В Военном Городке сроду спецназа не было, всё больше чиновники в погонах и технические специалисты!

– Ольга Владиславовна верно говорит, – усмехнулся юноша, – мы с ребятами до всей этой хероты в военно-патриотическом клубе состояли. Не Бог весть что, обычная рукопашка с НВП, да иногда в пейнтбол и страйкбол ходили развлекаться. Хватило!

– Войтек дело базарит, – кивнул бугор, закидывая за щёку очередную карамельку, – против техники они бы не выстояли, но мобильные группы его пацаны на раз зачищали! А хули? Обычному срочнику они фору во всех смыслах дадут, разве что, х-хе... бчки драить не умеют! Да ещё и местные, х-хе! Пару лет назад ещё по садам гоцались, яблоки обносили, х-хе!

– Было дело, – ностальгически улыбнулся Войтек, – Может, офицера тактику со стратегией знают, а в училище бегали как лошади, и стреляли как ковбои...

– А сейчас наоборот! – перебил его пожилой работяга со снайперкой на коленях, и захохотал, без стеснения открывая щербатый рот.

– Ну да, – усмехнулся малой, – если что и умели, то давно умения порастеряли. Не пройдут диверы...

Он погладил автомат по цевью.

– ... отвечаю.

– Допустим, – киваю и смотрю на Ольгу Владиславовну, показывая готовность к диалогу.

– Здание полностью в вашем распоряжении, – она не торопится, – любая адекватная помощь оружием, транспортом, инструментом и оборудованием, постановка на довольствие.

– Взамен?

– У нас в подвалах ЗАГСА данж... или как правильно? Локация? Спасибо, Войтек. Час назад открылось, точнее стало известно, и пока...

Она беспомощно пожала плечами... и я с трудом удержал себя от обещания немедленно сделать всё возможное и даже больше.

– ... никак. Мы беспокоимся, Володя, понимаете?

– Добровольцы как сунулись, так и высунулись, – хриловато сказал бугор (а точнее Бугор, поскольку оказалось, что это не просто должность, а прозвище), – какая-то там херота

с разницей физических потенциалов, что ли...

– С физическими потенциалами всё в порядке! – перебил его возмущённый молодой мужчина лет под тридцать. Худощавый, типичный гик по виду – он, тем не менее, весьма уверенно держит снайперку, и думаю, «Стечкин» в кобуре на правом боку у него отнюдь не для понтов.

Есть такая категория «ботанов», которые не рвутся доказывать кулаками свою правоту быдлану в автобусе, и не качают банки в спортзале – просто потому, что им неинтересно. Зато ходят в пешие походы, справляются по рекам, прыгают с парашютом и рубятся на мечах, а случись что серьёзное...

... вон, сидит со снайперкой, и не то что зуб – всю челюсть даю, что случись у него с Бугром стычка, пережует бывшего уголовника, и выплюнет! Просто гик у неинтересно по каждой мелочи хуями меряться...

– Ну пусть магическими! – отмахнулся Бугор, – Мы сейчас не научный диспут ведём.

Гик скривился, но посмотрев на мою физиономию, на которой написано «девять классов, ПТУ», промолчал. Эй... между прочим, физиономия нагло врёт!

– Хреново людям становится, – продолжил Бугор, потирая нос, – причём у кого как, вот в чём засада!

– Яйцеголовые... – он дёрнул подбородком в сторону гика со снайперкой, – даже закономерности пока подобрать не смогли. У кого-то просто давление начинает херачить, а кто-то натурально белочку ловит! Прикинь?!

– Есть и более интересные варианты, – желчно отозвался гик, – но рисковать жизнями людей, ставя на них эксперименты, не дело! В том числе и на себе.

«Ага... вот ещё почему гик терпит „уголка“ – понял я, по-новому глядя на татуированного тёзку, – человек для общины старается, а такому многие закидоны простить можно».

– Не дело, – согласился Бугор благодушно, – однако же решать что-то нужно, и возможно – срочно! Хуй их маму знает... может, там армия вторжения собирается, а может – просто пещерка со светящейся плесенью, и ничего больше. Так что нам теперь делать прикажете? Хуй забить, или бетоном подвалы заливать, и танки на дежурство у ЗАГСа ставить?

– У вас и танк есть? – приятно удивился молчавший до селе Анвар.

– У нас как в Греции, – непонятно отозвался Бугор, – Ну как? При всех обещаем – без кидалова и прочей байды! Всё, что только нужно... в разумных пределах. У нас сроки горят, понимаете? А вы, как люди говорят, можете по данжами и локациям нормально ходить.

– Скорее всего, – подал голос гик, – со временем разница потенциалов нивелируется, хотя и не факт, что до конца. А сейчас без вашей помощи нам будет тяжело.

– Давайте так... – переглядываюсь с парнями и вижу в их глазах азарт и готовность снова пойти хоть в данж, хоть в локацию, хоть к чёрту на рога!

– Работаем по принципу вольного отряда, – Анвар встрепенулся и заулыбался зубасто, он почему-то прётся по этой теме, – С нас – разведка территории, один раз!

– Один, – повторяю ещё раз, – А если понадобится провести разведку ещё раз, или тем более – разведку нового данжа, то обговаривать найм будем отдельно.

– Ваши условия? – суховато поинтересовалась Ольга Владиславовна.

– Во-первых – Пирог, – давлю её взглядом, – и это не обсуждается. Вытащить, выменять... как хотите – он один из нас и мой друг.

Женщина медленно кивнула, закусив губу.

– Здание именно Суда для нас не критично... – вижу вильнувший в сторону взгляд работяги со снайперкой.

«Свои мутки мутят? Эге...»

– ... но в обязательном порядке это должно быть отдельное здание с экстерриториальностью и возможностью наводить там свои порядки, вплоть до установки слесарного оборудования и станков. Не меньше, чем на три месяца!

– Суд, – подтвердила медик, обменявшись с коллегами взглядами, – дальше?

– Оружие... – чешу подбородок, на котором перестала расти щетина, и хуй его знает, что с моей физиологией будет дальше! – огнестрел у нас свой, а тащиться в локацию на БТР и с гранатомётами чревато, сложная техника там может сбоить.

– Мы этого не знали, – коротко сказал Бугор, слегка нахмурившись.

«Так вот кто у вас агентурной работой занимается!»

– Да, – киваю спокойно, и рассказываю об эксперименте с перемешиванием оружия и прочем таком же.

– ... так значит, ружья? – переспрашивает пожилой работник с сильным некомплектом зубов, он же Дядя Саша, – С запасными деталями?

– Да. Ружья с запасными деталями, лёгкие доспехи, если наличествуют – можно самодельные.

– У нас арбалеты есть, – сказал Войтек, – оружейный магазин обносили, нашли композитные, и судя по всему – контрабанда. Не сразу нашли, вчера только разобрали, там по накладным херня какая-то была, вот мы сразу и не проверили.

– На хуя контрабанда? – не понял Славка, – Я их в продаже видел, ещё когда в школе учился.

– Разница в натяжении, – пояснил парнишка, – свыше определённой мощности запрещено. Было.

– А-а...

– Нужны, обязательно тащи, – киваю я, пока не передумали, – и это... запчасти есть для них?

– Хуй знает, – озадачился Войтек, – смотреть надо. Сами они точно разбираются-собираются, а по запчастям не скажу. У нас как-то не было необходимости арбалеты раздавать, огнестрела за глаза хватает.

– Тащи, – повторяю я, – и... взрывчатка есть? Думаю, если самоделки гранатные наклеим, какие попроще, то должны взрываться.

– Найдём, – кивнул Дядя Саша, – Ещё что?

– Лекарства разве что, – пожимаю плечами, – и быстро! Чем быстрее притащите, тем быстрее полезем. А дальше, уже не к спеху – станочный парк... нет, сложного не надо, уровень толковой гаражной мастерской, может чуть больше.

– Машину подлатать, оружие починить, – понимающе кивнул работяга, – сделаем! Не так, чтобы с избытком этого добра, но и не дефицит.

– Владимир! – окликнула меня Ольга Владиславовна, – мы на всё согласны, единственное – ваш друг. С ним... сложно.

– Обещаем! – быстро заговорила она, поймав мой тяжёлый взгляд, – Обещаем сделать всё возможное! Но к сожалению, нам достоверно известно, что он сидит в кандалах – буквально!

– Та-ак...

– Я Серёгу знаю, – Бугор положил мне руку на плечо, – он и мне приятель, так что... честное слово, Володя – сделаем всё, что только возможно, и немножечко больше.

Помедлив чуть, киваю. Не тот случай, чтобы в залупу лезть... а там видно будет.

– Ну... без обид, пацаны, – попрощался с нами Лёха, оставшийся обговаривать условия для своего отряда, – бы-

вайте!

Баракло наше в здание Суда перевезли одним рейсом, и мы сразу занялись делом, не отвлекаясь на быт. Есть где спать, что жрать и куда срать... остальное решаемо!

Анвара с временно прикомандированным Русланом посадили монтировать ролик, а мы на заднем плане возились этой своеобразной массовкой. Как только привезли оружие, кавказец начал отвлекаться на дорогие его волосатому сердцу игрушки. Пришлось объяснить, что речь Славки и все наши недавние рассуждения должны оказаться в интернете как можно быстрее, пока он вообще каким-то чудом ещё работает.

Есть у меня подозрения, что интернет будет работать и в Игре, но... а вдруг? Да и какие там будут ограничения с цензурой, та ещё загадка. А Славкина гипотеза, как по мне, штука важная хотя бы с точки зрения самоуважения. Не неписи мы, а оккупированные представители менее плотного слоя Голограммы, и точка! А игроки, соответственно, не боги, а немецко-фашистские захватчики и вообще пидорасы.

В итоге, ролик монтировали все вместе, попутно возясь с оружием, делая убогое подобие гранат из брусков со взрывчаткой, и комментируя ситуацию.

– Может, не будем слишком сильно резать? – предложил Руслан, – сейчас тоже интересно было!

– Давай две версии запустим, – пожал плечами Анвар, –

Длинную и короткую! Делов на пять минут... сейчас...

– Ну, всё! – встав, он потянулся и тут же зарылся в оружие, едва не облизывая каждый ствол.

– Был бы калибр побольше, ты бы сейчас оргию устроил, – поиграл бровями Илья, на что кавказец только осклабил, ничуть не обижаясь.

В дверь постучали, и не тут же, не дожидаясь ответа, в помещение суда ввалился Дядя Саша с баулом.

– Доспехи, – просипел он, сбрасывая баул на пол и разгибаясь, – ох, ёпта... всё время забываю, что уже не мальчик!

– Разбирайте, пацаны! – предложил он, присаживаясь на корточки и закуривая что-то ядовито-дешёвое. Я предложил ему своих, но дядька отмахнулся.

– На хуй! Тридцать лет это говно курю, привык уже.

– Ни хуя себе! – воскликнул Илья, раскладывая доспехи, – Эклектика!

– Что есть, – пожал плечами Дядя Саша, благодушно выпустив дым, – но вроде как дельное.

– Вроде так, – с сомнением сказал Анвар, примеряя на голень пластиковые щитки.

– Это точно весчь! – выделил голосом мужик, тыкая сигаретой ему в ноги, – Битой не враз перешибёшь!

– Пожалуй, – согласился Анвар полминуты спустя, постукав ногой в защите о дверной косяк. Остальная защита того же рода – пластик вперемешку с металлом, для головы – кроссовые мотоциклетные шлемы.

Особо грузиться не стал, отобрав себе приглянувшийся шлем, щитки на голень, наколенники с налокотниками, и пластиковую кирасу, закрывающую грудь и живот. По уверениям Дядя Саши – из запасов какого не выжившего типа, увлекавшегося истфехом и заебавшего всех знакомых рассказами о крутой покупке.

К сожалению, остальных частей купленного доспеха среди притащенного не было. На прямой вопрос представитель Опытной только плечами пожал.

– Срочность, ёпта! Если искать начнём, то когда ещё найдём, хуй его маму знает!

С час потратили на примерку доспехов, пристрелку арбалетов и ружей прямо из окна Суда, и разумеется – их сборку-разборку. Дядя Саша не торопил нас ни словом, ни жестом, но ухитрился курить так, что мы все ощущали себя под жёстким прессингом.

– Всё, – сказал я заветное слово, и Дядя Саша ревматично перешёл в стоячее положение.

– Машина подана, ёпта, – с облегчением сказал он, бычкуня папиросу о мозолистую ладонь и пряча окурок в мятую пачку.

К крыльцу подали автобус ПАЗик, попёрдывающий двигателем. С нами в салон забрался Дядя Саша и ещё парочка членов Совета. Одна, пожилая очкастая женщина из НИИ Рапса, ехала молча, делая какие-то пометки в планшете, а второй, немолодой упитанный живчик, всё время орал.

– ... разведка, парни! Разведка! Нам как воздух... – он начал рубить себя по горлу, – как воздух данные нужны! Любуй ценой!

– Горлопан, бля, – буркнул Илья, не понижая голос, вываливаясь из автобуса у ЗАГСа, – агитатор-надомник!

– Вот здесь! – суетились местные, встречавшие нас у входа.

– ... почему так долго!? – завела было какая-то скандалистка, но её быстро заткнули и увели.

– Я издали покажу, пацаны! – местный работник курит не переставая, а руки-то дрожат... – Без обид, ладно? По мозгам, сука, лупит! Сперва, бля – думал, ёбнулся! Я эти подвалы, ёпта, как свои три пальца знаю, а тут полез, а они, сука, бесконечные! Километр! А потом, бля...

Стряхнув пепел, он неловким движением сломал сигарету и заматерился так, что цензурными в его речи остались только предлоги, да и то отчасти. Заново закурив, он рассказал о своём анабазисе по подвалам, попытке сунуться на разведку в портал, а так же обиде на сук-коллег, которые предположили у него белочку и нанесли тем самым тяжкую душевную травму.

– Людям не верить, – сокрушённо качал он головой, обдавая нас парами старого перегара и свежего спиритуса, – людям...

– Попрыгали, – говорю не столько парням, сколько на пуб-

лику, и мы попрыгали, а потом попрыгали ещё раз. Краем уха слышу шепотки из тех, что слышны метров за несколько.

– ... напрочь ёбнутый... – и на меня чуть не пальцами тычут, а потом я услышал напрочь перевертую историю о том, как мы вдвоём с Пирогом зачищали (!) Городское кладбище.

– ... кровящи с говнищем вокруг – ебать... а этим похуй! Собеседник не слишком верил, но рассказчик сослался на какие-то давние подвиги Серёги, и под давлением этих неопровержимых фактов народ согласился, что да – этот мог! Мог, то бишь, Серёга, а я – в пристяжку, как бы...

«Два ебаната нашли друг друга» – мелькнула мысль, а потом я в очередной раз напомнил себе как-нибудь разговори́ть Серёгу о всех его подвигах и похождениях. Он из той редкой породы людей, которые не любят рассказывать о себе. Политика и религия? Бизнес? Металлургия? Путешествия? Интересно, аргументировано, ярко... А, ну да, ещё о бабах!

О себе? Не... а что там интересного? Потом только всплывает, в случайном разговоре – да такое подчас, что пил бы чай – поперхнулся!

«Р – репутация!» – вздохнул я мысленно, сохраняя вид бравого спецназовца.

– Потопали, – приказал я парням, и мы потопали вниз, в подвалы ЗАГСа.

– Всё, – остановился сопровождающий через пару сотен метров поворотов и разворотов в подвальной сырости, пахнущей плесенью и бумагой, – дальше сами! Видите? Во-он

там граница начинается!

Он ткнул рукой в стену, которая самую чуточку отличалась от остальных, окрашенных шелушащейся краской цвета «насрали под ёлкой».

– Дальше сами!

... и мы пошли сами.

– Сука-а... – протянул Илья минуту спустя, поправляя рюкзак. Нагружены мы как ослики. Помимо традиционного Калаша и запасов еды-воды-боеприпасов, у каждого ещё по ружью, арбалету и какому-нибудь острому пырялу, а у меня аж целых два! Не сколько даже тяжело, столько развесовка неудобная, ещё и из-за необходимости иметь возможность в считанные секунды поменять Калаш на арбалет. Потом, понятное дело, приноровимся... ну или лишнее уберём, чем бы оно ни было, а пока так.

– Уже устал? – поинтересовался Анвар, явно приготовив какую-то шуточку с подъёбочкой.

– Устал? Нет. Так разве... морально подзаебался, – отозвался парень, – Просто прикинул ситуацию с подвалами, и она мне ни хуя не нравится!

– Слушаем! – подал голос Славка, не забывающий делать фотки всевозможных ориентиров на тот случай, если начнём блудить.

– А чего слушать? – мрачно отозвался Илья, – Данж этот всратый помните? Как там подвалы разбухли, а? Здесь такая же хуйня.

– Ну... – начал было кавказец.

– Гну! – перебил Илья, – Не сбивай! А ты прикинь, если такая хуйня будет не только в данжах и локациях? В погреб зашёл, а он, сука, раз в двадцать больше стал, и квест с крысами появился! А многоэтажки? Прикинь? Обычная хрущёба, а там подземелья на пять ярусов – по количеству этажей! А?

– Бля... – Анвар чуть не споткнулся, – По нынешней хуйне даже логично звучит!

– Не дай Бог, – безнадёжно отозвался Славка. А я... а что я? Молчу и слушаю, пялясь на всё более чужеродные стены подвала и пытаюсь уловить закономерности. А есть ли они... чёрт его знает!

Сходство с «Водопроводным» подземельем если и есть, то слабенькое пока. Достаточно широкий коридор, освещённый лампами дневного света, и множество дверей по обе стороны.

Подвал как подвал, каких полно в любом учреждении, будь то НИИ, школа или контора строительной организации. Разве что стены пошире, потолки повыше, и эта пугающая бесконечность поворотов, странного вида дверей и рисунков на стенах.

Пока эти рисунки мало чем отличаются от пиктограмм гопников с Тракторного, но рупь за сто даю, через несколько месяцев или недель они эволюционируют во что-то более интересное. Я уже сейчас вижу некие закономерности в пик-

тограммах с хуями, сердечками и именами местных «лохов» и «блядей», или (что даже более вероятно) внушил себе это, но...

... месяцев через несколько надписи типа «Серый – лох» и «Машка сосёт за сотку», при должной расшифровке будут оборачиваться заданиями и полноценными квестами. А за каждой дверью будет скрываться если не полноценная Тайна, то по крайней мере часть пазла. Но это потом, а сейчас идёт отладка, и соваться туда...

– Стоять, бля! – в последний момент дёргаю Анвара за шкирдон, – на хуя ты двери проверять начал?

– Ну надо же знать, что там? – резонно ответил тот, и явно слегка обидевшись на беспардонное обращение.

– Уверен? – шурюсь я, – Вот так откроешь, а тебе – квест с крысами без возможности отказаться. Н-надо?

– Ха... а если нет? Вдруг что серьёзное? – не уступает кавказец.

– А если да? – не отвожу глаз, продавливая свою правоту, – Ты что, в игры не играл? Логика прохождения подземелий не помнишь? Нам ведь нужно не квест пройти красиво, собрав все ништяки, а узнать, что там за ёбаная локация открылась!

– А-а... ладно, – согласился тот, – здесь ты прав, командыр.

– Командыр, – ещё раз повторил Анвар и поморщился, проведя языком по зубам.

– Почти два километра прошли, – подытожил Слава, глядя на шагомер, и добавил педантично, – если прибор не врёт.

– Если, – киваю, глядя на едва заметно марево портала, с превеликим облегчением читая над ним «Локация Дружественных Пикси».

– Ф-фу... – шумно выдохнул Илья, вытирая лоб и пихая меня в бок, – всё легче, Товарищ Вова!

– Гы-ы... – простонал Анвар, скаля зубы. Хмыкнул и Славка. А я что... мы больше не в армии, и «пресекать ненадлежащее поведение» не вижу никакой необходимости.

– ... вот же пиздюк! – ругаюсь, скрывая улыбку, – Запомнил ведь, а?!

– Запомнил, командир, – заулыбался боец.

– Ну ладно, тимуровцы, готовимся!

– И-эст, командыр! – с невесть откуда взявшимся акцентом ответил Анвар, скидывая рюкзак и перехватывая его перед собой на манер щита в левой руке, плотно прижав к телу. В правой, поверх рюкзака – ружьё-полуавтомат десятого калибра, заряженное картечью. Аналогично поступаем и мы, разве что у меня в левой помимо рюкзака ещё и совна, а у Ильи вместо ружья арбалет.

– Прямо-влево-вправо, – напоминая парням, – Илюха последним. Ну!

Пригнувшись и выставив перед собой рюкзак, первым в марево проёма ныряет Анвар, затем, с отставанием в полсе-

кунды, влево уходит Славка, а направо – я. Вдох...

... и я стою на одном колене, выставив перед собой рюкзак и с колотящимся сердцем сканирую окрестности. По правую руку от меня кусты ежевики, разросшейся среди трещиноватых валунов. Впереди на полусотню метров – травянистый, кочковатый берег речушки, а сразу за ней буковая роща, в которой возится стадо кабанов. Слева...

... просто стена пещеры и ничего больше. Дальше, метрах в ста, стена широко трескается и очень может быть, идёт большим ущельем – с рощами, ручейками и зверьём разной степени пуганности.

Локация Дружественных Пикси достаточно сложна географически, и лично мне напоминает след от камня на ветровом стекле автомобиля. Неглубокая вмятинка озера и центральной долины, и многочисленные извивистые трещинки, протянувшиеся через половину лобового стекла.

– Ф-фу... – еле слышно выдохнул Слава, стравливая напряжение. Жестом показываю ему в направлении ежевичных кустов, и он, оставив рюкзак на месте и выставив перед собой арбалет, змеиным движением заскользил к валунам. В кроссовом мотоциклетном шлеме он здорово походит на какого рептилоида... не к ночи будь помянут!

– К Анвару, – одними губами шепчу Илье. Стадо кабанов навскидку голов с полсотни, а зверушки эти очень агрессивные и опасные, взрывающиеся на раз. Закивав, Илюха медленно пристроился в паре метров от кавказца, положив пе-

ред собой сперва арбалет, потом ружьё, а потом уже Калаш.

Положив рюкзак, иду вслед за Славкой, стараясь не потревожить ни единой веточки. Я не то чтобы Чингачук и Великий Охотник, но мама, даром что учительница русского и литературы, большая любительница народной медицины, травок и сопутствующих ягод с грибами, брала меня в лес лет с пяти. Не то чтобы воспитывала... просто оставить было не с кем.

В общем, Лес я понимаю и люблю, притом не без взаимности, но сейчас... чес-слово, будто вся моя хоббитянская кровушка разом пробудилась! А... ну да, и кендеровская тоже. Тихо-тихо иду... а Славка вообще призраком скользит. Наследие пробудилось? И если да, то какое? Интересно...

Любопытство становится жгучим, едва ли не осязаемым, и вот он – первый негатив от кендерской крови! Сейчас уже могу понять, что ведомый этим чувством лезть буду во все щели! Надо, не надо... интересно!

Ежевика крупная, будто селекционная, и вкусна-ая...

– Зар-раза... как же не вовремя наследие крови проснулось, – шепчу одними губами, сплёвывая сладкую, тягучую слюну, окрашенную соком.

«Ручки, блять, шаловливые!»

Иду сквозь кусты, стараясь не потревожить ветвей и не наступить на многочисленных змей. Они греются на камнях, скользят в расщелинах и даже висят на ежевичных плетях. В основном безобидные ужики, но встречаются и гадюки, и...

... в голове будто подсветка, подсказывающая степень опасности. Интересно... а потом в голове будто взрывается информационный пакет, и я с большим трудом абстрагируюсь от «известной с детства каждому кендеру и хоббиту» информации.

– ... сейчас, сейчас... – слышу Славкин голос, – на камни заташу...

Он пыхтит слегка, но в общем-то, тащит меня относительно легко, поддерживая справа под руку.

– Всё... отошёл мал-мала, – отстраняюсь я, уже почти самостоятельно добираясь до относительно ровной площадки у самого верха и затаскивая туда свою тушку.

– Глянь... – мотаю головой и подсаживаясь, прислонившись спиной к нагретому камню.

«Вот тоже херь, – вяло ворочаются мысли, – солнца в пещере не может быть по определению, а и вообще – чуть ли не сумерки стоят, а камни будто солнцем нагреты. Свет, тень... откуда что берётся?»

– Чисто, командир, – доложил вернувшийся Славка, – там за камнями что-то типа галечного пляжа, а дальше типа прерии, незаметно с той стороны никто не подберётся. Ну а в лесу кабаны, тоже мимо никак – ни мы, ни враги потенциальные. Лес отсюда хорошо видно.

– Зови остальных, – приказываю, с трудом собирая опять разбежавшиеся мысли.

– А ты... – он вопросительно смотрит на меня.

– Походу, наследие проснулось, – улыбаюсь кривовато, – Ну, иди! Чтоб два раза не объяснять!

– Ага!

Я провалился в странноватое забытие, вспоминая разом два своих детства – человеческое, и бытие кендера-полукровки с четвертушкой хоббитянской крови, и с капелькой крови тёмных эльфов.

– ... ты как, командир? – склонился надо мной Слава.

– Жить буду, – улыбаюсь криво, – наверное. Наследие, сцука, проснулось! В данже ещё по мозгам лупануло.

– А-а... – дошло наконец до Ильи, – вот откуда эти заморочки со зрением! И кто ты?

– Кендер-полукровка...

Славка присвистнул.

– ... на четверть хоббит и совсем капельку – тёмный эльф.

– Эк тебя распидорасило, товарищ Вова! – ухмыльнулся Илюха, – и каково оно?

– Бля... я сам пока не понял! Но точно – любопытство у меня, это пиздец какой-то! Во вред!

– А ещё? – не унимается он.

– Ещё... вот прикинь – каково это, два детства разом вспоминать!

– Ёбу даш! – прикинул Илья.

– Вот я и... нет-нет! – подымаю руки, – Физически я в норме! Более-менее. Новым-старым знаниям в башке отлежаться надо. Слав!

– Да?

– За старшего, если вдруг что. Всем ясно!?

Удивляться или качать альфу никто не стал, что меня только порадовало.

– А почему раньше не... – начал было Анвар, надуваясь обидой на меня, и тут же замолчал, – а-а! Понял. Ызвыни, командир! Прослушка, проглядка, то-сё!

– А по секрету? – для порядку поинтересовался Илья.

– Тебе? – ухмыльнулся кавказец.

– Ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать, – перебил его Анвар, – что на твоей рязанской физиономии сразу крупным кеглем выступает – я знаю страшно интересный секрет!

– А... это да, – согласился Илья, – есть у mine такой тухес.

– Мне сны снились, – продолжил Анвар, – что я волк. Думал, от родных привет... Я оборотэн, да?

– Точно, – согласился Илья, озорно заблестев глазами, – и тебя покусал братуха-борцуха жи эсть! Будешь теперь в полнолуние обувать красные мокасины и садиться в заниженную приору с наглухо затонированными стёклами!

– Бля... – Анвар аж головой мотанул, – тебя, братуха, какой-то поэт по ходу покусал! Хреновый!

– А на светофоре ты будешь выходить, – вдохновенно продолжил Илья, не обращая внимания на критику, – и танцевать лезгинку под «Чёрные глаза»!

Анвар зафыркал, давя смешок, и отмахнулся рукой.

– Да ну тебя!

Посмеялись, но Славка отмалчивался, хотя ему точно хотелось что-то сказать...

– Пока не забыл, Слав. С домом... ну с Судом этим, куда нас поселили, нечисто. Не знаю, какие они там мутки мутят, но что прослушка есть – на все сто уверен! Это как минимум.

– Аналогично, – кивнул тот, – я навскидку ещё пару причин могу назвать – от желания устроить ловушку диверсантам Педералиссимуса, до попытки держать наш отряд под контролем. От Совета вообще не факт, но от отдельных его членов – сто пудово.

– Да! Поэтому обсуждать что-то серьёзно там не стоит, – киваю я, и поворачиваю голову...

– Илюх! Чтоб не было недопонимания – я видел, какую ты рожу скорчил, когда мы на Опытной найм взяли.

– Ну... – замылся тот, присаживаясь на рюкзак, – есть чутка! Как-то некрасиво это всё.

– А... понял тебя. Нет, Илюх. Не в жадности дело, а в самоуважении и инстинкте самосохранения. Даровое не цениться, понимаешь? Мы не местные, и стали бы ими в лучшем случае через несколько месяцев, пройдя через десятки совместных приключений. Совместных с ними, Илюх! Только вот именно потому, что не местные – не факт, что именно мы дожили бы. Понимаешь?

– Н-не очень, – дёрнул плечом Илья, не забывая поглядывать на лесок с кабанами.

– Снабжение по остаточному принципу, в пекло первыми, – меланхолично дополнил Славка, – Не потому даже, что они козлы, а потому что мы – чужие! Если у человека будет выбор – отдать какой-то ништяк человеку чужому, пусть этот ништяк ему и полезней, или своему близкому, которому этот ништяк в общем-то не нужен... Угадай, кому отдаст?

– Ясно, – вздохнул Илья, – своему.

– Верно, – кивнул Славка, – и подсознание сюда добавь. Даже если человек пытается быть справедливым, то хоть по мелочи, он сто пудово будет своим подыгрывать. А если так везде, от начальников всех рангов, до кладовщиков и поварих, то вот оно и будет – в пекло нас первыми, а к кормушке – последними.

– Да и не факт, что сработаемся, – добавил Анвар, на этот раз без акцента, – Не-не! Я не говорю, что они плохие! Просто... много там начальства получается, брат. И у каждого свой отряд, свои люди, своя родня. Нам если отдельно держаться, то мы ничьи, а значит – расходный материал, ресурс. А к кому-то прилепиться, так тоже не факт, что нормально прилипемся! Тут ещё сторону выбрать правильно нужно, понимаешь?

– И человека правильного, – кивнул Илья, кусая губы и вздыхая, – понял, понял... Но всё равно, скверно это как-то.

– Это жизнь, – пожал плечами Анвар, – не в городе Солнца живём, а в городе Липецк. Притом, сука, в постапокалиптическом! Мы в этом сценарии очень даже человечными вы-

ходим!

– Это да, – усмехнулся Илья кривовато.

– А потом, – решил я добавить свои пять копеек, – если ты лично или мы все решим перейти в ряды бойцов Опытной, то лучше будет переходить не с репутацией «ну возьмите нас к себе, дяденьки», а репутацией дорогих и потому – ценных бойцов!

– Ф-фу... – пробую привстать, – оклемался малость, вроде начало в голове укладываться.

– Кабаны с места снялись, – доложил Анвар, вглядываясь в лесок, и кажется даже – принохиваясь. А нет... не кажется! Заметив мой интерес, он смутился мимолётно, но почти тут же пожал плечами и улыбнулся.

«Газоанализатор ходячий, – мелькает озорное, – будет теперь по пуку состояние здоровья определять!» Давлю неуместный смешок и желание сказать это вслух.

– Ок! Ждём минут несколько, и идём по краю леса, – командую и встаю на ноги, тестируя организм.

– Вроде нормально, – пожимаю плечами на вопросительные взгляды ребят, – а дальше видно будет.

Речушка прозрачная, с галечным дном из бликующих на солнце красивых цветных камушков и не слишком сильным течением. С ног, по крайней мере, не сбивает. По обоим берегам местами камыши и рогоз, берега не топкие, пологие. Всё очень живописно, так и просится на картину кого-ни-

будь из Великих.

В голове даже проскользнуло сожаление, что забросил в своё время живопись, а ведь преподаватели не то чтобы хвалили, но и бездарностью не называли. Увы... в юности я безапелляционно решил, что если мне не суждено быть Великим Художником, то лучше сделать карьеру в бизнесе. Не сложилось в итоге ни с живописью, ни с карьерой...

Без особого труда нашли брод и переправились, сохранив оружие и рюкзаки сухими, ценой мокрых жоп и поджавшихся от ледяной воды гениталий. На другом берегу снова оделись, подождали прикрывающего нас Славку и потопали по краю леса, который даже вот так, с краю, внушал опасливое уважение.

Здесь он не фентэзийный, как ближе к озеру, а почти земной, разве что размеры несколько пугающие. Столь величественная природа прекрасно смотрится на холсте, ну или из окна собственного замка. А когда ты вот с этой природой нос к носу, и понимаешь собственную букашечность...

... а заодно и далёких предков, которые вырубали нахер такие леса!

Даже на краю леса попадаются деревья, обхватить которые не смогли бы мы вчетвером, но по сравнению с некоторыми великанами, кроны которых высятся над лесом, это так... молодая поросль.

А трава местами не то что по пояс – с головой скроет, причём несколько раз! Но мы в эти джунгли не лезем, на

фиг...

«А какие здесь могут водиться насекомые!» – подбрасывает паранойя, и прежде, чем я выбросил из головы пугающие мысли о пауках размером с собаку, альтер-эго услужливо, едва ли не виляя хвостиком, подбросило картинки из сказочно-виртуального детства кендера-полукровки.

Оказалось что – да, водятся... и ещё какие! Одна часть меня начала паниковать, а вторая не видела ничего особенного в существовании муравьёв размером с хомяка и пауков, на которых ходят с арбалетами и рогатинами. Ну да, есть такие зверушки... ничего особенного.

Резко, одурающе пахнет прелой листвой, травой, цветущими растениями, гниющими плодами и следами жизнедеятельности кабана. Кучи, равно как и запахи от них, под стать следам, а следы... я прикинул то и другое, и честно слово – поплохело! Свинки за три центнера, и это, сука, не рекорд! Норма!

– ... сдаётся мне, здесь и зверушки соответствующих габаритов, – вторил моим мыслям Анвар, и я симпатией покосился на кавказца. Приятно знать, что кто-то разделяет твои фобии!

– Что?! – он возмущённо уставился на хихикнувшего Илью, – Да, боюсь! Умирать вообще неохота, а окончить жизнь в желудке свиньи, это что, достойное окончание жизненного пути?!

Несколько раз нам по пути попадалось такое зверьё, что

у Анвара вновь прорезались клыки и кавказский акцент. Страх смерти у него уже прошёл, и как я понял, это был именно страх «свинской» смерти.

– Вот это трофэй... – вздыхал он, провожая взглядом охотника-маньяка саблезубую рысь килограмм этак в пятьдесят весом. Рысь, в свою очередь, проводила взглядом нас, и сморщив пренебрежительно нос, скрылась в зарослях лещины, отряхнув напоследок огромные лапищи.

– Нет, ты видел?! – повернулся ко мне возмущённый Анвар, – Лапами в нашу сторону, как говно в лотке закопала... падла саблезубая!

Он ещё несколько минут кипел, возмущаясь поступком рыси.

– Тебя так волнует, что думает о нас кошка? – ехидно поинтересовался Илья у друга, выбросив наконец майского жука размером с предплечье, которого тащил последние минут пять. Парень, оказывается, в детстве жуков собирал, и сейчас у него не вовремя проснулся энтомолог-пятиклашка, решивший было начать новую коллекцию.

– Да! То есть нет... – поправился Анвар, осторожно (и вовсе он не трусит!) переступая через колонну рыжих муравьёв, деловито тащащих в муравейник дохлого барсука почти обычных размеров, – а чего она?!

– А-а... – он наконец въехал в ситуацию и ругнулся на своём, выдохнул несколько раз и пробурчал:

– Ладно, понял...

У меня свои проблемы, и тоже с башкой. Воспоминания альтер-эго о его житие в смешанной деревушке хоббитов и человеков ещё не распаковались, а были скорее давно читанной книгой, притом читанной по диагонали. А знания, ЧТО может обитать в таком лесу – уже плотно сидели в голове, и это чес-слово – страшно!

Гигантские пауки...

«Да какие они гигантские?! – возмутилось альтер-эго, – Обычные!»

... и муравьи размером с суслика, это так – мелочь. Есть гадость похуже, вроде Камуфляжного Хищнца, который, падел такой, не только очень ловко маскируется, но и переваривает свою добычу заживо, причём безо всякой анестезии и долго-долго...

Тварюшек-подлюшек подобного рода в окрестностях хоббитяно-человеческой деревушки хватало, и это притом, что леса вокруг считались условно-безопасными и регулярно зачищались ополчением деревни. Встречались и залётные виверны, и...

Сознание альтер-эго принялось подкидывать мне список гадостей из окрестностей родной деревушки, и куда как более внушительный – из гадостей, которые могут водиться в здешнем лесу. Список всё рос и рос, разматываясь рулоном туалетной бумаги и устремляясь куда-то в мультяшную бесконечность.

А мне...

... надо иметь в виду не только возможный пиздец с живностью и необходимостью провести парней по этому минному полю, но не допустить возникновения паники.

«Подождать бы деньков несколько, пока информация не распакуется...» – выкидываю нахер пораженческие мысли, и снова взрыв сомнений... А какие мысли – действительно мои?!

– Дымом пахнет... – повёл носом Анвар, – и кровью!

– Бля... – выдыхаю, – а ведь придётся! Разведка, ёпта! Ну, потопали!

Шли мы сторожко, а точнее – ещё более сторожко, чем раньше, опасаясь всего на свете и чувствуя себя (лично я) скорее отважным и больным на всю голову космонавтом, высадившимся на новой планете. Пытаюсь использовать кендерско-хоббитянское чутьё, но получается криво.

Если удаётся сосредоточиться хоть на несколько секунд, в башке откладывается полная картина происходящего, вплоть до последнего жука-бронзовки в пяти метрах от меня. Потом откат к обычному состоянию и понимание, что голова от такой стробоскопии будет бо-бо... но потом!

– Скоро, – выдохнул Анвар, останавливаясь и скидывая рюкзак.

– Не лезем, – предупреждаю ребят, – мы разведка, помним!

– Мы помним, – отозвался Слава, – а они, походу, нет!

... и я только сейчас сообразил, что можно было идти не

на запах дыма и крови, а на крик птиц, устроивших форменное безумие на краю леса. По спине пробежал холодок... не факт, что мы сумели бы прокрасться так, чтобы не потревожить птиц! Благо, крылатые сейчас в таком переполохе и раздрае, что по краю леса может промаршировать полк урукхаев в полной броне, а не осторожные мы.

– Наблюдаем, – повторяю ещё раз, выглядывая сквозь ветки и старательно щурясь.

– Стойбище... – сдавленно шепнул Славка, озвучивая очевидное, – индейцы натуральные!

– Гоблины, – поправил Анвар, не отрываясь от наблюдения.

– Они что... геноцидят их?! – прошипел Илья.

– Это гоблины, – наставительно сказал Славка, но в его голосе я заметил неуверенные нотки. В этот самый миг зрение подыграло мне, и я увидел происходящее так отчётливо, будто пришёл экскурсантом к Севастопольской панораме.

Здесьние гоблины не выглядят мутантами, пережившими ядерную зиму. Если не вглядываться в детали, то один в один – потомственные пролетарии откуда-нибудь из рабочего гетто.

Невысокие, с короткими кривыми ногами и длинными руками, но в пределах человеческой нормы. Если, конечно, не обращать внимание на зеленоватую кожу и острые уши-лопухи...

А дети, так вообще...

– С одного удара! Видел?! – донёсся до меня возбуждённый голос, а проклятое зрение во всех подробностях показало, как летит по воздуху голова гоблинёнка... Со всеми венами, жилками, сохраняя на зеленоватой мордашке неверящее выражение и... боль.

Сморгнув в последний раз, голова прокатилась по земле, вздымая облачка пыли и пятная эту пыль своей кровью. Мёртвые глаза ребёнка безучастно смотрят в нашу сторону...

– ... мы только наблюдатели, только наблюдатели, – забубнил Илья, до срываемых ногтей царапая пальцами землю и не отрывая глаз от происходящего в стойбище. А там... играют в футбол отрубленными головами. Весело!

– Фашисты... – выдохнул Славка, темнея лицом.

– Командир... – простонал Анвар, – да?!

– ... суки, – слышу собственный голос, – у меня деда двоюродного...

– Да? – вслед за Анваром повторил Славка.

– Рюкзаки оставляем здесь, – командуя отрывисто, буквально выплёвывая слова, – С собой только оружие и... парни, умоляю, не переть в атаку! Ползком, как змеи, а потом – стрелять, а не врукопашную! Это игроки, ясно? Семь игроков, и хуй их маму знает, какое у них оружие и как они прокачаны!

Ползли мы так, как не ползали никогда в жизни. Память фиксирует происходящее, зачем-то записывая в подкорку

валяющийся вокруг стойбища мусор и...

... а туалет они ходят не централизованно! Впрочем, об этом потом, а сейчас – ближе, ближе...

Слышу дикий женский вой и заставляю себя не кинуться вперёд, продвинувшись за это время ещё на полметра... А вот Славка – не смог!

Миг... и он замерцал, а потом из травы выметнулось огромное змеиное тело и за пару секунд достигло вигвамов. Змеиная башка молотом ударила в грудь одного из игроков, а толстый хвост хлестанул по ногам второго и...

... тяжёлое копьё огра пригвоздило к земле Славкино тело, а из пожухлой травы, бешено скалясь, уже летел огромный волк!

– Сука... – прорычал я, начиная стрелять – прежде времени, просто чтобы хоть как-то отвлечь игроков от ребят! В магазине картечь, а расстояние для неё предельное, скорее даже – запредельное.

Выстрел! Просто чтобы отвлечь. Ещё! И бегом, бегом, бегом вперёд... потом падаю, заметив нацеленный на меня арбалет, качусь колом и снова встаю.

Выстрел! Арбалетчику, высокому красивому человеку в доспехах, разносит лицо, а я падаю и стреляю в падении, на этот раз в живот... и тут с левого фланга начинает стрелять Илья, а потом в стойбище врывается Анвар.

Прыжок... и он еле уворачивается от удара двуручным мечом в руках эльфа-паладина, но отвлекая на себя внима-

ние. Гоблин-старик, невольно выпущенный мечником, ухитрился выхватить висящий на поясе паладина мизерикорд и вонзить в спину бывшему хозяину. Добил мечника Анвар, вцепившись в горло и вырвав одним движением.

Выстрел... подбежав к Славке, вырываю копьё из чешуйчатого туловища, и...

... игроки закончились. Гоблины, впрочем, тоже... почти. Остался тот самый боевитый старик, девчонка лет девяти на вид, да тётка под сорок. Всё, что осталось от стойбища. А вокруг трупы, трупы, трупы...

Восьмая глава

– Это... – Нервно обмахиваясь выцветшим бумажным веером, Ольга Владиславовна быстро переглянулась с несколькими членами Совета, ища у них поддержку, – не совсем то, о чём мы договаривались, Владимир Николаевич.

– Разве? – я приподнял бровь, не продолжая дискуссию и развалившись на толстом бревне настолько удобно, насколько это вообще возможно.

– Ольга Владиславовна хочет сказать, – пришёл ей на помощь бесцветный упитанный мужчина средних лет в коротких шортах из синей синтетики и камуфляжной жилетке на голое (и довольно-таки непривлекательное) тело, – что вы перевыполнили план. Товарищи из... э-э, очень дальнего зарубежья – несколько не тот результат, которого мы ждали, нанимая вас провести разведку.

Представитель очень дальнего зарубежья, сидя на бревне в позе проветривателя яиц, невозмутимо ковыряется в объёмистом носу, тщательно исследуя добытые ископаемые и вытирая затем когтистый палец о кожаную штанину. Попахивает от него... ну, попахивает. Крепенько. Козлом, не козлом... немытым гоблином, так будет вернее.

– Буква договора соблюдена, дух тоже, – парирую я, – разведка проведена добросовестно. В ходе разведки было боестолкновение с противником и завербованы ценные союз-

ники из числа местных жителей.

Ценный союзник тем временем закончил ковыряться в носу и деловито высморкался перед собой на раскалённый асфальт.

– Ничё себе... – пробормотал кто-то впечатлительный из числа охраны, подошедшей поближе на интересное зрелище, – такой мелкий, а соплей на целый взвод!

– А рубильник? – отозвался кто-то из членов Совета, – Чисто хобот! Стратегические запасы козьяков на весь детский сад разместить можно!

– Ценный, говорите... – член в жилетке выразительно покосился на старого гоблина, зашуршавшего дешёвой карамелькой – точь-в-точь как у Бугра.

– Дитя природы, – парирую я, – наивное и пасторальное.

– Как бы даже слишком, – пробормотал член, выразительно глядя на гоблина, – такой... э-э, оригинальный и doskonaльный.

– Выпуклый, – подсказал Малой, весело переглядываясь с Бугром, оценившим шуточку с конфетой. Выпуклый, оригинальный и doskonaльный, гоблин смачно обсасывает конфету, щурит маленькие глазки и безмятежно почёсывается.

Взгляды прикипели к когтистой лапе, скребущей под ожерельем из вялено-копчёных ушей вперемешку с клыками, отрезанными и выбитыми у вражеских воинов. Впечатление от ожерелья неоднозначные, и с одной стороны, оно как бы иллюстрирует длинный и яркий жизненный путь настояще-

го Воина Степей, а с другой – уши ощутимо пахивают, а некоторые клыки явственно тронуты кариесом.

«Индеец секунд хенд» – подкинуло подсознание дровишек в костёр непритязательного йюмора.

– ... ещё и блохи, – сказал кто-то из Совета безнадежным голосом.

– Воши! – авторитетно заявил один из зрителей, авторитетного вида работяга из тех, что к месту и (заметно чаще) не к месту демонстрируют повадки альфа-самца, – Моя когда в первом классе эту заразу принесла, так еле вывели! Я по ним с тех пор эксперт не хуже Малушевой!

– Нашёл с кем... – язвительно отозвался хрипловатый голос, и зрители, вовлекая членов Совета, начали жаркий диспут о Российском ТВ, а также профессиональных и человеческих качествах ведущих.

«Запоздалая дискуссия, – мелькнуло ядовитое, – какие все разом стали политически активные и просвещённые! А раньше-то кто мешал?»

– Вы закрываете контракт? – повторяю я, борясь с желанием последовать примеру гоблина. Останавливает не столько даже воспитание, сколько размер рубильника. Если уж демонстрировать невоспитанность, то с размахом!

– Но фактория?! – попыталась воззвать к моей совести Ольга Николаевна.

Фантазия, ставшая в последние дни вовсе уж буйной, показала в моей голове, как антропоморфная Совесть почеса-

лась во сне, всхрипнула и перевернулась, пустив шептуна. С трудом давлю смешок и пожимаю плечами.

– Моё дело предложить, а нравится, не нравится... это уже вам решать. Контракт выполнен до последней Буквы, а по Духу мы сделали много больше, отыскав потенциальных союзников и торговых партнёров.

Парировав, замолкаю, невозмутимым видом подражая гоблину. Ваш ход, Господа Совет!

К Ольге Николаевне у меня никаких претензий нет, равно как (пока) ни к одному из членов Совета. Они делают то, что считают должным, продавливая выгоду для своих избирателей. А я, соответственно, продавливаю свои интересы и интересы парней. Кожевникова для переговоров такого рода слишком порядочная, отчего и теряется, сталкиваясь с поведением типа «И чо», и нежеланием учитывать точку зрения оппонента.

С гоблинами в качестве союзников и факторией в ЗАГСе ситуация и впрямь непростая, зависящая от точки зрения и юридической казуистики. Контракт мы выполнили и даже перевыполнили... в этом, собственно, и кроется проблема. В армии нас скорее наказали бы за самоуправство, очень уж по-кавалерийски мы всё провернули.

Гоблины в качестве потенциальных союзников, убитые игроки, фактория... голова кругом!

Чем это всё обернётся, большой вопрос. С одной стороны – возможность наладить полноценные контакты с гобли-

нами, притом первыми в Липецке, может обернуться нештучным стратегическим преимуществом. С другой – игроки... думайте, Господа Совет!

– Игроки? И чо? – ерошится Малой, – Не похуй?!

– ... мстить... – далее неразборчиво, не помогает даже улучшенный слух.

– Мстюны, бя! – парирует Малой, по молодости излишне резкий, как холерный понос, – Ты когда в игры играл... не играл? Серьёзно? Так вот поверь тому, кто играл – похуй! Никто против нас альянсы заключать не будет! Убили и убили каких-то игроков, рабочий момент!

– А те семеро нациков? – включился Бугор, хмуря кустистые брови, – В залупу не полезут?

– Да даже если полезут, – сыграл член в жилетке на стороне Малого, – нам что, такие соседи под боком нужны? Этот, как его... клановый замок на тех землях построят, и качаться на нас да на гоблинах станут. Головами в футбол!

– Неписи, хули! – подойдя поближе, согласилась одна из немногих женщин в совете, больше похожая то ли на неудачный вариант мужчины, то ли на активную лесбиянку, – Хули нас жалеть!

– А если мимо шли? – скривился интеллигентного вида мужчина лет пятидесяти, кажущийся лишним на этой выставке маскулинности и тестостерона. Впрочем, недооценивать его точно не стоит, ибо если этот мутноватый тип пережил Зомби-апокалипсис и не просто выжил, но и при авто-

ритете, то явно не слабак. А чего, почему... какая разница?

– Как это у молодёжи... – наморщил он лоб, – цифровые кочевники! А теперь они могут и остаться, чтобы репутацию сохранить или из мести, не суть важно!

– И чо? – окрысился Дядя Саша пеньками зубов, – Ноги об себя вытирать? Если между свободой и безопасностью народ выбирает безопасность, в конечном итоге он теряет и то и другое. Не я, между прочим, придумал! Бенджамин Франклин! Ставить себя надо сразу, а не прогибаться под всяких фашистов!

– Верно, Саныч! – резко поддержала его мужеподобная дама, кидая бычок на асфальт и растирая его подошвой грязного резинового шлёпанца, – Раз глаза на пакость закроем, два, потом союз политический с фашистами, а дальше и сами не заметим, как в фашистов превратимся!

– Сперва так... – Дядя Саша отхаркнулся не хуже гоблина, – а потом в придаток такого государства превратимся. Аппендикс. Будем воевать за чужие интересы и поставлять рабов на Неметчину!

Разгорелся срач и на несколько минут все присутствующие забыли, из-за чего, собственно, начался спор? В ход пошла идеология, немцы под Москвой, и коронное:

– Сталина на вас нет!

– Ну так чего? – влезая в паузу, – Контракт закрыт?

– Закрыт, – сухо согласился гик, он же Шелдон Купер, переглянувшись с Бугром и Ольгой Владиславовной, – Задачу

вы выполнили и перевыполнили, и это отнюдь не похвала! В данном случае Совет согласен с вашим решением, но прошу занести в протокол, что в дальнейшем наёмники не должны заниматься творческой отсебятиной, а максимально отыгрывать Букву договора.

– Протестую, – отозвался Малой, – ситуация сейчас меняется стремительно, а предугадать все возможные проблемы мы не сможем. Я – за большую свободу и соблюдение Духа договора.

Секунд десять они с Шелдоном мерялись взглядами и гик, дёрнув щекой, сухо предложил:

– Компромисс. В дальнейшем при найме будем обговаривать такие вещи более подробно, оформляя их соответствующим образом.

– Согласен, – кивнул Малой после еле заметной паузы.

– Следующий вопрос – фактория, – с нескрываемым облегчением сказала Ольга Владиславовна, – Кто желает высказаться?

– Позвольте? – встал тот самый интеллигент, окинув нас неприязненным взглядом.

– Разумеется, Игорь Юрьевич, – кивнула женщина.

– Для начала я хочу сказать, что наёмники...

– Вольный отряд, да! – резко перебил его Анвар, – Есть разница!

– Вольный отряд, – легко согласился мужчина, ничуть не встревоженный воинственным видом кавказца.

«Бог создал людей сильными и слабыми, полковник Кольт уравнил их!»

– Вольный отряд, – повторил интеллигент, – хочет получить в своё распоряжение не только здание Суда, но и фактически ЗАГСа.

– Протестую, – отзываюсь лениво, – нам эта фактория как тот интернет бабке из мема – на хуй не нужен! Монописуально!

– Кто, кроме вас... – начал интеллигент и осёкся, глядя на наши оскалы.

– Повторюсь, – уже не пытаюсь давить лыбу, – монописуально! Есть возможность наладить торговлю с племенами гоблинов – возможно, на какое-то время даже монопольную. Воспользуетесь ли вы этой возможностью или нет, сугубо ваши проблемы.

– Ищите и обрящете, – сказал Славка, пребывающий отныне в ранге моего официального заместителя, – тестирование жителей Опытной не составит никакого труда при грамотном подходе.

– А вот если, – выделяю голосом последнее слово, – вы хотите, чтобы в работе фактории участвовал наш отряд, то нужно учесть не только ваши, но и наши интересы! Мотаться за «спасибо», улаживая ваши проблемы, мы не будем.

– Зарплата... – начал интеллигент, решительно колыхнув обвислыми щёчками.

– Хуята! – перебил его Дядя Саша, – Ты, Юрич, как

им бухгалтерию рассчитывать будешь? По тарифной сетке? Мне, может, тоже не слишком нравится ихнее шкурничество, но парни в своё праве. Они свою позицию обозначили, с неё и говорят.

– Дядя Саша верно сказал, – поправив солнечные очки на пол лица, соглашаюсь я, – сидеть на окладе, продав свои жопы за пять копеек, нам банально не выгодно.

– Премии... – сказал кто-то из толпы.

– А как рассчитывать премии?! – поворачиваюсь туда, – От чего плясать?! До апокалипсиса всё плюс-минус от доллара было, от покупательной способности. А сейчас? От патронов? Чистой воды? Чего?

– Мы разве что-то запредельное просим? – подхватил Славка, – Обычный процент от прибыли! Да, вход в локацию на вашей территории, поэтому основной выхлоп от него должен идти Опытной! Но договор и дружба с народом гоблинов – у нас, а не у Опытной, и мы хотим получать за это преференции.

– И жопы рвать, решая возможные ВАШИ проблемы в локации – тоже нам, – подал голос Илья, – Вот и считайте. Оклад, бля...

Опять разгорелся срачь с участием болельщиков. Минут через двадцать сошлись на том, что принципиально Члены Совета, представляющие интересы жителей Опытной, согласны с решением предоставить нам процент от прибыли.

С этим решение согласились все, включая охранников и

зрителей, что не помешало отдельным горлопанам назвать нас шкурниками. Отгавкивались в основном Славка с Илюхой, который сегодня прям в ударе, я в перебрех не вступал, избрав позицию Слона, не обращающего внимания на Мо-сек.

– Но! – Дядя Саша жестом библейского пророка воздел к небу жёлтый от табака палец, привлекая всеобщее внимание, – Прóценты будем считать, как полагается, с учётом вашей работы! Делаете что-то, как полагается, так и зась вам от нас со всем уважением! А отпуск решили взять или нако-срезали от души, так в минус!

– Резонно, – соглашаюсь с ним после переглядок с ребятами, – В свою очередь, требуем учесть форс-мажоры и непреодолимые обстоятельства, а также невыполнение Опытной своих обязательств. Как то не поставка оружия, медикаментов, неуважительное обращение с деловыми партнёрами в нашем лице и в лице наших союзников и друзей, и прочее.

– Ебать деловые, – прозвучало завистливое из толпы, – я может тоже так хочу!

– Вперёд, мой друг, и с песней! – насмешливо ответил Илья, – Впереди нас ждёт много неизведанного, и у тебя все шансы оказаться на острие атаки и на страницах учебников Истории!

Послышались смешки и пожелания разной степени благо-сти и скабрёзности неизвестному мне завистнику. По-види-мому, тип этот не из тех, кто пользуется большим уважением

соплеменников.

– Всё порешали? – нетерпеливо спросил Бугор.

– Почти, – сердце начинает биться с утроенной скоростью, я снимаю очки и привстаю с бревна, – осталось обговорить маленький такой нюанс по поводу нашего общего будущего.

Илья, знающий примерно сценарий, достал телефон и начал снимать видосик для будущего ролика, не отвлекаясь на разговоры. Потому уже придумаем ему яркие афористичные фразы и наложим поверх видео, а если понадобится, то и субтитры на нескольких языках.

– Та-ак... – тянет Дядя Саша и побряхтев артритно, тоже встал с бревна и подошёл ко мне, – ты что, паря, помолодел? То-то я гляжу – росточком меньше стал, но думал, показалось! А тут вот как! И уши?!

– Эльф, бя! – выдохнул восторженно Малой, махнув снайперкой, как тамбурмажор своим жезлом, – Нет, ну охуеть!

– Кендер полукровка, – отвечаю как можно более кратко, – Наследие Крови проснулось.

– А-а... – он сел назад, глядя на меня без бывшего восторга. Ну, кендер... подумаешь, звезда по имени Пизда!

– Та-ак... а вы? – Дядя Саша повернулся к парням, не реагируя на шум, поднявшийся в окружившей нас толпе.

– Оборотень, – застенчиво признался Анвар, шаркнув ножкой.

– Еба-ать... – подавилась папиросой дама в бигудях, про-

бывшаяся почти вплотную к Совету. Шаг назад...

... и она, визжа на одной ноте, начала отступать назад, выбиваясь локтями в толпу.

– Смотри, паря! – построжел лицом Бугор, как бы невзначай положив руку на автомат, – Если кровушки человеческой в полнолуние захочется, мы тебя разом угандошим!

– Не захочется, – вмешиваюсь в разговор, – кровожадности у него никакой, не считая тяги к мясу с кровью. Обычному мясу!

– Класс! – выдохнул какой-то прыщавый пиздюк лет тринадцати, невесть каким образом ввинтившийся в первые ряды, – Слушай, Анварчик! А покусай меня! Я тоже хочу быть большим, волосатым, выть на луну и нравиться женщинам!

– Я те, бля, покусаю, сучёнышь... – сквозь ряды самым решительным видом начала пробиваться алкогольного вида мамаша с бланшем под глазом и явственным недостатком зубов.

– Вот тля! – ругнулся кто-то над ухом, – Всю жизнь бухала, и хоть бы хуй! Зомби, хуёмби...

– И не говори, Серёг! – согласился с соседом подтянутого вида мужик в спортивной майке-алкоголичке, – Они её, походу, за свою принимали! Мозговой активности нет, а запах иногда как бы не похуже. Сколько раз её обоссаной в луже рыгодины видел, даже вспоминать не хочу!

– Ур-роды! – мамаша, бухая уже с утра, развернулась в полной готовности к скандалу, – Чтоб вам, пидарам...

Разгорелся безобразный скандал с переходом на личности, пока мамашу не вытолкали наконец за пределы школьного двора. Но она и оттуда не унималась, вываливая в пространство корявый мат и ненависть к миру.

– ... у меня душа болит! – хрипло орала она, надрывая связки, – Душа! Вам, уродам, этого не понять! Пидары гнойные! Твари!

– Не хочется, говоришь, кровушки? – продолжил Дядя Саша, но народ вокруг всё ещё под впечатлением от выходки синячки, и чуть не половина разговоров велась на тему лишения её родительских и гражданских прав, а не о кавказских оборотнях в Средней Полосе, их способах размножения и кулинарных предпочтениях.

– ... пиздюка к себе возьму! – разорвался какой-то работяга, – А чо?! Нормальный пацан, только что шустрый не в меру. Ничо, в гараже такому самое место! Сперва подай-принеси, а там и инстру́мент доверим.

– ... я давно говорила, что нужно что-то делать с избирательной системой! Всю жизнь бухает, и даже Конец Света мозги на место не вставил, а мы всё туда же, носимся с ними «Нам важен каждый голос!» А нужен ли?!

– Правильно! Давно пора ввести нормальную карточную систему, как при Сталине! – зашумел молодой парень, вряд ли заставший даже позднего Эльцина, – Чтоб для стахановцев – усиленные пайки, а для всяких иждивенцев и лишенцами – корочки сухие!

– Это что, бля... – к парню начал пробиваться пожилой инвалид с тростью, невесть как переживший Зомби-апокалипсис, – ты меня в иждивенцы записал, сукин ты сын?! Корочку сухую?! А залупу себе на воротник...

– Только мяса с кровью, Дядь Саша, – надрывая голос, ответил кавказец и...

... вопрос оборотней съехал на салазках алкогольной машины и вопроса лишения её родительских прав.

К моменту, когда народ окончательно прожевал Сталинские пайки, острота вопроса исчезла. Народ по-прежнему помнит, что Анвар оборотень, но... вот он, спокойно рассказывает членам Совета особенности бытия на четырёх ногах и ни на кого не собирается набрасываться. Ни в двуногом...

... ни в четвероногом обличии.

– В если что, – озвучил мысли большинства грузный дядька с глазами бывалого вояки и похлопал по прикладу, – укорот быстро дадим!

– Ну а вы, молодой человек? – отстав от Анвара, поинтересовался у Ильи член в жилетке, – Какая теперь у вас раса?

– Я? – удивился тот, не прекращая снимать, – Вы что думаете, это вот так вот все теперь расу сменяют? Человек.

– Просто человек? – не отстаёт член.

– Ну... не просто, баффнуть могу, – пожал плечами парень, продолжая снимать.

– Как именно? – заинтересовался Малой, подходя поближе.

– Священник, – нехотя отозвался Илья, – от РПЦ.

– Ого, – присвистнул кто-то, – батюшка свой будет!

– Да не ого, – сморщился Илья, – и не от той РПЦ! Русская

Пастафарианская Церковь Макаронного Пастриархата.

– Это как тебя угораздило? – удивился Бугор, построжав лицом. Как многие уголовники, он очень религиозен и серьёзно относится к Вере.

– Так... – дёрнул плечом парень, продолжая упорно смотреть в телефон, – у меня родители воцерковлённые и меня с самого детства туда же. Хочу, не хочу... Заебали!

Он с силой рубанул себя по горлу, и я на миг увидел его бешеные глаза.

«Эге... – подумалось мне, – там родители, походу, не просто воцерковлённые, а изуверы какие-то! Ну или ебанаты»

– В универ когда поступал, специально в другой город поступил. А там, – он усмехнулся, – шутки ради стал пастафарианином и принял сан в РПЦ, так вот... Формальностей не много, кто ж знал...

– Срань Господня... – с чувством сказал Дядя Саша и захохотал. Смех разрядил обстановку, но как я заметил, смеялись несколько нервно.

– Благослови! – попросил Малой, на что Илюха пробурчал несколько невнятных слов, достал висящий на шее символ Пастафаринства и махнул рукой.

– Блять... – озадаченно сказал благословенный, – работает! Ощущение, как после массажа!

– Полчаса плюс-минус, – пожал плечами Илья, которого эта ситуация не слишком радует, – В локации больше и сильней.

– Ху... – начал было Малой, и на всякий случай осёкся – вспомнил, наверное, что разговаривает со священнослужителем, – Фигня вопрос! Прокачаем!

Приобняв Илью за плечи, он принялся зудеть тому об обоюдной пользе прокачки.

– Ну а ты... – Бугор перевёл взгляд на Славу.

– Рептилоид, – тяжело вздохнул тот, готовясь к неприятным вопросам.

– Да тьфу ты ж блять! – сплюнул тот, – В кои-то веки нормальный пацан, и тот рептилоид! Ну-ка...

– Автоматы уберите, – попросил Слава.

– Слышали? – надавил на людей Бугор, – Кто стрельнет, тот лучше сам себе стрелялку в жопу запихнёт! Ну!

Обернулся Славка без особых спецэффектов. Миг, и на асфальте лежит огромная змеюка, свернувшись кольцом.

– Еба-ать... – восхищённо протянул Дядя Саша, шаря по карманам, – Народ! Рулетка у кого есть?! Я свою, походу, в другом пинджеке оставил!

Нашлась строительная рулетка, и минуту спустя торжественно огласили:

– Семь метров двадцать пять сантиметров!

– Ну-ка... – Дядя Саша наклонился к змеиной башке, – а зубки? А зубки у нас ядовитые... при таком-то размерчике?

Хера се...

Покрасовавшись перед мобильниками, Славка замерцал и...

– Не понял, – озадаченно сказал он, оглядывая змеиный хвост, растущий из человеческого торса. Напрягшись, он снова стал человеком и выдохнул облегчённо:

– Промежуточная форма!

– Ебать... – севшим голосом сказал Дядя Саша, доставая свои вонючие сигареты, – это что ж у нас за зоопарк собирается? Я так понимаю, вы у нас первые ласточки, так?

Пожимаю плечами, потому как... ну что тут скажешь?

– Человек – один из четверых, – продолжил пожилой работяга, яростно затягиваясь, – и тот баффер! Дожили!

До самого вечера обустроивались в здании ЗАГСа. На первом этаже расположились представительства (то бишь кабинеты под них), торговые ряды и охрана, а второй начали обживать мы. Хотя «второй» это громко сказано, по факту мы заняли правое крыло, обустроиваясь в бывших чиновничьих кабинетах.

– Дизайн... – пыхтел Илья, перетаскивая наверх бутылки с питьевой водой для кулера, – дорохо-бохато! Воробнам глазки от такой безвкусицы повышибало бы!

– А по мне так нормально, – пожимаю безразлично плечами, – чего ещё ты хотел от ЗАГСа? Пафос, мрамор, лепнина, зеркала и позолота – самое оно для ощущения Праздника.

– Вкус у тебя, Товарищ Вова... – он со стуком поставил бутылки на ковровую дорожку и повернулся, глядя на меня с нескрываемой ехидцей, – цыган в роду не было? Короче... сейчас малость обустройстваемся, и вы что хотите делайте, а я дизайном займусь.

– Простеньким, конечно, – добавил он задумчиво, уже пребывая в творческом поиске, – заниматься переделками всерьёз глупо, мы здесь, скорее всего, временщики.

– Ну-ну, дизайнер... – бурчу, просто чтобы оставить за собой последнее слово.

Обустроились мы накрепко – так, чтобы при необходимости сесть в долговременную осаду, отражая хоть диверсантов Педералиссимуса, хоть набег огров из глубин Локации Дружественных Пикси. Годовые запасы бутилированной воды, провизия, дровяная «буржуйка» с запасом угля и дров, газовая печь с запасом баллонов, кровати с матрасами, патроны и гранаты, снаряжение и ещё сотни мелочей.

Дядя Саша отчаянно торгуется, пытаюсь выцыганить у нас трофейное оружие и доспехи за бесценок, но Анвар, натренированный южными рынками и родичами-торговцами, не сдаётся. Он лев, он прав, он Король Рынка и Царь Торговцев!

– ... вот зачем?! Зачем, ты мне скажи! – Дядя Саша трясёт латной перчаткой, не выпуская, впрочем, её из натруженных рук, ибо весч! Даже если не учитывать качество работы, металл на перчатку пошёл о-очень дорогой.

Пробегая мимо, подмигиваю кавказцу, украдкой выстав-

ляя большой палец, отчего тот расцветает и торговля переходит на новый уровень – эпический. Получив должность штатного интенданта, Анвар, кажется, оказался полностью на своём месте!

Я в торги не лезу, занимаясь инвентаризацией и руководя прикомандированными грузчиками и строителями. Работают мужики, свято исповедуя армейский принцип – всё, что может быть неправильно истолковано, будет истолковано неправильно!

Меня уже так корёжит от сдерживаемого мата, что Славка не смешно пошутил про экзорциста и сам же посмеялся, но сцука... нельзя!

Помню прекрасно, как выбешивала эта начальственная манера говорить с рабочими «народным языком». Как начнут хуесосить... и ладно бы по делу! Сперва сам, дятел с купленным дипломом, не объяснил и не обеспечил, а потом рожай ему результат!

Не хочу подражать мудакам, которых ненавижу даже после Конца света, и веду себя подчёркнуто корректно, обращаясь к работягам на «Вы». Мужики не слишком даже тупят, просто ситуация и в самом деле нетривиальна.

Приспособить здание ЗАГСа к новым реалиям, сохранив при этом хотя бы отчасти парадную помпезность на случай возможного приёма – задача не из самых простых. Я бы, честно говоря, тупил не меньше!

– ... не, ну Товарищ Вова, надо по-людски объяснять, а

не через жопу! – работяга смотрит с видом оскорблённой невинности, а меня аж потрянуло. Говорил, не тупят? «Народным языком» обещал себе не пользоваться? Поторопился...

– Да ёб вашу мать... – начинаю я, зверея и тщетно стараясь удержать характер в узде, – право с лево перепутать?! Как, мать вашу, можно было понять неправильно, да ещё и расхуячить аппаратуру об угол? Вам что, места развернуться не хватило? Коридоры в ЗАГСе слишком узкие или, мать вашу, руки у кого-то кривые, под стать мозгам?!

... и дальше меня понесло на волнах обсценной лексики так, будто я защищаю по этой теме кандидатскую и сейчас выступаю перед взыскательными филологами из диссертационного совета.

«Так, так... замечательно, молодой человек! – кивают седовласые учёные мужи в моей больной голове, обмениваясь записочками и негромкими фразами, – А теперь, если вас не затруднит, несколько слов из тюремного лексикона»

– ... лично тебе, мудаку жопоголовому, вкусовые сосочки в анус пересажу! Будешь срать, наслаждаясь каждой секундой, проведённой в кабинете задумчивости!

– Всё, всё... хватит, командыр! – не без труда успокоил меня Анвар, прибежавший на шум с первого этажа. Его рука на моём плече чуть напряжена, готова в любой момент вцепиться, остановить...

– А вы чего? – не отпуская меня, выверился он на представителей рода головожопых, – Это ж как надо довести че-

ловека...

– ... я, Артур Степнов! – выкатив глаза, орал предводитель макакусов головожопусов, осторожно надрывая майку на могучей волосатой груди, – Я не позволю...

В драку, впрочем, он не лез, благоразумно остановившись на стадии выпученных глаз и брызганья слюной. Габариты у него внушительные, но и мы ни разу не гражданские!

– Ты, бля... – выверился Анвар, перейдя в частичный оборот, – В Военном Гарадкэ командыр эдынствэнный матом нэ разгаваривал! Голоса нэ разу нэ повысыл! А вы эго за пять минут давэли!

– Пошли вон! – коротко скомандовал своим опездолам поднявшийся наверх Дядя Саша, и приматы удалились, обиженно (но не слишком громко) бурча что-то нелицеприятное в мой адрес.

«Ну реально приматы! – вылезает непрошенная мысль, – не работяги, а стая бабуинов! Сколько работаю, раза три с такими дебилоидами сталкивался, а тут – целая бригада!»

– Наша недоработка, – нехотя признал работяга, облизывая сухие губы и шумно вздыхая, – Спортсмен, чемпион... а туда же! Говорили нам люди, что человек – говно, но думали, из зависти к успешному спортсмену.

Он махнул рукой и закончил так, будто это что-то объясняло...

– В Партии человек состоял, при молодёжной политике кормился.

... а впрочем, действительно объясняло.

– Что за шум? – подошёл Славка, занимающийся электрикой и электроникой в ЗАГСе – от установки генератора, до сигнализации и видеонаблюдения.

– А... – я махнул было рукой, не желая отвечать, но не удержался и выговорился, старательно вымарывая из речи лишнее, вроде неопределённого артикля «Бля». Не из вежливости, а потому, что разархивировался ещё один кусочек моего виртуального альтер-эго и «вспомнилось», что я...

... малефик со специализацией на проклятиях. Вкусные сосочки в анус, это конечно сильно вряд ли, но несколько неприятных минут я ему обеспечил!

– Что замер, Товарищ Вова? – толкнул меня в бок Анвар. Он человек отходчивый и вопреки стереотипам о кавказцах, игривый и дружелюбный, как щенок лабрадора. Характера своего он страшно стесняется и перед незнакомыми строит из себя «классического» горца. Рядом со мной его пока глючит во все стороны.

– Да вот... распаковалось, – поделился с парнями (а заодно и с Дядей Сашей, мелко захихикавшем после этого известия) – Я, оказывается, проклятолог... или как там правильно?

– Не знаю, – озадачился кавказец, переглядываясь со Славкой. Рептилоид меланхолично пожал плечами, его больше волнует проблема электричества, и как оно, собственно, всё ещё течёт из розеток?!

Аварий на электросетях за минувшие дни случилось предостаточно, в том числе и рукотворных. Всякие отметились... начиная от доморощенных диверсантов, работающих на «Князей всея микрорайона», заканчивая адептами апокалиптических сект, упоённо разрушающих городскую инфраструктуру.

А электричество – есть! Понятно, что это игровой момент, но Славка почти уверен, что это прописано не просто волею программистов, а опирается на некие физические законы, и если их понять, то мы станем чуть-чуть сильнее...

Без особого интереса послушав рассуждения Славки по поводу физических законов, Дядя Саша покурил с нами, и удалился вниз.

– ... язык в жопу, – расслышал я тихое бормотанье и старческое хихиканье, – всех долбоёбов на перевоспитание...

– Нет! – ору, перегнувшись вниз, искренне напуганный перспективой работать Макаренкой¹⁸, – Не надо мне долбоёбов на перевоспитание, Дядя Саша! Я ж ведь тогда брызгами и тебя зацеплю! Даже не специально!

– Не надо, говоришь? – хитрая физиономия, изрезанная морщинками, выглянула из лестничного пролёта, – А если по договорённости, в воспитательных целях?

– Ну... – задумываюсь на миг, – хер с тобой! В воспитательных можно!

– Договорились! Хе-хе...

¹⁸ Антон Семёнович Макаренко, известный советский педагог.

Ночью я проснулся от головной боли и некоторое время лежал в надежде, что оно само рассосётся и не придётся вставать. Не рассосалось.

Включив ночник, некоторое время собираюсь с силами, разрываясь между сонливостью и нежеланием вставать, и головной болью.

– Эхе-хе... – сев на кровати, нашариваю ногами тапочки, без особого восторга оглядывая интерьер кабинета, наспех превращённого в спальню. Если бы не потуги Ильи, было бы намного хуже... наверное.

– А... да, трусы! – сплю я голым, и хотя не думаю, что так уж сильно шокирую мужиков видом гениталий, трести музями в коридоре как-то не тянет.

– Х-ха... – отмечаю машинально, что трусы чуть не забыл, а вот ружьё я нашарил раньше, чем вдел ноги в тапки!

Выйдя в коридор, поёжился от явственного ощущения, что на меня кто-то смотрит, и вот-вот выглянут из кабинета начальственные рожи и заорут что-то вроде...

«Охрана! Это что за придурок в трусах и с оружием?! Звоните в полицию!»

... а на шум подтянулся посетители, которые будут показывать на меня пальцами. Старый, хорошо знакомый кошмар, в котором я оказываюсь в людном месте в трусах, а то и голышом.

– Бля... – нервно оглядываюсь по сторонам, перехватывая

поудобней ружьё, – привидится же!

«А хотя... чёрт с ним, с тыканьем пальцами! Всё бы отдал за то, чтобы выглянула из кабинета морда, которую в три дня не обосрать, и начала тыкать в меня пальцем, зовя охрану и полицию! Лучше уж „Белочка“ и пару недель в дурке, чем весь этот inferнальный пиздец!»

В медкабинете пока лютейший бардак, так что аппарат для измерения давления нашёл не сразу. Обмотав не самый мощный бицепс резиновой манжетой, нажал на кнопку и принялся ждать результат, зевая с подвыванием.

– Сто семьдесят на сто двадцать? Однако... – озадачился я изрядно, и уже думал было звонить дежурному медику за консультацией, но вовремя вспомнил, что с некоторых пор я не человек. Попытавшись обратиться к памяти кендера-полукровки, я вспомнил, что кофе мы пили часто и помногу, в том числе и при головной боли.

Передислоцировавшись на кухню, не без сомнения подошёл к кофейному автомату, сверился с инструкцией и начал нажимать нужные кнопки. А пока кофе варится, подошёл к окну и раздвинул жалюзи. Увиденное не привело меня в восторг.

– С-сука... – за окном разливается Северное Сияние, и сердце на миг остановилось, томимое самыми дурными предчувствиями.

«Обновление Системы» – мелькнуло в больной голове, но увлекаться рассуждениями я не стал. Осторожно попивая

кофе и чувствуя, как отступает головная боль, гляжу на Сияние за окном, пребывая в некоем подобии ступора.

– Тоже не спится? – буквально заполз на кухню Славка, пребывая в обличи полузмея.

– Голова разболелась. Вот, кофием отпаиваюсь и на пейзаж за окном люблюсь.

– А... – вяло отозвался рептилоид, открывая дверцу двухстворчатого холодильника – одного из двух, стоящих на кухне. И не то чтобы прям надо... просто бытовая техника сейчас стоит ровно столько, сколько потребуют за свои услуги грузчики и водитель на грузотакси.

А по магазинам – полным-полно всяких вкусностей с истекающим сроком хранения... Ну и как тут удержаться? Да, «желудки»... и?

Месяц ещё назад проходил мимо той же кондитерской, и облизывался, потому что – дорого! Нет, так-то денег хватило бы – зарплата по российским меркам приличная, не женат, детей нет, за ипотеку не плачу. Просто если б я хоть иногда заглядывал в такие заведения, да одевался чуть получше и выгуливал девушек по ресторанам, а не на фуд-корте в «Ривьере», то откладывать в «подушку безопасности» было бы совершенно нечего!

– А я жрать захотел, – голос Славки из недр холодильника прозвучал глухо и причавкиванием, – вот и проснулся.

– Такой туше жрать надо, как не в себя, – соглашаюсь с позевотой, – мне тоже бутербродик сооруди...

– Какой туше? – не понял он, – А... да, очень похоже на то.

– Жрёте? – тоном обвинителя сказал Илья, показавшись в проёме кухни, закутанный в покрывало, и тоже – с ружьём.

– Садись, – отозвался Славка, – кофе будешь?

– Всё буду! – выдохнул баффер и пожаловался, усаживаясь за стол и подтягивая под себя босые ноги, – Я никак после армейки отойти не могу! Не сказать, что прям голодный ходил, а в башке что-то странное – в любое время жрать готов!

Анвар подтянулся минуты через две, и пожелав всем доброго утра, уселся за стол.

– Какое утро? – возмутился Илья, но кавказец молча ткнул тому под нос руку с часами, – А-а... да, почти четыре часа, можно уже и не ложиться. Тоже из-за лазерного шоу за окном проснулся?

– Не знаю, – пожал плечами Анвар, вгрызаясь в бутерброд, – а вот когда за окно глянул – сразу понял, что не усну.

– Говнятина какая-нибудь будет, – согласился с ним баффер, сонно медитируя над пирожным.

– Точно, – согласился кавказец, – говнятина!

Раз уж встал, решил с утра навести порядок в личных вещах. Вроде и немного времени прошло, а как-то незаметно оброс вещами. Собственное барахло – скорее памятное, нежели нужное. Амуниция от «тащ генерала». Выторгованное у Совета Опытной добро.

– Однако, – я искренне удивился своему старенькому рюкзаку, с которым спускался ещё из окна Натахиной комнатушки, – думал, в Военном Городке оставил, а тут нате...

Любопытства ради вытряхнул всё на пол, пробегая глазами. Всё цело... Всё, как при бегстве.

Начатая пачка диетических картонных хлебцев, пять протеиновых батончиков, три батончика мяслишных, «баунти» и «сникерс», банка сайры в масле, банка икры минтая (не самого лучшего производителя), упаковка сухарей с изюмом и маком, упаковка маленьких сушек с маком.

Две бутылки воды – литровая без газа и полуторка с газом, банка энергетика...

«Я вроде выпил его... не?»

... а ещё чипсы в картонной тубе, несколько упаковок жвачки, лекарства, трусы-носки-майки, ну и всякое мыльно-рыльное, включая небольшое полотенце.

Пока я медитировал с уборкой, успело рассвети и на улице зазвучали голоса.

– И-и... начали! – послышался голос Ильи, – Маэстро, музыку!

Заиграла знакомая минусовка, и...

– Здравствуй небо в облаках, – послышался бархатный Славкин баритон. Поёт он, кстати, здорово: в финалисты «Голоса» вряд ли прошёл бы, но отборочный тур – на раз!

– Нэбо в облаках... – с небольшим отставанием вторит Анвар.

– Здравствуй юность в сапогах!

– Юнаст в сапогах...

– Пропади моя тоска, вот он я привет войска!

– Что там устроили? Смотр строевой песни?! – я высунулся из окна...

... и чуть не свалился на асфальт!

– Ебать... – вбиваю ноги в кроссовки и подхватываю оружие, вылетая из комнат, – я должен это видеть вблизи!

– А?! – пхнул меня в бок Дядя Саша, пребывающий в полном восторге, – Орлы!

«Орлы» тем временем старательно топают под окнами здания, распевая так старательно и самозабвенно, как это только возможно. Вот только...

... Анвар пребывает в своей волчьей форме, а Славка...

... в змеиной.

Вид кавказца, старательно чеканящего шаг на четырёх лапах, заставил меня согнуться пополам, а когда я увидел змеиную морду Славки, старательно выводящего...

«Непросто быть собой, когда шагает строй»

... и ползущего по асфальту в такт песне, я просто не удержался на ногах.

– Стоп! Снято! – счастливым голосом сказал Илья, и обращаясь к аудитории Ютуба, – добавил, – А это наш командир, Товарищ Вова! Скажите что-нибудь для публики, Товарищ Вова!

– Бля... – простонал я, – Илюха, скотина... вырежи это

немедленно!

– И... – пальцы баффера замелькали со скоростью, доступной только матёрому геймеру, – видео с историческими словами Товарища Вовы ушло на Ютуб!

Девятая глава

Во сне я обосрался. Добротно так, детально, со всеми полагающимися ощущениями и запахами, с совершенно потрясающей визуализацией, какой и в жизни-то не часто бывает. Хотя чего это я... в жизни во время похода в сортир или в кустики, стараешься максимально абстрагироваться от происходящего, и уж точно – не запоминать детали своих покакулек!

Проснувшись, не сразу различая сон и явь, с тоской подумал о необходимости тащить бельё к стиральной машинке, соблюдая все правила конспирации и придумывая оправдания на тот неизбежный почти что случай, когда попадусь на глаза парням.

«Наследие, с-сука, проснулось не вовремя! – щеря зубы, объяснял я парням, держа на отлёте пахучий узел комканого постельного белья, – Организм перестраивается ударными темпами, добежать не успел. Ждите... скоро и у вас нечаянные радости будут!»

Оправдания в полусне получались неубедительными, а сам я выходил жалким обосранцем. Парни кивали на серьёзных щах, переглядывались с ухмылками и неслись делиться моей конфузией со всем миром, и возможно даже – посредством Ютуба.

Приподнявшись на кровати в полной уверенности, что

увиджу загаженное бельё...

... я только теперь понял, что это, сцука, был сон! А потом до меня донёлся запах...

Тяжёлый, въедливый, он медленно поднимался снизу и намертво ввинчивался в нутро, ложась на альвеолы лёгких разбитыми чугунными батареями с вытекающей коричневой жижицей.

– ... разгрузай! – слышалось за окном, и что-то тяжёлое упало на асфальт.

– Та-ак... – полный самых дурных предчувствий, подскакиваю к окну, вглядываюсь пристально, и тут же распахиваю его во всю ширь, преисполненный праведным негодованием.

– Вы что...

– ... вашу мать, – продублировал меня полный ярости голос старшего смены, дежурящего при ЗАГСе, – совсем охуели?

– ... прозекторскую устроить здесь решили!?! – вспоминая гадский сон и понимая его виновников, завожусь вполоборота. У меня, может, моральная травма теперь! – Я вас, блядей...

Запрыгнув в трусы, подхватываю ружьё с патронташем и ссыпаюсь вниз по лестнице, сигая через ступеньки как был, босиком.

– А чо такого? – пуча глаза, отгавкивался внизу Валера – то ли не понимая, то ли, что вернее, включив дурака и пытаюсь съехать с темы, – Мертвяков всё равно гоблам на декок-

ты, а так время...

– Ты, блять, для экономии времени картоху сырую жрать не пробовал? – голос старшего смены дрожит от сдерживаемого бешенства, – С грядки? Чтоб как свинья, хлебальником её из грязи выкапывать?!

– Не, ну ты фильтруй базар! – неубедительно возмутился Валера, оборачиваясь к напарнику, такому же заспиртованному пролетарию неопределённого возраста, – Так, Сань?!

Долговязый дрищеватый Саня пытается не дышать, с большим талантом притворяясь ветошью. Поймав мой взгляд, он отыграл ветошь ещё убедительней, на «Оскар». Редкозубая нижняя челюсть Сани выбила стакатто, а желтушные белки глаз с обильными красными прожилками предобморочно закатились к густым лохматым бровям.

«Тьфу ты... чмошник!» – сплюнув сперва мысленно, а потом на асфальт, оставил пролетариат в покое.

– Не в курсах был, братан! – спешно выскочив из машины и нервно вытирая плечом потное лицо, развёл худыми руками немолодой лысоватый водитель грузовой «Газели», – Подогнал куда надо и пострать отошёл – на клапана надавило так, что в голове никаких мыслей не осталось!

– Бля буду... – выдохнул он, блеснув золотыми зубами и обведя руками настрелянную за ночь по району кучку мертвяков, – сроду бы такую хуйню не придумал!

Нехотя киваю... водятел не то чтобы светочь интеллекта, но дурной инициативности за ним сроду не наблюдалось.

Обычный водитель-ИПшник, лет этак двадцать назад правдами и неправдами наскрёбший на «Газель» и с тех самых пор честно кормящийся с баранки.

– ... мясные ряды, блять, устроил! – не унимается Палыч с подгавкивающими подчинёнными, – Убрал нахуй!

– ... сука, блять... – он харкнул на асфальт, провожая взглядом удаляющуюся «Газель», – зла не хватает!

Вонь от мясных рядов с дичиной из зомбятины ослабла, но всё ещё явственно витает у ЗАГСа, и насколько я понимаю...

– Слав! – задираю голову к высунувшемуся из окна сонному и злому рептилоиду, – Завтрак и тренировка сегодня в Локации! Давай, буди парней, пусть собираются!

– Эх, бля... – завистливо вздохнул один из охранников, потный уже с утра, – нам бы так! Скоро это... давление магическое сравняется, не в курсах?

– Н-ну... – охранник понятиливо поделился сигаретой и дал огоньку, – думаю, разница всё-таки останется, будет примерно как высокогорье и низменность – только по наличию магии, а не кислорода.

– Это-то понятно, – кивнул Палыч, с тоской иудейской глядя на въевшееся в асфальт вонючее трупное пятно, отмывать которое (к гадалке не ходи!), придётся ему с подчинёнными, – а экскурсии? Чтоб не только сталкерам, а вообще?

– Если Шелдону верить, плюс-минус две недели.

– А вообще? – один из охранников неопределённо пома-

хал рукой с сигаретой, – В курсах, что одним нормально, а другим аж пробки в башке вышибает?

– Ну... так-то да, – пожимаю плечами, – но учтите, это пока версия!

– Давай! – закивал Палыч, сверкая потной лысиной, – Хоть какая версия, а то заебался думки думать! В башке засело – что там, да как... Тут же, блять, не просто любопытство, а сама жизнь может зависеть!

– Магия... да не, пацаны, без подъёбок! – а то очень уж глаза у охраны выразительные... – Анвар со Славкой – магические существа, Илья – жрец и баффер.

– А ты... – Палыч заинтересованно подался вперёд.

– Малефик, – отвечаю несколько удивлённо, – Дядя Саша вам не говорил? А-а... воспитание через жопу, ясно...

– Это вообще что? – осторожно спросил охранник, – А то помню, что читал что-то, а что... хоть убей!

– Лично у меня – проклятья, – развожу руками, и Палыч, помедлив секунду, начинает ржать.

– То есть... все твои пожелания этому дебилу... – здесь уже въехали в тему и подчинённые, загоготав совершенно неприлично.

– Не буквально, – улыбаюсь пакостно, – но денёк у него будет весёлый!

– Ой, бля... – отсмеявшись, старший смены вытер слёзы, – Слушай, я чёт не понял... ты кендер, так? Ваши вроде как вообще колдовать не могут?

– Полукровка. На четверть хоббит, почти на четверть человек и самую малость тёмный эльф. А как там что перепуталось, сам пока толком не разобрался.

– Круто, – кивнул Палыч, но видно, что он уже немножечко не здесь, а в мыслях, – а эти проклятия, ты ими вообще как... в хозяйстве могёшь?

– А-а, понял... не знаю пока, – пожимаю плечами, – если только всяких там Валер воспитывать! Я ещё и техномаг до кучи, но тоже не так чтобы сильно крутой. Мелочёвка. Технику лучше чувствую – пока только так. Ну и а дальше, если Ютубу верить, на моём уровне это примерно... не знаю даже. Чайник чуть быстрее закипит, розетки искрить перестают, ну и такое всё.

– Хуя себе мелочи... Наследие? – завистливо протянул молодой охранник, переглядываясь с напарником.

– Не факт, – в очередной раз пожимаю плечами, – Могли какие-то бонусы от Системы прилететь. Я в первый день делов натворил, что тот викинг под мухоморами, да и потом на жопе ни разу не сидел. Не чтобы не хотелось... получилось так, экстремально.

– Наверное, – согласился Палыч с тем особым ветеранским видом, что и ежу стало понятно: старшой и сам нехило так отметился в День X, и теперь размышляет: что же прилетит от Системы лично ему? – А что там с Наследием? Сны, они как? Считаются?

– Сны, обострённое обоняние или осязание, – перечисляю

симптомы, – немного изменившаяся внешность, вкусы к какой-то еде и напиткам.

– Сны, значит... – медленно сказал старшóй, глядя себя по лысине, – учтём, спасибо!

– А что, Шелдон с учениками ничего не говорят? – резонно интересуюсь у мужиков, стоя босыми ногами на тёплом асфальте.

– Хуй там! – криво усмехнулся молодой.

– Это всего лишь версии, спекулировать которыми я считаю неэтичным! – очень похоже передразнил он гика.

– Ладно, парни...

– Погодь! – остановил меня старшóй, – Если не секрет, что обломилось-то? Помимо магии?

– Всякого... – отвечаю обтекаемо, но так, чтобы искренность из всех пор сочилась, – хоббит и эльф – меткость повысилась, кендер – ловкость и...

– ... клептомания, ёб её! – вздыхаю совершенно искренне.

– Ебать ты влетел! – посочувствовал молодой, чувствуя себя не таким уж неудачником. По нынешним временам судопроизводство ускоренное и ни хера не гуманное, так что особенность и правда так себе, – И чо, жёстко плющит?

– Ну... – корчу гримаску, и охранник успокаивается. Я прямо-таки читаю его мысли...

Ну да, магии у него нет... пока! Но зато он правильный пацан, а не хуй пойми кто! Клептомания, ёпта!

– Не погода, а непойми что, – бурчит Илья, подтягивая лямки рюкзака, – шести утра нет, а уже, блять, плаваю в собственном поту!

– По всему шарикау так, – флегматично отозвался Славка, не отвлекаясь от планшета, – везде сплошной экватор и жара, включая Арктику с Антарктикой. Непонятно только почему паводков нет.

– Непонятно... – передразнил его жрец, – то есть пространство-время, навернувшиеся после начала Апокалипсиса, тебе понятны, а отсутствие паводков – нет?

– Эффект слипания часовых поясов в один, в своей голове я уже уложил, – флегматично отозвался рептилоид, не отрываясь от планшета, на котором вёл активную переписку, – а паводки пока не уложились. Понимаю, что это явления одного порядка, но всё ж таки они должны опираться на какие-то физические константы.

– Ну еба-ать... – Илья закатил глаза, не прекращая воевать с рюкзаком, – То есть то, что во всё мире озомбачка с покусанием началась перед самым началом рабочего дня, причём везде одновременно, тебе понятно...

– Угу... – флегматично отозвался Славка.

– Что там такого интересного? – Илья наконец заборол рюкзак и притушил керогаз своей воинственностью.

– Поебушки, – кратко отозвался змей, листая указательным пальцем экран.

– Да? – кавказец сделал стойку, вздыбившись всем телом

и заблестев глазами.

– На всех, – кивнул Слава, поняв невысказанный вопрос, и наконец поднял глаза, – Командир, ты как?

– Я... – прислушиваюсь к зову организма, – сугубо положительно! Хотя нет, смотря что за девахи! С малолетками и детными мамашами связываться не хочу. Ну и не так, чтоб пробы негде было ставить.

– Ну... – рептилоид замер на пару секунд, – с этим сложней, но найдём. А малолетки, это для тебя как?

Вопрос не праздный, поскольку после Апокалипсиса идеи «плодиться и размножаться» нашли своих сторонников, и в обществе вонючей бражкой запузырились идеи потенциальных патриархов о воспитании жены «под себя» чуть ли не с пелёнок.

Общество на такое пока что реагирует резко, но вниз сполз не только «возраст согласия», но и возраст официального совершеннолетия. Если уж под ружьё ставят с четырнадцати, притом в некоторых общинах всерьёз, а не как эрзац-ополчение на случай вовсе уж крайнего пиздеца, то и возраст согласия, стало быть, сполз до четырнадцати фактически на автомате.

Общины сошлись в итоге на том, что если человеку доверяют оружие и ставят на боевое дежурство, то он считается взрослым со всеми вытекающими. Притом не только по сексу и прочим «взрослым» возможностям (отчего возрадовались было излишне буйные малолетки), но и по наказаниям,

вплоть до штрафных отрядов и виселицы.

Ну и наоборот... хватает великовозрастных опездолов, считающихся несовершеннолетними. Последнее – совсем уж недавнее нововведение, но воспринятое в обществе, как что-то давным-давно ожидаемое.

– Шестнадцать¹⁹... – задумываюсь я, мысленно прикидывая брачный возраст местных девах и их сексуальную ликвидность, – хотя нет, таких себе оставляйте, вы сами ещё пиздюки. Я не Закона опасаясь, который сейчас ни хуя не работает, а так... у них даже если сиськи-письки уже созрели, то в башке маргарин пока.

– Принято, – отозвался Слава, снова начиная тыкать пальцами в экран, – а мамыши тебе чем не угодили? Такие штучки есть...

Он приподнял голову и похабно причмокнул губами, а Анвар отчаянно закивал, непроизвольно обведя руками нечто контрабасообразное, с параметрами этак в сто двадцать, девяносто, сто двадцать.

– Штучки-то есть, – соглашаюсь с ним, – а растяжки и тому подобное меня не пугает. Просто...

Говорить такое несколько неудобно, но с парнями с стараюсь быть максимально честным.

¹⁹ Моралистам (на всякий случай) напоминаю, что я не ГГ (неглупый, но довольно-таки быдловатый пролетарий), и что в УК РФ возраст согласия наступает с 16 лет. Напоминаю также, что ГГ сам ещё молодой парень, а Анвару, Славе и Илье по 18–20 лет. Напоминаю также, что это мир, полетевший в тартарары, а мораль в таких случаях обычно сильно «упрощается».

– ... к ним же дети прилагаются, понимаешь?

– РСПшки? – блеснул интернет-познаниями Илья, – Брезгуешь?

– Да ну... скажешь тоже! Просто любая нормальная мамаша с ребёнком... нормальная, понимаете? Она в первую очередь делает всё для ребёнка, для его выживания и комфорта. Меня не особо волнует, что он от другого мужчины, хотя... – задумываюсь ненадолго, – это отчасти тоже. Не сильно, но... не буду врать, это тоже.

– Но главное... – обвожу их глазами, – для нас это просто опасно! Здесь и сейчас у нас нет якорей, вообще! Не понарилось, не сошлись характерами – снялись и ушли. Хоть на Тракторный, хоть к пикси в Локацию, хоть вообще в Новосибирск пешком двинули. Постоянная женщина, непривычная и главное – не готовая походной жизни и войне – якорь. А с ребёнком?

– Возможностей для давления и шантажа – море, – согласился, чуть помедлив, Слава, – Как минимум, бабы будут пытаться сделать так, чтоб мы осели именно на Опытной. А выгодно это нам, невыгодно... ей удобно. Ребёнку так лучше. Он мать и имеет право ебать тебе мозг и переделывать под свои хотелки.

– Верно, – соглашаюсь с рептилоидом, – А есть ещё момент трюфеев, которые мы неизбежно начнём выменивать не на то, что нужно нам для выживания, а на то, что нужно ей и ребёнку. Даже если на самом деле просто ЧСВ перед подру-

гами потешить, а не вопрос реального выживания.

– Да-а, – протянул Илья, вдеваясь наконец-то в рюкзак, – пойдём?

– Тебя только и ждали, – отозвался Анвар, и уже повернувшись ко мне... – так что, с женщинами только секас на один раз?

– Ну почему, – накидываю рюкзак на плечи и сам себе напоминаю ослика. Веса... до хуища! Благо, тут идти пару километров, – просто осторожней. А лучше просто с определёнными категориями не связываться. По крайней мере – пока.

– Потом осядем в безопасном месте, – подхватил Слава, бодро спускаясь по лестнице, – и хоть гарем с детским садом себе заводи! А пока Товарищ Вова высказал нам не слишком толерантные, но очень правильные мысли.

– Гондоны, – подытожил Анвар, и вынужденно дополнил, покосившись на Илью, физиономия которого начала расплываться ехидством, – чтоб детей не было!

Несмотря на утро, народ уже тянется к ЗАГСу, чертыхаясь на вонь и поминая добрым словом Валеру.

– ... так говоришь, проклятолог? – заинтересованно переспрашивает у охранника бабка с полной сумкой всевозможного барахла, – Так его, паразита! А то ишь...

– ... а дети, дети?! – прошли две женщины средних лет, тянущие за собой грохочущую на стыках тележку, так что

продолжение «детского вопроса» я не услышал.

Несмотря на тяжёлые рюкзаки, ломающие хребтины, идём быстро, обгоняя бабок, тёток и всевозможных дедков с клетчатыми клеёнчатыми сумками, тележками и рюкзаками. Публика эта ворчливая и бестолковая, правил дорожного движения не понимает напрочь, и не прижимается к правой стороне, а идёт так, как удобно им. Могут остановиться в любой момент посреди коридора, закопавшись в бауле, или вечная и неумирающая классика этого жанра – идти рядышком, ведя задушевные беседы, компанией человек этак в пять.

Раздражает... но странным образом вносит элемент незыблемости. Всё так, как было до Апокалипсиса.

Всё так же пенсионеры тащатся на импровизированный блошинный рынок, выгадывая копейку к пенсии. Ну да, антураж другой... странно видеть людской поток в широком коридоре, освещаемом лампами дневного света, но в общем, ничего необычного.

Даже когда коридор начинает меняться, знаменуя приближение входа в Локацию, ничего принципиально нового!

– Разложились! – пыхтя, воинственная бабка перегавкивается с товарками, протискиваясь с баулами, – Пройти негде!

Найдя свободное местечко, показавшееся ей удачливым, якорится моментально и... тут же следует примеру товаров, которых только что ругала! Барахло из баулов и тележек вы-

кладывается так, чтобы каждая единица товара лежала отдельно, а не навалом, «съедая» добрую половину ширины коридора.

В выцветших бабкиных глазах плещется осознание собственной правоты и...

... Вы не понимаете! Это другое!

Торговля в настоящее время почти что стихийна, упорядочена разве что торговыми местами и налогом с продаж. Сами места бесплатны, ради стимуляции предпринимательской деятельности, как заявлено официально.

На деле же торгоши с Опытной и торгоши Локации принохиваются друг к другу, примеряются с ценами и востребованностью товаров. Как обычно и бывает в новом деле – всё сложно. Свои «стеклянные бусы» нашлись у каждой из сторон, и втюхивание идёт с переменным успехом.

Более-менее ликвидный товар с нашей стороны – части тел мертвяков, из которых гоблы делают разную гадоту как медицинского, так и наркошного характера. Гадота реализуется преимущественно централизованно, но Охотник может скидывать туши мертвяков на руки перекупам или продавать их самостоятельно.

Единственно – есть ограничения санитарно-эпидемиологического характера, так что мертвяков обычно коптят (головы) и заливают спиртом. В «мертвецких» рядах идти неприятно, этакая лавка людоеда.

– А! – издали машет знакомый Охотник, – Товарищ Вова!

– Здоров, Димок, – пожимаю потную руку бывшему менту, поддатому уже с утра, – как сам, как дочка?

– Заебись! – жизнерадостно отвечает тот, щеря редковатые зубы, но потом всё-таки оказывается, что дочка ленивая и не хочет ничего делать. Только сидит и смотрит в записи сериалы и лазает по Интернету...

– ... ни рукопашкой ни хочет, ничем! Я ей говорю – давай хоть натаскаю малёхо, КМБ элементарное пройдем, ни-хуя! Не знаю, что и делать...

Кошусь непроизвольно на скалящуюся копчёную бошку зомбака, не в силах отделаться от ощущения, что эта пакость косится на меня. Кстати, очень даже может быть... учитывая наличие шаманов и некромансеров, жизнь (или вернее НЕ жизнь) в копчёной башке может зародиться едва ли не самопроизвольно.

– Да... до связи, Дим! – выразительно поправляю тяжёлый рюкзак, но ухожу в итоге минуты через две. Несколько знакомых «не замечаю» нарочно, ибо ну в самом деле, сколько же можно! Каждый по чуть, но время отнимает, а мне его не то чтобы жаль, но, сцука... не сейчас же!

– Владимир Николаевич! Владимир Николаевич! – прибавляю шаг, не обращая внимания на нестарую тётку, которая уже успела заебать не только меня, но и всё руководство Фактории. Додельная перфекционистка способна целыми днями ебать мозг из-за какой-нибудь всратой мелочи, не

влияющей по сути ни на что, кроме ощущения правильности или неправильности Мироздания в её больной голове.

– По рабочим вопросам обращайтесь по будням с четырёх до шести! – а это к мужчичку, разложившему на прилавке железный хлам. Типок неприятный, типичный купи-продай, но дельный, этого не отнять. Да, бывает и так... к слову, достаточно часто, – Я скажу, чтобы вас без очереди пропустили!

Увы мне, коммерческий директор Фактории ни хрена не синекура! Благо, сильно не законченное образование логиста позволяет хотя бы понимать суть обязанностей.

– ... благослови, батюшка... – и вижу краем глаза, как Илюха, не останавливаясь, осеняет бабушку священными в Пастафарианстве жестами и бубнит благословение. Старая кошёлка охает и распрямляется довольная.

– ... сподобилась Благодати! – отваливается довольная старуха хвастаться товаркам.

С православными священниками на Опытной как-то не сложилось. Не то чтобы народ не верующий, а просто – не выжили. Потом были попытки окормлять паству со стороны, но не слишком удачные. Храм мученицы Евдокии у Быханова сада, формально оставаясь нейтральным, очень уж откровенно «лёг» под «тащ генерала», быстро потеряв прихожан с Опытной.

Всевозможные баптистские проповедники, евангелисты и мормоны как-то не приживаются. То зомбаки сожрут, то на откровенной педофилии попадутся, то просто – кукухой

едут. Вроде нормальный был, а потом ка-ак начнёт на проповеди хрень нести! И куда такого?

Вдобавок, после появления бафферов к священникам стали предъявлять такие же требования, а с этим грустно... А тогда что же ты за священник, если после твоего благословения никакого эффекта?! Ну, аминь... а дальше что? Почему спина не проходит и желудок по-прежнему болит?! Слабый батюшка... не настоящий!

Православные священники прижились только у «тащ генерала» и на Новолипецке, да говорят, один есть на Тракторном, но «самодеятельный». Какое-то там отношение к РПЦ до Апокалипсиса он имел, но вроде как косвенное.

Илюха, убеждённый атеист и агностик (попеременно, под настроение), видит в этом перст Судьбы и радуется, что нелюбимое духовенство не смогло устроиться в новой, постапокалиптической реальности. Дескать, общество оздоравливается!

Я же, видя подбегающих к нему за благословением бабок, вижу желание общества в Вере, пусть и самой дурной. А что попы не сумели встроиться... так это пока! Расслабились, являясь по факту частью властных структур, а как только всё наладится, так и...

А с другой стороны, свято место пусто не бывает, и народ духовно окормляется пастафарианцами, шаманами и прочими родноверами. Будет у нас при каждой группировке своя, единственно правильная Секта!

Кивнув знакомому гоблу, останавливаюсь ненадолго у развалов, перебирая пластины стали и краем глаза поглядывая на действия зеленомордого. Гоблины охотно берут металл, ибо у самих кузнецов нет, и не может быть по определению – расовое проклятие, ну или племенное, мы пока не разобрались.

С металлом у них сложно – нужен непременно «резонанс» каждого конкретного пыряла с конкретным гоблином, иначе ржавеет, ломается и так далее по списку. Понять бы закономерности... но пока глухо. Маг из меня хреновый, да и научного мышления не привито. А жаль... золотая ведь жила – для тех, кто понимает!

Иногда зеленомордые берут предметы бытового обихода, и вот тут угадать невозможно в принципе. Вон, встали бабоньки гоблинские... переговариваются на своём, копаются в старых куклах, пробках от графина, стеклянных шариках и старой одежде.

Мне они почему-то напоминают восточных женщин в начале Советской Власти. Понятное дело, не буквально – нравы у них более чем свободные и затурканности в помине нет.

Такое что-то... ощущение, что вырвались из затерянного в горах нищего кишлага и сразу попали в торговые ряды крупного мегаполиса. Это мы видим старые куклы, растоптанные босоножки и бижутерию, а они...

... с другой стороны, мы видим украшения из полудрагоценных камней и золотых монет, меха, замшу, резьбу по ко-

сти и прочее. А для них это – такой же хлам!

«Кто здесь большой дикарь, ещё вопрос!» – мелькает ве-
сёлое, и я кивком головы отвечаю на почтительные поклоны
гоблинш.

Советская серия фарфоровых фигурок пошла «на ура»,
ибо фигурки эти по неведомой прихоти Системы могут стать
пристанищем сильного духа. Конкретно эти – стали.

– ... дура-баба, – всплёскивает руками, торгашка-чело-
вечка...

«Ха! Вот и кендерско-хоббитанский расизм проснулся!» –
наспех ковыряюсь в своей-чужой памяти, но... нет, обыч-
ное определение расы. Человечка, хоббитянка, кендерша,
гоблинша, эльфа.

– ... на полку, на полку ставить! – она жестами, будто иг-
рая в «Крокодила», пытается объяснить представительнице
полукочевого народа, что такое полка и «слоник на счастье».
Зрелище – сюр!

Зачем-то берут старую фотоплёнку, вроде как просто нра-
вится, украшения из неё делают. Красиво и пахнет хорошо...
По крайней мере, нюхают её, как женщины из времён позд-
него СССР попавшие в их руки духи «из самого Парижу!»
Сразу видно – из-за Бугра весч! У нас так не умеют! Фирма!

Посуда, игрушки, инструменты – случайно. Ценится не
только сама вещь, но и её способность стать вместилищем
для духа или заготовкой для примитивного артефакта. Ну и
этот чёртов резонанс, куда ж без него...

Гоблы чуть не поголовно шаманы, хотя в основном и хреновые. В этом их сила и слабость одновременно, очень уж они предсказуемы в некоторых вещах.

У нас востребованы гоблинские настойки (нашлись ценители), свежее мясо и рыба, растения-дикоросы и полудрагоценные камни. Гоблинские поделки через одну фонят шаманством, отчего лично я предвижу проблемы (технику безопасности никто не отменял), а граждане Опытной – возможности!

– ... пол быка! Гаура! – торгашка определилась с ценой, какую она хочет за эксклюзивного духовного слоника и засемила к висящему на противоположной стороне рисунку дикого быка.

Рисунки такого рода, с дарами Локации, в Фактории повсюду – легче торговаться. Ткнул пальцем, разом понятней стало. Моя, между прочим, идея!

Под рисунками – регулярно (то есть уже третий день как) меняющиеся расценки на товары. О-очень приблизительные. Так... просто чтобы понятно было, от чего отталкиваться.

Тут же, вперемешку – рисунки и фотографии с продаваемым барахлом. Счастливые дети с куклами, пресловутые слоники на полках и прочее.

– ... моя два-три брать! – размахивает длинными обезьяньими руками молодая и почти привлекательная гоблинша, торгуясь за футбольный мяч с молодым парнишкой на ко-

стыле, – Твоя моя любовь! Давать да?

– Твоя-моя, – передразнил гоблиншу сосед парнишки, какой-то очень средненький мужичок, потрёпанный и неопрятный, как половая тряпка.

– Заглохни, – коротко приказал парнишка, повернувшись к мужичку, и тот послушно заглох, старательно отвернувшись.

«Эге! А к парнишке-то присмотреться стоит! Лет пятнаццати от силы, а глаза жёсткие. Боец!»

За моей спиной парнишка с гоблиншей начали выяснять, что же такое «Твоя моя любовь! Давать да?» Зная гоблинов, это может быть как очень буквальное предложение, так и малопонятные для нас смысловые сочетания.

С языками здесь сложно. Система вроде как переводит все языки, но чем они дальше по лингвистическому и культурному аспекту, тем больше слышится «моя-твоя» вместо нормальной речи.

Протолкавшись через торговые ряды на нашей стороне, вышли наконец в Локацию Дружественных Пикси, и с некоторых пор – не менее дружественных гоблинов. Здесь гоблов сильно побольше, людей сильно поменьше, а торговые ряды несколько более «сельскохозяйственные».

Пахнет копчёностями (и ах, какие это копчёности!), мычат в загонах одурманенные дикие быки и ржут тарпаны. Целебные травы – стогами, водяной орех – вёдерными корзинами, сушёная рыба – возами! В полусотне метров от пор-

тала разделявают скот, тяжело пахнет кровью, требухой и навозом.

Недавно ещё – пасторальное местечко, а ныне – полноценная сельская ярмарка! Точнее, для нас это сельская ярмарка, а для гоблов торжище международного уровня. Градообразующее предприятие!

Место не узнать. Единственно, что осталось, так это, пожалуй, только речка и несколько прореженный лесок. Трещиноватые валуны растащили на строительство, ежевика основательно вытоптана.

– Мой друг! – жму грязную руку спасённому гоблу, а за мной по очереди все парни.

– Друг, друг! – болванчиком кивает тот, щерясь острозубой улыбкой. Он здесь что-то вроде зиц-председателя или зиц-вождя – не знаю, как правильно перевести его должность. Аналогии с индейцами или скажем, кочевниками из Средней Азии в данном случае могут оказаться обманчивыми и завести в заблуждение. Это едва ли не первое, что объяснил мне Шелдон.

К слову, у гоблов я числюсь Почётным Старейшиной, если титул перевели правильно. Не бог весть что, но в разряд «уважаемых разумных» вхожу. Парни тоже Старейшины, но менее почётные, чтобы это ни значило. Как понимаю, это местная цветовая дифференциация штанов²⁰, а подробности

²⁰ **Цветовая дифференциация штанов** – в художественном фильме «Кин-дза-дза!» и полнометражном мультипликационном фильме «Ку!»

от меня ускользают.

Догрузились вкусностями «маде ин гоблы» и утопали метров за пятьсот от портала по левую сторону. В узкой расщелине прячется небольшая долина с разбросанными повсюду валунами, а трещиноватые проходы соединяют её с другими долинами...

... и так едва ли не до бесконечности. В тот раз пытались составить приблизительную карту, но даже волчье чутьё Анавара не потянуло. Лабиринт проходов и долин запутанный, да ещё и густо приправленный магией. Да поверх всего этого – густые запахи пряных трав, нагретые на солнце камни, на которых плохо держатся следы и... в общем, будем действовать не торопясь.

– Уф-ф... – Илья со стоном скинул с себя рюкзачину на раскалённые камни, над которыми подрагивает нагретый воздух и растёр ноющие плечи.

– Баффаю себя на ходу, а толку чуть, – пожаловался он, присаживаясь в тенёк под единственным раскидистым деревцем на полсотни метров окрест, – едва за вами успеваю. У-у, нелюди поганые!

– Надо здесь лагерь обустроить, – не отвечаю на провокации, зато Анвар с разбегу влезает в расставленную ловушку и начинается нетолерантный и увлекательный срач на тему наций, религий и тому подобных вещей, любимых зрителями канала Рен-ТВ.

– Давно пора, – ворчит Славка негромко, сугубо для меня, – таскаться сюда каждый раз с грузами не вижу смысла.

– Ага... а тренировка?

– А-а... – на его лице проступает понимание, – вот за чем... А сразу сказать не судьба.

– С Илюхой? – чуть вздёргиваю бровь.

– А... да, действительно! – соглашается тот, зная за другом ленцу, – Так хоть бафф свой прокачал, ну и мышцу заодно.

– Угум. А сейчас уже бессмысленно по этому маршруту таскаться. Так что потихонечку будем обустроиваться на два... хм, мира. Здесь, если что, проход перегородить легко, и вполне себе крепость!

Плотненько поели, неторопливо напились чаю, и после короткого перерыва, наполненного обсуждением дел Фактории и обустройством лагеря, начали тренироваться. Без жесточи, аккуратно, просто чтобы понять свои возможности.

Программа у каждого своя, иногда пересекающаяся с другими. У меня – всё, завязанное на меткость и ловкость. От пращи и лука (от которого болят все мышцы), до стрельбы из арбалета и паркура.

Анвар «многоборец-универсал», уступающий в ловкости и подвижности мне, а в силе Славке, но пожалуй, он из нас самый гармоничный. Если бы ещё оборот по мозгам не бил... Ярости как таковой нет, а вот тупость наличествует! Звэр, да!

Славка, к немалой ревности кавказца, оказался самым сильным и быстрым из нас, зато нарисовались проблемы с выносливостью. Неторопливо бежать или ползти он может довольно долго, а вот «рваный» спарринг с оружием и без – три раунда максимум, и вроде как – особенности змеиной анатомии, не натренируешь особо.

Илюха самый лоховатый из нас, и одновременно – читер. Когда он в ударе, баффает только так! А вот когда нет... Впрочем, он и без баффов приблизился к нормативам офицерского состава спецназа – чистой физухе, разумеется.

Славка ожидаемо выдохся первым и начал снимать нас на камеру планшета.

– Красапеты! – комментирует он прохождение дистанции, – Товарищ Вова! Замечание с занесением! Выёбываться начал, понял? Финтить где не надо!

– Понял, – киваю сосредоточенно, зная за собой такой грешок.

– Анвар! – звучит голос рептилоида пару минут спустя, – Хули ты за командиром гонишься? Он кендер! Маленький... прости, Володь...

– Да ладно! Вот уж о чём не переживаю!

– ... лёгкий, плюс расовые абилки на ловкость. А ты – зверюга за восемьдесят кг чистого мяса! Где он по камням пробежит, не столкнув ни один, у тебя все осыпятся!

– Понял, – вздыхает кавказец, промокая пот с лица полрой майки, – с собой соревноваться буду, а не с командиром.

– Спаррингов давно не было... – он смотрит на меня с видом собаки, не выгуливаемой третий день. Глазки такие же какающие, умильно-просящие.

– Остынь, Анвар! – осаживаю его резко, – Я может, тоже... С-сука! Ты не представляешь даже, как колбасит! Покику с тобой поработать, пофехтовать! А нельзя...

Оборотень кивает, печально обвиснув носом и волосами в нём. Плавали, знаем... Ка-ак пошло оно, Наследие это, просыпаться... каждый день почти что новые открытия. Сила, ловкость, или скажем – приёмы из виртуального детства, и вполне, между нами, боевые!

Какие, на хрен, спарринги, если возможности собственного тела не знаем? Да и приёмы... сплошь удары по колену да в глаза пальцами!

Ладно Анвар и Славка, оборотни херовы! Регенерируют за один-два оборота, только жрать успевай подтаскивать! А я? А Илья?

Вроде как и проклёвываются какие-то целительские возможности у Ильи и регенеративные у меня, но всё это из серии «Ничего не понимаю! Но очень интересно» Вот проклюнется, и будем думать, а пока...

– Илья, отдохнул? Давай, давай... вот тот камешек подними и вперёд...

После тренировки, уёбанные и довольные, ополоснулись в мелкой, всего-то по колено, каменистой речушке с ледяной

чистой водой.

– Градусов пять, – стуча зубами, заявил теплолюбивый Слава, растираясь мочалкой и с выпученными глазами падая плашмя, чтобы смыть мыло, – ух-х... холодина, бля!

– Какой пять!?! – заспорил Анвар, едва шевеля синими губами, но держа марку горца, – Все десять, да!

– Обедать, парни! – зову их из-под растянутого под деревом тента, – Кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста²¹!

Едим как не в себя, до невероятия много. Какое там «чувство лёгкого голода»!

Ленивые разговоры обо всё сразу, чайник с зелёным чаем под рукой, и глаза потихонечку закрываются...

... что-то тяжёлое плюхнулось мне на грудь, а потом маленькие ручки оттянули веки.

– Вова, ты скучал?! – требовательно спросила Очаровательная Прелесть, заглядывая в глаза.

Илья побряхтывает и поправляет постоянно ляжку рюкзака, но не сдаётся. С носа капает едкий пот, губы бормочут попеременно ругательства с баффами, дыхание прерывистое и сиплое, но попросить остановиться... не-ет, это ж признать себя жадным долбодятлом, не способным предугадать последствия собственных решений!

Я прямо-таки читаю его мысли, и по правде говоря, это ни разу не сложно. Ругань на самого себя и на весь мир, и посто-

²¹ «Джентльмены Удачи» Василий Алибабаевич.

янные подсчёты – сколько там осталось идти до Фактории.

Большую часть груза мы оставили в лагере, а на обратном пути выскочила возможность быстрого купи-продаю у гоблов, и в Илюхе выиграла сущность капиталиста. Теперь вот страдает за триста процентов прибыли, маячащие на горизонте.

– Был пиратом жадный Билли²², – как бы невзначай замурлыкал под нос Славка, – правда Билли не любили...

– Жадина, жадина, жадина-говядина! – весело подхватила Чудо, прыгая на рюкзаке Славы и корча обидные в её понимании рожицы Илье.

Жрец засопел свирепо, но только забрызгал соплями нижнюю губу. Вытерев соплю рукавом, он выразительно покосился на друга и чуть погодя – на Чудо.

– Бе-бе-бе! – растянув в стороны рот, пикся высунула язык и взлетела к потолку коридора, подхватив Сестрёнку за руку.

– ... большой паук, – донеслись до меня удаляющиеся писклявые голоса, – во-от такой!

– В постель подбросим! – восторженно отозвалась буксируемая Сестрёлка.

«Интересно, кому?» – ворохнулась и пропала вялая мысль.

– Жадный век от века, – продолжил напевать Слава, старательно не замечая возмущённого взгляда, – Раз, два, три,

²² Песенка из мультфильма «Остров сокровищ».

четыре, пять. Нравственный калека...

Илья покосился на него ещё раз, и сдавленно просипев что-то вроде «Рептилоид херов», выпятил подбородок и прибавил шагу.

– Рептилоид херов, рептилоид херов! – запрыгала Лапочка на рюкзаке Ильи, корча рожицы и распевая привязавшиеся словечки на все лады. Затихнув наконец, она залезла в кармашек рюкзака и вылетела оттуда с ярко-красным маркером почти в свой рост.

«Наскальной живописи в коридоре прибавится, – мельком подумал я, покосившись на пиксю, старательно вырисовывающую на стене анатомически недостоверные (но художественно значимые) половые органы, – хотя нет... по всей Опытной!»

Энтузиазма у них хоть отбавляй, и всё больше деструктивного. Это с нами они такие кавайные няшки...

«А всего-то – конфета... ну и предложение дружбы от чистого сердца!»

... а репутация у них как у коллективного медоеда. Не столь опасного, как африканский оригинал, но злопамятного и пакостливого стократ!

«С другой стороны, а многие ли пробовали с ними просто дружить?»

В холл ЗАГСа, то бишь Фактории, Илья зашёл на одним морально-волевым, не видя никого и ничего, дыша как за-

гнанная лошадь. Глаза выпучены – вижу цель, не вижу препятствий!

– Ой, какие милые... – слышу умилённый голос пожилого мужика из охраны, лялькающего на сгибе руки ружьё, – куклята летающие!

– Пикся! – услышал я писклявый голос малявки, мигом полетевшей знакомится, стартанув с моей головы к очарованному охраннику, – Очаровательная Прелесьть!

– Ребята! – не отводя влюблённых глаз от пикси, мужик замах рукой напарникам, – Давайте сюда, у нас гости!

– Пикси... – выдохнул восхищённо молодой пацан, вынырнувший из дежурки с надкушенной шоколадкой, которую тут же протянул летающей мелочи, – Будешь?

– Просто так? – опасливо осведомилась моя подруга.

– Просто, просто! – закивали охранники, умилённо наблюдая за начавшейся делёжкой шоколадки, сопровождавшейся весёлой драчкой.

– Это та самая... – уже поднимаясь на лестницу вслед за Ильёй, слышу я, – Помнишь? На Ютубе! Два миллиона просмотров!

«Малявки в надёжных руках!» – весело думаю я, поднимаясь по лестнице вслед за Ильёй и готовый в любой момент подхватить полуобморочного батюшку, который пёр на чистых морально волевых.

Скинув рюкзак в кухне, он со стоном распрямился и поглядел на нас исподлобья. Отвернувшись, закопался в хо-

лодильнике, вытащил полторашку минералки, и пуча глаза, высадил её в несколько длинных глотков, всей своей спиной выражая возмущение и матерные мысли.

– Пф-ф... – допив, Илюха малость расслабился и повернулся к нам уже успокоенным.

– Признаю, был неправ, – коротко сказал он. Рептилоид попытался было поддѣбать его по новой, но баффер только усмехнулся и смолчал. По-моему, не столько от внезапно прорезавшейся мудрости, сколько от дикой усталости и понимания, что его положение изначально проигрышное.

– Растѣшь, – похвалил друга кавказец, подходя к холодильнику и залипая перед заставленными полками.

– Мне кинь водички, – прошу Анвара, не желая отрывать жопу от такой родной и уютной табуретки.

– С газом? – поинтересовался тот.

– Не... давай эту, вонючую, с запахом тухлых яиц!

– А это какая? – озадачился оборотень, зарывшись в холодильник чуть ли не по пояс.

– Мятая бутылка, без этикеток. Благодарю, – отвинтив крышку, я присосался к горлышку, закатывая глаза.

Помню, маленький был, приезжали мы в Липецк по какой-то надобности, и мама водила меня в Нижний Парк, где помимо всего прочего была эта вода в фонтанчиках. Может, и извращение... но для меня эта вода осталась вкусом детства, наравне с пломбиром и шоколадом «Алѣнка».

Потом, как водится, источники стали частными, и по офи-

циальной версии «пересохли». Для бутилирования их чудесным образом хватает, а вот в парковых фонтанчиках минералку, судя по отзывам старожилов, сперва разбавили, а потом и вовсе перекрыли. Кончилась!

А теперь, после Апокалипсиса, внезапно началась... Причём пробилась не только на старых местах, но и в нескольких новых.

С бутылкой в руках встал, опёрся привычно бедром о кухонный стол и...

– Не понял?

Илья, рассказывающий какую-то несмешную байку и сам же над ней подхихикивающий, повторил её ещё раз, отчего рептилоид закатил глаза.

– Не тебе, – отмахиваюсь от баффера, подходя к кухонной стойке и понимая, что та стала...

... выше. Ну или скорее – ниже стал я.

– Сука-а... – вырвалось у меня, – вот тебе и Наследие Крови! Две линии расовых коротышек в роду, а я ещё...

– А я думал, показалось, – флегматично заметил Анвар, открывая зашипевшую банку пива.

– Оказалось – не показалось, – скаламбурил Илья, на что я ожёг его злобным взглядом. Сбегав за рулеткой, отметился на дверном косяке и...

– Сто шестьдесят два, – подытоживаю результат голосом профессионального плакальщика. Перемериваю ещё раз, и полный самых дурных предчувствий, иду с рулеткой в душ.

Десять минут спустя я на кухне – чистый до скрипа, и мрачный до депрессивности. В руке тлеет сигарета, во рту как кошки насрали, в башке – безнадёжность и осознание бренности жизни.

– Ну и... – не выдержал Илья.

– Минус два сантиметра, – отзываюсь после короткой паузы, и некоторое время в кухне царит солидарная минута молчания.

– Это... – осторожно начинает Анвар, – совсем плохо, да? Я слышал, раньше делали операции по...

– Не совсем! – перебиваю его, пока кавказец не наговорил лишнего, – В статистику укладывается. Средних размеров. Просто...

Не зная, что сказать, пожимаю плечами. А действительно, что тут скажешь?

– Всё нормально? – Анвар заглядывает мне в глаза.

– Не дождётесь, – усмехаюсь кривовато.

– Если что... – начинает Илья.

– Буду иметь в виду, – перебиваю его, и следующие несколько минут слушаю неловкие шуточки и утешения, от которых неловко всем, и прежде всего утешителям. Та самая ситуация, когда все участники понимают собственный долбобизм, но не в силах заткнуть фонтан косноязычия.

– Может, вырастет ещё, – неловко утешает Анвар, но замолкает неловок под моим взглядом.

– Ладно... – хлопнув себя по колену, поднимаюсь с табу-

рета, – не буду грузить вас своими проблемами. Анвар, когда тебе показалось, что я меньше стал?

– Как из Локации вышли, – коротко ответил кавказец, высаживая остатки пива из банки одним длинным глотком и сминая её, как фольгу от шоколадки.

– Своя логика в этом есть, – киваю я, – узнать бы ещё её границы...

– Для начала, – подал голос Слава, – хорошо бы узнать, почему твоя одежда не висит мешком.

Для начала я глянул на обувь...

... и залип.

– К подошве что-то интересное прилипло? – с лёгкой ехидцей поинтересовался Слава.

– А? Нет... – трясую головой и снова смотрю на обувь, – просто ебень какая-то.

– Вот это, – стучу пальцем по подошве, – сорокового размера с утра было, а сейчас – тридцать восемь!

– Не попутал? – поинтересовался Илья.

– Я? – смотрю на него, как на больного, – Я в этих ботинках несколько лет на рыбалку отходил, и в них же бегал первые дни Апокалипсиса! С хуя ли перепутал?

– Та-ак... – заинтересовался Славка, сидящий с видом шахматиста, раздумывающего над ходом, – а другая одежда тоже старенькая?

– Ну да, футболка вот только новая. А что? Удобно... а штопаная там или нет...

– Да всем плевать! – отмахнулся рептилоид, – Проверь, футболка тебе не великовата?

– Думаешь? – я вытаращился на него, – Хотя да, чего это я...

– Великовата, – докладываю рептилоиду минуту спустя, – Не сильно, но в общем, заметно.

– Есть у меня одна идея... – туманно сказал Слава, – а чтоб лишнего не говорить, давай сюда всё барахло, с которым ты с первого дня бегаешь.

– Ага... в голове у меня начало проклёвываться понимание, и не теряя времени, я притащил всё недостающее и...

– ... а это-то откуда?

Начатая пачка диетических картонных хлебцев, пять протеиновых батончиков, три батончика мюслишных, «баунти» и «сникерс», банка сайры в масле, банка икры минтая (не самого лучшего производителя), упаковка сухарей с изюмом и маком, упаковка маленьких сушек с маком и всё остальное, давным-давно выкинутое из рюкзака.

– Выкидывал же... – растерянно поворачиваюсь к Славе, – шутишь?! Шуточки, значит?!

– Да нет же! – сморщи физию рептилоид, – Какие, на хер, шуточки! Рост тебе тоже я уменьшил?

– А... ну да, – сажусь обратно, пытаюсь собраться с мыслями, – Это что, Система?

– Похоже, – ответил Слава, потирая пальцем нижнюю губу, – Глянь, ты свои вещи как-то по-особому может видишь?

Не?

– Заебися пахнет пися, если писе заебися! – прервала моё пучеглазенье Прелесь, спешащая поделиться новообретённой мудростью, – Вова...

Она затормошила меня, дёргая за нос.

– ... а у меня пися пахнет заебися?

Прелесь смотрит на меня с ожиданием, явно не вкладывая в это никакого эротического подтекста и контекста. Перебарывая смущение, напоминаю себе, что пикси, по крайней мере наши, размножаются партеногенезом²³, и о сексе имеют весьма смутные понятия.

– Прелесь, ты вся целиком пахнешь хорошо! – с трудом нашёл я подходящие слова, не греша против истины. Пикси пахнут медвяными цветами и почему-то молоком, а когда вспотеют – соком растений, и тоже вполне себе приятным. Дремать крылатая мелочь предпочитает на рюкзаке, а для общения – садится на плечо или на голову, так что нанюхался...

Подлетев поближе, она оттянула мне веки и заглянула в глаза – не обманываю и я её? Убедившись, что не обманываю, Прелесь полетела к подругам, донимающим кавказского блюстителя морали писклявым хороводом, распеваящим на все лады строки про писю, которой заебися.

²³ **Партеногенезом** в биологии называют так званное «девственное **размножение**», то есть форма полового **размножение** организмов, характерная тем, что женские половые клетки развиваются во взрослый организм без оплодотворения.

Не сдержавшись, хрюкаю от смеха, когда Лапочка начала приставать к оборотню с требованием «понюхать». Анвар воротит морду, делая страдальческое лицо, а мы с парнями тихонько давимся со смеху.

– Ничему его жизнь не учит, – философски заметил Илья, не выпускающий из рук газировку и глазающий на этот летающий цирк не без лёгкого злорадства, – Какая, к чёрту, мораль? Для них писька и жопа – это места, которыми писают и какают! Интересы меньше, чем у детсдовцев! А он разжигает...

Заметив умоляющий взгляд кавказца, вздыхаю, но прихожу на выручку. Минута поиска на Ютубе, и я поворачиваю планшет экраном от себя, включая то самое – легендарное видео.

– «Мы – пикся!» – слышится из динамика, и малявки разом замерли. Глаза у Прелести налились нешуточной обидой. Как? Как я мог привести в дом чужих пиксей?!

– Это ты, Прелесь! – говорю так быстро, как только могу, – Видишь?

Пикси открыли для себя интернет...

– Вова! – догнал меня на улице полный отчаяния вопль, – Оно не работает!

Вылетев из окна, Прелесь во главе галдящей стайки подлетела ко мне, тыкая в нос планшетом. В глазах у неё слёзы, отчаяние и вся боль этого мира.

– Ой... работает, – обрадовалась малявка и полетела назад, – Снова не работает! Вова! Сделай что-нибудь!

– Он и не будет работать вдалеке от меня, – объясняю в очередной раз, пока Бугор давится кашлем и дымом, пряча смеющиеся глаза, – это мой планшет, и я не могу него кому-то отдать, подарить или продать. Артефакт с привязкой.

– Фу-у! – выразила своё возмущение Прелесть, увесисто плюхаясь мне на голову. Бугор раскашлялся вовсе уж туберкулёзно, а я стащил с макушки обнаглевшую мелочь, так и не выпустившую планшет.

– Вот что с тобой делать, чудо? – интересуюсь, держа её перед лицом.

– Чудо, это я! – поправила меня Славкина пикся, глядя на меня, как на умственно отсталого.

– Вот что? – повторяю вопрос, не ввязываясь в бесполезные споры.

– Любить? – подняла на меня глазки Прелесть.

– Кхе...

– Вова! – она вытаращила глаза, – Здесь ТикТок!

Она сказала это с тем придыханием, с каким говорят о чём-то важном.

– У нас совещание, – повторяю терпеливо, – и вам туда нельзя, оно секретное!

– А секретное, это где? – заинтересовалась Сестрёнка.

– Секретное – это разговоры, которые нельзя рассказывать другим.

– Фу-у! – дружно скривились мелкие сплетницы.

– ... как вы все знаете, – сидя на Бревне Совета начал Бугор, держа в одной руке дымящуюся сигарету, а в другой большую чашку крепченного кофе, убийственного по такой жаре, – техника у нас начала сбоить.

– Вот уж что не секрет, – пробурчал один из членов Совета, – К делу, Володя, не томи!

– Ни для кого не секрет, – спокойно кивнул тёзка, делая неторопливую затяжку и запивая её глоточком кофе, – ни для нас, ни для Педералиссимуса.

– Ах ты ж в Бога душу мать... – начал было заворачивать ругательства в фантик божбы бурчащий член, прервавшись на взлёте, – Война на пороге?

– Судя по нашим данным, полноценная, – кривовато усмехнулся Малой.

– Иначе и не получается, – спокойно отозвался Шелдон, – людей у самозванца не так уж и много, а мотивация большинства невелика – мягко говоря. Срочники, по крайней мере, не горят желанием умирать за офицерские привилегии.

– Кшатрии, – перебил его Малой, – источник информации назвать не могу...

Все закивали понятливо.

– ... но крыша у тамошних главнюков протекает знатно. Внедряют в массы кастовую систему, согласно которой офицеры и прапорщики это кшатрии, а рядовой и сержантский

состав – сипай²⁴.

– Бре-ед... – протянул Член в Жилетке.

– Бред, – согласился парнишка, – но разве вся эта ситуация, в которой мы оказались, не бред? Сейчас там продвигается кастовая система с феодальным уклоном.

– Не новость, – спокойно сказала Ольга Владиславовна.

– Не новость, – кивнув, повторил вслед за ней Малой, – но если раньше это было бредом, и мы могли надеяться на полную деморализацию Военного Городка, то сейчас, согласно моему источнику, там вовсю идёт обработка личного состава какими-то сомнительными типами. Воспитательная работа с элементами гипноза, ну или если хотите – менталистики.

– Еба-ать... – протянул кто-то из охраны, – Кашпировских нам ещё не хватало!

– По моим данным, – добавил Бугор, – началась обработка ещё и психотропными средствами.

– Вова! – ввинтился в мой мозг голос Прелести, звенящий от праведного возмущения, – У него ытырнет неправильный! Дай свой! И вообще, хватит секреты без нас делать! Мы, может быть, самые секретные секретчики во всей долине!

– Не удержал, – выдохнул подбежавший охранник, забирая у пиксей свой планшет.

²⁴ Сипаи – наёмные солдаты в колониальной **Индии** (XVIII–XX век), рекрутировавшиеся европейскими колонизаторами, чаще всего англичанами, из числа местного населения.

– Ладно, – чуть морщусь, но склоняя голову, признавая перед Советом свою вину. Ну, не смог охранник с планшетом удержать пиксей в сторонке... бывает. Пикси, они такие, непредсказуемые местами.

А местами... я переглянулся с Бугром, прикрыв на миг глаза. Потом поймал взгляд Малого...

– Ну в принципе, всё ясно, – бодро сказал тёзка, подымаясь с бревна, – военное положение со всеми полагающимися к нему пунктами.

– Парни? – переглядываемся, и хотя я заранее знаю их решение, без демократизма нельзя.

– С вами, – отозвался Анвар.

– Воюем, – нервно улыбнулся Илья.

– С вами, – подтвердил Слава.

– И мы с вами! – влезла Прелесть и тут же затормошила меня, – Вов, а куда мы с вами?

– А дроны? – не сдаюсь я, поглядывая на пикси, оккупировавших с планшетом кресло в углу гостиной. Втягивать шилопопых малявок в войну очень не хочется. Умом понимаю, что это хищники, хотя и не из высших. Что они привыкли убивать и умирать, но...

... глаза видят кавайных зубастиков, похожих на оживших кукол. Да и дурашливый писклявый хоровод с «Заебися пахнет писся, если писе заебися» не помогает осознать их серьёзными бойцами.

– Блять... – не сдержался Бугор, – Вова, какие на хуй дроны!? Это Липецк! Не Москва и не Питер, даже не Казань! Липецк! Полсотни если на весь город было, и то вряд ли.

– Ну это ты заливаешь, – скривился Анвар, отмахиваясь от дыма, – побольше было, и сильно побольше.

– Хуй с ним! – нервно согласился тёзка, – Пусть две сотни, даже три! Только вот где?! В мажорском Ленино? В закрытых посёлках с богатенькими Буратинами? А это, блять, Опытная!

– Ну...

– Володь, – отвинтив пробку с минералки, влез в разговор Малой, – с дронами действительно проблема. По городу их мало было, а у нас ещё меньше – дорого, сука! А райончик у нас, сам знаешь, не то чтобы совсем депрессивный, но, сука, пролетарский!

– Тысяч за пять можно было купить, – подал голос Илья, – но правда, так себе...

– Говно китайское за пятак, – безапелляционно отрезал Малой, прикладываясь к горлышку бутылки, – ни управляемости нормальной, ни с камеры не видно ни хера!

– Мы, – продолжил он, давя отрыжку от газов, – в первые дни, как оклемались малость, собирали их где только могли. Ну, сами знаете... такая херота, она на слуху. Купить дрон, и не похвастаться ни разу, это из области фантастики! Любые собирали, и на первых порах они нас здорово выручили. А потом...

Он пожал узковатыми костлявыми плечами и продолжил после паузы:

– Наверное, поздно начали собирать, а может ещё что, тут не угадаешь. Ситуация, как с телефонами сложилась, только ещё хуже.

– А что с ними не так? – не въехал я.

– Работают только в руках хозяина, – коротко ответил Бугор.

– И что? – туплю по-прежнему.

– Ой, блять... – вздохнул тёзка, – страшно далеки они от народа²⁵!

– А-а... – до меня начало доходить, – как у нас после Локации?

– У всех теперь так, – вздохнул Бугор, – только хуже! Сперва связь просто глючила, а теперь ситуёвина вовсе уж херовая – что с сотовой связью, что с интернетом. Мало купить комп или телефон, чтобы Система признала его владельцем, понимаешь? Ручки нужно приложить!

Переглядываюсь с парнями... мы, по ходу, до хрена интересного пропустили! Нет, что-то такое было, но в одно ухо влетело, из другого вылетело! Не дошло. Думал, просто о перебоях с сотовой связью говорят.

– А с ручками у большинства беда-а, – протянул Илья, – мать даже сим-карту вставить не могла – меня просила, ну

²⁵ «Страшно далеки они от народа» Ленин Владимир Ильич (1870–1924) пишет о декабристах.

или продавца.

– О том и речь, – вздохнул Малой, – таких три четверти, если не больше. Вообще телефоны не работают! Ни телефоны, ни планшеты, ни компы! Прикинь?

– Жопа! – ужаснулся интернетозависимый Анвар.

– Вот-вот! – кивнул Малой, – У остальных чуть лучше, но тоже тяжко. Например, сам симки менял – может одному-двум абонентам в пределах города звонить.

– Это если они живы, эти самые абоненты, – мрачно добавил Бугор, снова окутавшись облаком дыма, – Система, я так понимаю, рандомно выбирает из списка. В основном всякая хуйня, типа «Надя парикмахерская» или «Коля электрика», только их ни хуя в живых уже нет.

– Как правило, – согласился парнишка, – Дальше по нарастающей идёт – сам аккумулятор менял, настройки на телефоне... ну и так далее.

– А интернет как же? – заинтересовался Слава, – С такой логикой его вообще не должно быть.

– С интернетом как раз более-менее сносно, – улыбнулся Малой, – Настройки поменять, это да, не всем мозгов хватает, а ВКонтакте юзать или в ТикТоке сидеть, много ума не надо.

– Ну и? – удивился рептилоид, – Так пусть ВКонактике и переписываются!

– Хуй там, – буркнул тёзка, – в каких группах состояли, причём активничали, те и сохранились, а в новые добавлять-

ся не получается.

– Ага... группы сохранились, а народу них маловато, так? – прищуриваюсь я.

– Как правило, – кивнул парнишка, – У большинства по две-три группы, в которых они переписывались хоть иногда, да хорошо, если хоть кто-то из друзей остался. ВКонтакте или на Ютубе на кого-то был подписан, не суть важно – переписка может вестись только в группах, где человек уже не один и не два раза оставлял свои комменты, и что особенно важно – ему отвечали!

– Еба-ать... – выдал Илья, – это ж какое раздолье для интернет-троллей настало!

– Угадал, – невесело засмеялся Бугор, – бычкуя сигарету в консервной банке, – а нам с такими работать, прикинь?

– У меня до Апокалипсиса семнадцать тысяч подписчиков было, – говорю не без гордости.

– Липецкие? – поинтересовался Бугор, – Или в масштабах страны?

– А мира не хочешь? – своим каналом на Ютубе я искренне горжусь, – У меня даже в Штатах подписчики были!

– Тоже дело, – одобрительно кивнул тёзка, – Считай, почтовый хаб, не последняя вещь в наших условиях. Если б ещё можно было бы тебе в подписчики добавляться – вообще бы цены не было!

– Почему это нельзя? – удивился я, – На меня в Ютубе после заливки видосиков из Локации ещё тысяч семь под-

писались.

– Да ладно, – удивился Малой, – серьёзно?

– Ну... – покосившись на пикси, вытащил телефон и разблокировал, повернув экраном к Малому и Бугру, – вот моя страница, можешь статистику посмотреть.

– Сам давай листай, – мотанул головой тёзка, – в чужих руках в лучшем случае с замедлением работает.

– Интересно... – напряжённым голосом сказал Малой, – а ну-ка, набери «Мы – пикся!» Это же не ты заливал?

– Не... – мотаю головой, вбивая нужные буквы в поисковую строку, – кто-то из окружения Педералиссимуса снимал, а какими путями оно на Ютуб попало, только гадать можно. Несколько дней с момента съёмок прошло, и кто там у кого стырил, даже гадать не возьмусь.

– Два миллиона просмотров, – задумчиво сказал Бугор, закуривая очередную сигарету, – а подписчиков как было полторы сотни, так ни одного нового не добавилось! Не могут добавляться, я так понимаю.

– Интересно, – протянул Слава, откидываясь назад.

– Ты губу-то сильно не раскатывай, – усмехнулся тёзка, – аккаунт у Товарища Вовы прокачанный, ну и техника непростая.

– Из запчастей по факту собирал, – кивнул скромный я.

– Вот, – кивнул Бугор, выдыхая в сторону табачный дым, – результат налицо. Руки из плеч, да при светлой голове, они всегда на пользу, а после Апокалипсиса и десятикратно! В

общем, непростая техника, но ситуация не все уж уникальная.

– Человек семьдесят на Опытной с нормальной связью остались, – солидно подтвердил подросток, – плюс-минус как раньше. Единственное – ни у кого прокачанного аккаунта нет, ну или по крайней мере, мы об этом ничего не знаем.

– Надо будет уточнить, – с хрипотцей сказал Бугор.

– Надо, – согласился Малой, и они переглянулись как-то очень многозначительно, – А вообще – тема! При минимальном желании на этом можно будет подрабатывать, если мозгѳй пошевелить хоть чуть-чуть.

– Звонки за денюжку? – заинтересовался Илюха, вытаскивая свой телефон, – дело!

– Много этим не заработаешь, точнее – долго зарабатывать не выйдет, – осадил его Малой.

– Не факт, – усмехнулся Слава, и он поведал о моих изменениях в росте (не всех!) одежде и возвращении «сухого пайка» из Натахиной молодожѳнки.

– Это... – Бугор подвис, – обнадѳживаает. Если у нас сохранится хотя бы часть техники, ситуация уже не выглядит столь безнадежно. Восстанавливается, значит?

– Еба-ать... – протянул Малой, – это что же? Весь этот двадцатилетний автохлам с проржавевшими «Ласточками» будет ездить по нашим дорогам, а иномарки и нормальная техника сгниют?!

– Радуйся, что хоть такая техника будет! – осадил его тѳз-

ка, – Нам, на Опытной, в таком контексте будет лучше, чем центровым мажорам! Надо будет, х-хе... свою Ласточку навестить!

Резкий хлопок ударил по ушам...

«Взрыв!» – успеваю сообразить, стягивая на пол Илью и сбивая плечом Славу.

... настезь распахнутые фрамуги качнулись, ударившись о стены и едва не вывернувшись с мясом, и воздушное цунами прокатилось по помещению, сметая всё на своём пути.

Бумаги, пепельница, картины со стен, опрокинутые стулья... и мы на полу – живые, но контуженные. Бугор вцепился руками в уши, из которых сочится кровь, Малой держится за рассечённый лоб, Анвар...

... перекинулся и выскочил в окно, и только после этого я услышал надрывное:

– Тревога!

... и почти тут же:

– Да здравствует Первый Консул! Во славу Империи!

– Портал! Они порта... – крик сменился булькающим хрипом и торжествующим смехом маньяка. Затем я услышал рычанье Анвара и...

... в следующую секунду, не думая долго, метнул из окна лежащую на полу совну, и не промахнулся!

Пробив латный доспех со спины, совна вонзилась по самую крестовину в позвоночник седого эльфа с полторни-

КОМ.

– Сдохни, тварь! – выкатился из-за угла Дядя Саша с автоматом в руках, и раскорячившись по всем правилам на раскалённом асфальте, нажал на спусковой крючок... В следующее мгновение он уже уворачивался от удара молотом.

Успеваю глазами зацепить трёх мечников с круглыми щитами, уверенно теснящими Анвара к стене. Миг... и они скрылись из виду, а у меня в голове бьётся единственная мысль – успеть! И глухая досада на кавказца, который взял за привычку встречать опасность в зверином облики!

В ушах у меня зазвенел отчаянный крик Ильи:

– Огнестрел не работает!

... к сожалению, предупреждение это оказалось несколько запоздалым, и я уже перемахнул через подоконник, держа автомат прижатым к груди. Прокатившись по асфальту, уворачиваюсь от выпада копейщика и движением из брейк-данса подбиваю его ноги.

Приклад к плечу... осечка, осечка, осечка... Парирую бесполезным оружием удар короткого лёгкого меча и вбиваю босую ступню в колено игроку. Хруст и дикий вопль, в побелевших глазах шок.

«Полное погружение, – мелькает в голове невнятная мысль, – ощущения на сто процентов выставил!»

Забрав меч, коротким колющим ударом в горло добиваю игрока и ухожу в пережат под ноги копейщику. Укол в пах, возвратным движением режу по бедру с внутренней сторо-

ны.

Меч в левую руку, правой выхватываю нож из ножен на бедре и...

... я не промахиваюсь, во мне кровь хоббитов и эльфов! Один из мечников, теснящих Анвара, ранен и отвлёкся на один миг... кавказцу хватило. Прыгнув на раненого, он молниеносным укусом сломал тому горло, и тут же ушёл от удара щитом.

Прыжок на стену кавказского волка был неожиданным даже для меня, хотя паркур он занимается в обоих обличьях. На стену... и оттолкнувшись, изворачиваясь в прыжке, он дотянулся до второго противника, сбивая его с ног. Лежачего добил я, подхватив копьё и сделав длинный выпад из арсенала ушу.

Миг, и из дверей Фактории, тараня расплёскивающиеся двери огромной головой, вылетел Слава, пребывающий в змеином облике. Морда окровавлена, рассечена, на туловище следы рубящих ударов, на которых кое-где проступила кровь.

Отдав меч Анвару, обернувшись наконец-то человеком, выдёргиваю из эльфийского трупа свою совну. Короткая, буквально в полсекунды, передышка... и я отбиваю стрелу из арбалета.

– Сука! – выругался арбалетчик, выдёргивая из ножен меч, – Ну иди сюда, падла!

Я не спешу... и помедлив чуть, боец кинулся на меня, вы-

дохнув:

– Во славу Империи!

Несколько секунд судорожного танца, сопровождаемого жестяным, совсем не киношным, лязгом сталкивающихся клинков, и я отскочил назад приставным боксёрским шагом, а мой противник осел на асфальт. Царапая его окровавленными ногтями, он пополз в мою сторону, улыбаясь совершенно безумно.

Успеваю подумать, что я, кажется, где-то видел эту рожу...

Сзади раздался глухой удар, и я обернулся, отскакивая в сторону.

– Вову не трожь! – воинственно пропищала Прелесть, оглушившая нападающего цветочным горшком. Почти тут же пикся будто размазалась в воздухе, оставив в глазнице уже мёртвого врага перьевую авторучку из запасов былых хозяев ЗАГСа.

– Хуй вам! – слышу торжествующий, звонкий крики Ильи. Голос, несмотря на матерное исполнение, полон тожественности смертника, который ценой своей жизни остановил врага и успел понять, что он – победил... – Не взорвётся!

Холодея от ужаса, оббегаю здание, и вижу окровавленного Илью, глаза которого уже остывают, но он всё ещё стоит и держит полупрозрачный щит перед десятком противников в камуфляже под доспехами. Прыгаю, и подтоком одному из вражин – под сердце, а лезвием совны с размаху, перехватив

её под самый конец – поперёк лица другому!

– Во славу... – укол в наполненные безумием глаза, видеть которые нет никаких сил.

– Вову... – на асфальт упал один из противников с копьём пикси в виске, – не трожь!

... второй умер не сразу, и схватившись за острую щепку в глазу, успел выдернуть её и сделать несколько шагов в мою сторону. А потом в толпу камуфлированных латников вломился Дядя Саша с боевым молотом и Слава в обличии нага, весьма ловко управляясь с чужой алебардой.

Враги быстро кончились, но...

– ... живи брат! – орёт окровавленный Анвар, стоя перед Ильёй на коленях, – Живи!

Тот дышит, но еле-еле... а вокруг трупы, трупы, трупы... и в основном – наши.

Из охранников остался в живых только Дядя Саша, хотя близился пересменок и часть сменщиков подтянулась, как это обычно и бывает, пораньше. Больше двадцати обывателей и... Малой, он же Войтек, отрубленная голова которого весело щерится на убитых врагов, стаскиваемых в кучу.

– Порталы, сука... порталы! – взвыл Бугор, не выпуская прижатую к груди отрубленную голову молодого друга, – Спелись! Педералиссимус и игроки... суки, суки, суки!

– Вова, – он шагнул ко мне, ухватив окровавленной рукой за плечо, – снимай, Вова! Снимай и на Ютуб!

– А я... – он только сейчас заметил, что держит в руках

голову, – собираю Совет!

– Новости нерадостные, – мрачно говорил Бугор, стоя перед собравшимися членами Совета и приравненными к ним, – Достоверно установлено, что Педералиссимус спелся с игроками, и скорее всего уже давно.

– Вот и получило объяснение зомбирование солдат, – с каким-то странным удовлетворением сказал Член в Жилетке. Я неприязненно покосился на него, но смолчал – тип это неприятный, но ни в коем случае не плохой. Бывают такие люди, у которых пессимизма, как в переполненном детском горшке, и крышку своего мнения они придерживать то ли не хотят, то ли чаще – не умеют. При этом дельные, работающие...

... но, сцука, всё равно неприятные!

– Игроки и люди в одном отряде, – качнул головой один из членов Совета, – это хреновая новость, и дай бог, чтобы она больше не повторялась!

– Захват пленных мало что дал, – продолжил Бугор, – кроме понимания, что как правильно сказал Игорь Юрьевич – это именно что зомбирование. Товарищ Вова предложил привлечь гоблинских специалистов, но экспертиза вряд ли будет быстрой. Единственное, в чём можно быть точно уверенным – в плен им попадать нельзя ни в коем случае!

– Верно, – подал голос Лёха, сидящий на Совете на правах эксперта по Военному Городку, – Это уже не просто нехоро-

шие звоночки, а полный пиздец!

– Я... – он потёр лицо, – не хочу сказать что военные прям таки няшки, но есть определённые правила игры. Меняющиеся в зависимости от ситуации, да! Но если кто прослужил достаточно долго, алгоритмы этих правил не то чтобы вычисляются, скорее понимаются интуитивно.

– Захват власти в Военном Городке в рамках правил? – поинтересовался Ольга Владиславовна.

– Ну... почти, – кивнул бывший контрактник, – Немного за гранью, но в общем – можно просчитать и при желании – встроиться в систему. А зомбирование и игроки, да ещё в открытую, с попыткой теракта и уничтожением прохода в жизненно важную для нас Локацию...

– Ясно, – бесцеремонно прервал его Бугор, – общий посыл вашей речи мы все поняли, частностями будем заниматься позже.

– Володя! – повернулся он ко мне, – Что там с Ютубом?

– Снял и выложил, – достав планшет, включаю его и захожу на свой аккаунт, – Ого... есть реакция! Летуны написали...

... и почти тут же они позвонили.

Настроив видеосвязь, обсудили ситуацию и решили не отсиживаться в обороне. Всплыла и тема Ютуба.

– ... да не ебать мозги, а подписаться на аккаунт Товарища Вовы! – предложил один из охранников, не лишённый креативности, – Какая-никакая, а связь!

– Один вопрос решён, – принуждённо засмеялся на экране планшета глава Военного Аэродрома, крепкий подполковник с полуседой головой, – осталось решить вопрос с наведением на цели. У нас...

Он замолк, но ухнул, как в ледяную воду.

– ... есть сложности технического характера.

– Ожидаемо, – пробормотал Шелдон, закусывая губу.

– Сколько самолётов сможете поднять в воздух? – подался вперёд Бугор, сидящий перед планшетом по-турецки.

– Поднять все... – лётчик усмехнулся кривовато, – вот с посадкой могут быть проблемы! И с вооружением...

– Ладно, – подполковник оглянулся куда-то назад, – это наши проблемы! Есть, кажется, пути их решения, но к сожалению, не быстрые. Но ситуация и правда скверная, так что обещаем сделать всё возможное. Многого от нас не ждите... но что сможем.

– Совсем всё плохо? – негромко поинтересовался Игорь Юрьевич.

– Плохо? – повторил подполковник, – Нет, не слишком... проблема здесь прежде всего в возможностях игроков. Самозванный генерал не может не знать об авиации, и значит, надеется на своих союзников... или хозяев, тоже очень может быть.

– Что требуется от нас? – спрашиваю у подполковника.

– От вас? Наведение. Количество боеприпасов у нас ограничено, да и фактор игроков нужно принимать во внима-

ние. Нам... – он усмехнулся кривовато, – не привыкать летать по навигатору на телефоне, так что если ваши корректировщики сумеют хотя подобраться поближе к Военному Городку...

Взгляды, и... как же не хочется! Потёр лицо, выигрывая время на раздумья, а потом вспомнил скалящуюся голову Войтека и Прелесть, с такой лёгкостью убивающую сильных врагов.

– Я... предложу им, – выдавливаю из себя, – хотя результата обещать не могу. И... не знаю, как преодолеть проблему привязки телефона к хозяину.

– Привязка? – удивился летун, – Это как раз очень просто! Вы сказки читали? Каплю крови хозяина на телефон, и пока она не высохла...

– Ну элементарно же... – простонал Шелдон, отбив себе фэйспалмом лицо, – и как я... Да, продолжайте!

– Да собственно, нечего продолжать, – пожал плечами пилот, – есть незначительные детали, но это уже скорее для учёных интересно. А практика, она примитивна – кровь на телефон или на любую технику, и пока не высохнет – будет работать в чужих руках.

«На позициях, – пишу двумя часами позже, – жду!»

– Всё, – порядку ради сообщаю парням, – ждём отмашки!

Слава угукает и сворачивается в кольцо, зевая во всю свою змеиную пасть. Рядышком, на тёплой траве развалился Ан-

вар подставив солнцу мохнатые бока и часто дыша с высу-
нутым языком.

В зверином обличи парни быстрее восстанавливаются и (в этом они не признаются) меньше нервничают. Наш марш-бросок в обход Военного Городка по территориям, занятым противником, высосал из нас не столько силы, сколько нервы.

Сокол, Верхний Парк, Каменный Лог, и всё – одновременно спешно и с отводом глаз. Гоблины... те ещё союзнички, но всё же пришли на помощь!

Правда, как по мне, бóльшую роль сыграло не благородство, а нежелание терять столь выгодного торгового партнёра, как Опытная. Ну и во вторую очередь – лицо.

Вот уж кого-кого, а гоблов облагораживать не спешу! Благородство там если и наличествует, то сугубо племенное, для своих. Но...

... союзники, какие ни есть. Лучшие воины и следопыты Союза Племян. Полсотни рыл, от одного вида которых может хватить инфаркт, инсульт и болезнь Паркинсона с эпилепсией. Рожи! С нами.

Отборные мастера засад, художественной резьбы по горлу и подлейших уловок, доступных полудиким племенам. Отравленное оружие, когда одна царапинка – судороги с дикими мученьями и смерть. Да... проверили на крысах, так честное слово – жалко было хвостатых! Но...

... а куда деваться? Ждём...

Сообщение от летунов сбросило сонливость, как и не было. Пищу ответное сообщение и...

– Вова, ты включил? – услышали подписчики.

– Включил, включил, – послышался тихий голос.

– Ага... мы – пикся! – важно заявил кавайный монстрик, – И мы – ужас... Вов, где мы ужас? А... Мы ужас на крыльях дня и ночи!

– И мы несём возмездие во имя луны! – влез в кадр другой зубастый монстрик, – Они меня видят, да?

В камеру влезла мордашка, пытаясь разглядеть спрятавшихся зрителей.

– Бе-бе-бе! – язык оказался длинным, а оттянутые веки сделали дразнилку особенно обидной – по её, пикси, мнению!

– Ильи! Илью ранило, возмездие во имя Ильи несём! – возмутилась третья, выпихнув языкатую подругу подальше от камеры, и добрых полминуты они пискляво ругались в прямом эфире.

– Во имя Ильи, – согласилась наконец лунная воительница, обзаведшаяся подбитым глазом, – Но и луны тоже!

– Мы – пикся! – грозно повторила первая воительница, – Вова, ну скажи им!

– Вы – пикся, – повторил оператор.

– Вот! – повернулась та к подругам, – Грозные! Всё, надоело! Полетели нести возмездие!

– Ух-х! – она воинственно погрозила в камеру кулачком,
и уже другим голосом сказала:

– Ну всё, капай... А потом ТикТок, да? Ты обещал!

Камера взлетела...

... и вместе с ней взлетели МиГи.

Десятая глава

«Мама...» – я плотнее вжался в каменистую замусоренную землю, и кажется даже, попытался зарыться в неё, ломая ногти о мелкий щебень и полуистлевший строительный мусор, перемешанный с почвой. Взрывы, взрывы, взрывы... по спине больно застучали комья земли, бетонное крошево и бог весть, что ещё за дрянь.

«А я ещё хотел понаблюдать... – мелькнула и пропала единственная осмысленная мысль за последнюю минуту, – наблюдатель херов!»

С какого момента всё пошло не так? Наверное, с того самого, как я сам (!) предложил координировать наведение авиации... Или с того момента, когда прибывшие гоблины сказали, что они пойдут под руку Младшего Походного Вождя в этой битве, то есть меня.

Когда, и главное – как я успел стать Младшим Походным Вождём, и каким это образом синхронизировалось со званием Почётного Старейшины, вопрос не ко мне! Не уверен, что в этом есть какая-то юридическая логика.

Очень может быть, даже вернее всего, гоблины решили присоединиться к нам, на предмет ограбить «жирного» противника. А я так... социально приемлемый повод сделать это без дополнительных договоров и всяческой казуистики. Гоблы вроде как и с нами, но отдельно, и могут занимать-

ся своими делами, не слишком отвлекаясь на союзнические обязательства и прочие ненужности.

Но это всё из серии «Хорошая мысль приходит опосля». А тогда, в спешке, не понял не только я, но и, подозреваю, не все члены Совета. Мы горели Местью и Жаждой Крови, и прибытие союзных гоблов воспринято было как нечто, само собой разумеющееся – вроде как закон жанра.

Как-то так всё завертелось, по-дурацки... Опаска прослыть ссыклом, недопонимание, давление обстоятельств и нехитрая, но действенная риторика членов Совета. А сейчас...

«Мама...» – преодолевая страх, приподнимаю голову и пытаюсь увидеть, все ли живы? Все... то есть Анвар со Славой живы, а гоблины... как-то не успел я проникнуться с ним тёплыми чувствами, и по отношению к зеленомордым в башке мелькает циничное «приемлемые потери».

У Анвара верх взял его внутренний зверь, и сейчас из земли торчит только мохнатая жопа с поджатым под самое брюхо хвостом, а из под задних лап бешено летят комья земли. Окапывается, значит... что ж, всё верно делает.

Слава залёг в какой-то вонючей канаве и старательно притворяется шлангом, спрятав голову в какую-то трубу... как бы даже не канализационную! Судя по извивам тела, он пытается пропихнуться дальше, но тушка у него массивная, и оказывается, это не всегда в плюс.

Я же... да всё то же самое, ничем не отличаюсь от ре-

бят! Разве что канализационной трубы нет, а так бы... По крайней мере, нотка зависти по поводу столь качественного покрытия в голове промелькнула, так что...

Не без нотки гордости замечаю, что штаны у нас... у меня сухие, и в кои-то веки завидую второй личине друзей. Удобно, ёпта! Штаны не запачкаешь. Серьёзно – завидно! По крайней мере, в эти минуты, когда под обстрелом в голову лезут мысли о том, как это круто.

Даже если обосрался по какой-то причине, то стоит тебе перекинуться в звериную форму, и всё дерьмо снаружи, а ты чистенький и пушистый... Ну или НЕ пушистый, не суть.

Взрывы, взрывы... какая только хрень не лезет в голову в эти минуты, когда не можешь сделать ни-че-го! Чувство беспомощности – абсолютное, и наверное, потому-то в голову лезет совершенно шизоидная ересь. Подсознание пытается подменить ужас происходящего любой ерундой, лишь бы не сойти с ума.

«Ёбаные летуны! Вечно у них через...» – я снова вжался в землю, истово молясь, чтобы это всё прекратилось. Нет, не Богу... маме почему-то.

Где-то в глубине меня мелькает даже «Прекратилось любой ценой, даже ценой вечного покоя», потому как этот чёртов авиа-налёт для человека неподготовленного (а подозреваю, и подготовленного) – жуть inferнальная! Словами не передать хтонический ужас от взрывов, воя истребителей и вздрагивающей земли, когда тело подбрасывает близкими

разрывами и рядом с тобой, как подросток под экстази, танцует Смерть.

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!»

В голове – мысли о смерти, о маме и том, чтобы всё это побыстрее кончилось, неважно даже – как именно... Когда разрывы чуть затихают, проникают матерные мысли о летунах и их «снайперской» меткости. Я истово их ненавижу... до зубовного скрежета, до трескающейся эмали! Их самих и всю их ёбаную до седьмого колена родню!

Может быть, летают они как боги, но вот стрельбу, бомбардировку и ракетные атаки... такое впечатление – не отрабатывали после училища вообще. Ни разу!

... а потом землю потрянуло вовсе уж жёстко и всё разом прекратилось. Не веря в окончание налёта, приподнимаю голову... нет, всё верно, МиГи, сделав разворот, уходят восвояси.

«Надо...» – заставляю себя подняться, и недавние мысли о пилотах кажутся глупыми и стыдными. До следующего раза...

«Мама...» – шепчет внутри меня кто-то очень маленький и слабый.

– За мной парни! – подрагивающим голосом кричу я и делаю несколько шагов вперёд. Земля качается под ногами и приходится прилагать усилия, чтобы нормально держаться на ногах, – Вперёд, или вы думаете жить вечно?!

Первой отозвалась мохнатая жопа... несколько мгнове-

ний, и оборотень вылез из свежееоткопанной норы. Пригибаясь к земле и идя противолодочным зигзагом, он рванул вперёд, к пролому в стенах Военного Городка.

За ним, скользя чешуйчатым телом по перепаханной снарядами земле, заскользил Слава, и только потом встали гоблы и потрусил вперёд. Мельком отмечаю, что набедренные повязки у некоторых из них того... потяжелели.

«У большинства» – насмешливо вякнуло подсознание, не желающее вспоминать недавнюю зависть к Славкиной канализационной трубе и отсутствию штанов. Не обосрался же! Герой!

Не обосравшийся герой, как и положено командиру, бежит позади в почти сухих штанах, руководя и направляя.

«Откуда во мне этот пафос?!» – за недавние слова стыдно до невероятия, хотя кому какая разница... А вот стыдно, и всё тут!

За пренебрежительные мысли в адрес гоблов, к слову, ни стыдно ни капельки. Скорее наоборот, в моей полукровной душе бамбуковым лесом прорастает шовинистическое свинство к «понаехавшим» союзникам.

– Вова! – ко мне на голову упала Прелесть, пахнувшая порохом и огнём.

«Запах гвардейской ленты» – подсовывает странноватую ассоциацию подсознание.

– Ты видел? Нет, ты видел? Мы – ух-х!

Сплясав на голове подобие ритуального танца, сопровож-

даемого фразами наподобие «Мы – вж-ж, а они ка-ак – бух! А потом – яма! А я... нет, ты видел?!», Прелесть сильным толчком подкинула себя в воздух и полетела вперёд, уже под отводом глаз.

Где-то там, со стороны Быханова сада, слышатся звуки боя, и очень серьёзного. Выстрелы из пушек и крупнокалиберных пулемётов, разрывы мин и гранат, автоматная стрельба и прочие признаки близкой войны. Ветер приносит маслянистые, едкие запахи пожара, сторающего пороха и прочей военной химии. Разыгравшаяся фантазия услужливо подкидывает, что в этом дыму могут быть частицы сгоревшей человечины, отчего хочется блевать. Ёбаная психосоматика!

Бой продолжается, и Прелесть с Лапочкой в самой его гуще...

От этого болит сердце и ощущение собственного скотства давит, гнетёт и всячески довлеет. Приходится напоминать себе, что они взрослые пикси, существа ни разу не травоядные... помогает слабо.

Пробежав полсотни метров, падаю, держа в одной руке автомат, а в другой планшет, закрывая его своим телом и молясь, чтобы неизвестная, но очень меткая падла, стреляла не в меня.

– В гоблов стреляй, сука! – шепчу неистово, вжимаясь в землю, – Их много, не жалко! Одним меньше... не в меня! Не в меня!

Прижавшись к земле, переживаю обстрел, пока Слава не влетел в пролом стены, тараня огромной башкой некстати взявшегося стрелка. Несколько секунд смертельного танца рептилоида, и путь чист.

– Вперёд! – снова показываю пример, стараясь не обращать внимания на боль в ушибленном колене. Два или три гобла остались лежать, остальные просачиваются в Военный Городок, разделяясь на три группы.

Десяток гоблов со мной в качестве прикрытия, остальные поровну делятся между Славой и Анваром. За исключением погибших, разумеется...

Остро не хватает нормальных бойцов, но увы – тот случай, когда в жизнь вмешалась политота. Мы – вольный отряд, и часть Совета полезла в залупу, не желая отдавать чужакам своих бойцов под начало.

Наверно... да даже скорее всего, можно было договориться, но в залупу полезли уже мы, все трое. Ну да, и так на нервах, а тут ещё политику вздумали прокачивать местные активисты! Нашли, блять, время!

Как по мне, обе стороны зря так поступили, но Раскол между нами и Опытной прошёл. Теперь мы окончательно Вольный отряд, и значит, действовать будем, исходя из собственных интересов.

– Блядь... – выплёвываю слова вместе с землёй и пылью, поднимаясь с земли после очередного падения, – какая только херь в голову не лезет!

Сплюнув ещё несколько раз, свистом привлекаю внимание гоблов и жестами показываю порядок действий. Не сразу, но соображают, обтекая стоящие на обочине дороги автомобили, один из которых догорает, весело чадя чёрным, вонючим пластмассовым дымом.

В Военном Городке зеленошкурые выглядят настолько чужеродно, насколько это вообще возможно. Даже шаманский отвод глаз помогает слабо, будто сам Дух Военины восстал против диверсантов в грязных набедренных повязках. Ни тебе ублажающих начальственное сердце подворотничков, ни начищенных берцев, и вообще – не в ногу, мать их, крадутся!

– Володя? – выглянула из открытого окна первого этажа смутно знакомая полноватая женщина, пахнувшая духами, потом и краской для принтера, – А ты что здесь...

Один из гоблов мгновенно ударил её копьём в горло и тут же присел, а двое его товарищей, оттолкнувшись от ссутуленной спины, влетели в помещение. Несколько секунд...

... и в оконном проёме показалась оскалившаяся рожа гоблина.

– Вот так и живём, – бормочу вслух, подтягиваясь и переваливаясь через подоконник. Какое-то офисное помещение... не важно! Пытаясь не обращать внимания на угрызения совести и трупы вольнонаёмных, располагаюсь с относительными удобствами.

Разрываюсь между необходимостью хоть как-то коорди-

нировать боевые действия, и собственной безопасностью. По-хорошему, сейчас нужно провести зачистку здания или хотя бы этажа, но...

... сидим. Гоблы нарисовали кровью убитой женщины какие-то кракозябры на двери и дверном косяке, и поймав мой взгляд, кивают успокаивающе. Дескать – не дрейфь, Товарищ Вова! Морды у них спокойные, так что стараюсь держать морду лица невозмутимой.

... а в голове раз за разом встаёт «Володя? А ты что здесь...» Потом... потом буду есть себя поедом и просыпаться от кошмаров, а пока – некогда! Сука-война...

Едва я успел ухватить ситуацию на планшете, донеслись звуки миномётного обстрела со стороны «Малибу», а потом глухо ахнул чудовищной силы взрыв, качнулась земля под ногами, и заправка «Лукойл» на Терешковой прекратила своё существование.

«Война – ни разу не романтично, – мелькает в голове непрощенная мысль, – вот совсем!»

Успеваю смотреть в телефон, координируя пиксей по прямой связи.

– Сестрёнка, вокруг Анвара кругами полетай! – кричу в телефон, и несколько секунд бешено пялюсь в экран – верно ли она меня поняла?!

«Двойка с минусом за такое планирование... Всем» – грызу себя поедом, видя всё новые и новые косяки в планировании операции.

Сестрёнка поняла верно, и через несколько секунд я смог увидеть волка, пробирающегося к шестой поликлинике по всем правилам разведки. По-пластунски, зигзагами, прижимаясь к стенам домов и прячась в воронках. За ним приданный отряд гоблов под отводом глаз, грабить.

Аптечные склады, медицинское оборудование, а по возможности – выкрасть медиков. Любых! В наших условиях человек, способный грамотно сделать перевязку и вколоть укол в вену, а не только в жопу – на вес пусть не золота, но жизненно необходим. Буквально.

А человек, который прошёл какое-никакое обучение, и может не просто делать сам, но и (что важнее всего!) учить других – ценность стратегическая. Объяснить, почему именно так, а не иначе, поделиться опытом, накопленным на сотнях и тысячах пациентов, а не только на ком-то из домашних десять лет назад.

Медики, биологи-зоологи, ветеринары (вот уже где кладёшь талантов!), химики... любые! Берут спившихся, сторчавшихся, с поганим характером, с нетрадиционной ориентацией...

Пару раз корректирую движение Анвара, успевая заметить через телефон отряды противника и...

... стискиваю зубы, видя устроенную гоблами засаду на военных. Два десятка зеленошкурых, разом мечущих отравленные дротики из невидимости, это очень, очень серьёзно... С расстояния в двадцать пять метров гоблы не умеют

промахиваться.

– Как-то всё это не правильно, – шепчут мои помертвевшие губы, а совесть не вовремя напоминает, что погибшие – свои, и что они под воздействием психотропных препаратов и ментальных техник, но...

... а куда деваться? Если здесь и сейчас мы не остановим новоявленного Наполеона с усиками, будет гораздо хуже. Не мы начали первыми, а игроки много поганей гоблов... но эта мантра помогает слабо.

Особенно когда вспоминаются глаза зеленошкурых, озирających Военный Городок. Для них это Эльдорадо, да не мифическое, как для конкистадоров, а самое настоящее. Вот, осколки стекла, шторы, полосы металла, пластиковые фигурки из киндер-сюрпризов... сокровища! Они вернутся, они непременно вернутся...

А с другой стороны – игроки, для которых мы все – неписи. Бета-тестеры, ломающие нашу реальность под игровые нужды.

В короткой стычке умирают не только военные, но и гоблы. Кто-то из убитых военных успевает нажать на спусковой крючок вслепую, кто-то уже стал обладателем магических способностей и увидел пусть не самих гоблинов, но какое-то странное марево, спрятавшееся за грузовиком. Размен...

Разрешение на камере телефона неважное, видны только

крохотные фигурки убитых, которых гоблы деловито раздают догола. Поговорка «Что с бою взято, то свято», читанная в каких-то книгах до Апокалипсиса, приобретает новый смысл...

... так – неправильно! Правильно, это когда грабим мы, а когда нас – это подлое мародёрство!

– Мы – пикся! – деловито сообщает Прелесть зрителям прямого эфира писклявым голоском, – Мы – репортаж! Это всё мы, мы, мы! Мы – ужас! Да, Вова?

– Ужас, – послушно отзываюсь я, и кусая губы, переключаюсь на Чудо и Славу, у которого к змеиной башке скотчем примотан телефон.

– Слава, в полусотне метров от тебя по левую руку БТР в засаде, как слышишь?

– Слышу нормально, – отзывается тот, – БТР по левую руку, понял тебя!

Снова переживаю о всякой ерунде, мучительно пережёвывая «по левую руку», сказанное змею. Глупо, но унять себя не могу, такая вот странная форма мазохизма. Вроде как наказываю себя за то, что не участвую непосредственно в бою...

Короткие переговоры рептилоида с пиксей, и деловитая малявка под невидимостью цепляет к боевой машине термитную шашку. Удачно... то есть для нас удачно, а для экипажа не очень.

Крутанувшись на пяточке и выпустив вслепую несколь-

ко очередей, экипаж выскочил наружу из горящей машины, прямо под отравленные дротики гоблинов. Взрыв...

... и пятерых гоблов разметало смертной гранатой, припасённой одним из членов экипажа.

Слёзы на глаза не то что навернулись... брызнули! Закусив до крови губу и часто смаргивая, продолжаю координировать бой. Потому что иначе – всё зря...

Знаю, что сейчас должны ударить Сокольские, а потом, скорее всего (но это не точно!) на выручку Педералиссимусу придут Центровые, и тогда летуны поднимутся ещё раз, выметая мусор.

Время, время... на стене висят электронные часы, и секунды на них тянутся размякшей на жаре жвачкой, прилипшей к подошве кроссовка. Медленно, тягуче...

– Есть! – неистово орёт Анвар, – Нашли!

Он в больнице, а точнее – в аптечном складе при ней. На захват больницы у нас не хватит ни сил, ни (что точнее) – совести. Это какое-то запределье, воевать с медиками...

Слава со своими раскладывает термитные шашки в стратегических местах. Как и положено – с замедлением, чтобы успеть убраться до того, как опомнятся военные. Комариный укус на общем фоне, да и военные оказались не настолько уж бестолковыми. Как ни крути, а мы на их территории, и всё здесь застроено согласно Устава!

Отряды гоблов тают, как кусковой сахар в кипятке, но результат...

... рыкнув мотором, от больницы отъехала грузовая машина, доверху нагруженная коробками, как я понимаю – с лекарствами. Там же, под охраной гоблинов, две напуганные женщины в белых халатах, прихваченные хозяйственным кавказцем.

– Время, Слава, время! – кричу в телефон, – уходи!

– Нашла, Вова! – влетевшая в окно Милашка говорит на утроенной скоростью, мечет глазами молнии и размахивает ручками. Не сразу понимаю, что она говорит...

– ... Пирога нашла! Пойдём?! Вова? Пойдём?!

Она зависла перед моим лицом, с детской надеждой глядя в глаза, а я...

... не знаю, как быть. Это тот самый случай, когда как не поступишь, а всё равно – плохо! Как командир я должен...

– Пойдём! – киваю решительно, – Далеко?

– Да! – оборачиваюсь к гоблинами, – Вы свободны!

Не сразу, но удаётся втолковать им, что операция закончена и им пора возвращаться домой в Локацию. Оскалив зубы, оставшиеся в живых пятеро зеленошкурых трясут головами в знак того, что поняли, и удаляются в закат...

... то бишь к не такому уж далекому пролому в стене.

«А разговоров-то, – глядя вслед им, думаю я, – Младший Походный Вождь, честь Народа Гоблинов... грабительский набег как есть!»

Сказать, что они нагружены как ишаки, это не сказать ничего! Груза столько, что они то и дело выпадают из неви-

димости, что выглядит до невозможности странно. Какие-то помехи в пространстве, будто рябь в телевизоре, на миг появляются фигурки и тут же пропадают. Будто...

– Да тьфу ты! – вытряхиваю из башки невесть откуда взявшиеся мысли и понимаю, что стал лучше соображать.

– Слава! – кричу в телефон, – Отправляй своих гоблов по домам и дуй ко мне!

Проговариваю свои координаты – благо, разошлись мы не так уж далеко. Территория Военного Городка невелика, а мы благоразумно не вклинивались в глубину. Так... ножки помочили на чужой территории. По щиколотку.

Пару минут спустя Слава подполз ко мне и тут же перекинулся в нага, вопросительно уставившись немигающими глазами с вертикальным значком.

– Пирог, – отвечаю коротко, – Чудо на него наткнулась, будем вытаскивать.

Его согласия не спрашиваю, тему мы обсуждали много раз и всё давно обговорено. Даже если Слава не питает к Серёге таких уж тёплых чувств, чтобы рисковать шкурой ради спасения бывшего командира, есть ещё такая штука, как взаимовыручка и вклад в будущее. Отряд, члены которого стараются вытаскивать друг друга из любой жопы, априори крепче и надёжней классических наёмников, собирающихся вместе только ради денег.

– Нужное дело, – одобрительно кивнул рептилоид, опираясь на алебарду, а я в очередной раз пообещал себе уточ-

нить – куда же она девается при обороте... – а гоблов зачем отпустил?

– Толку от них, – ксенофобски морщусь, на что Слава вскидывается было, приподнявшись на змеином хвосте к самому потолку, и тут же почти опадает вниз, проявляя на морде задумчивость.

– Хм...

– Вот и я о том же, – киваю многозначительно, хотя решительно не понимаю ход мыслей рептилоида, логика которого не раз и не два ставила меня в тупик ещё во время бытия прапором. Но...

... кажется, всё-таки понял.

– Тоже заметил? – гляжу с прищуром на Славу, – Ушли, и башка стала работать нормально!

– Да-а... – медленно протянул он, – есть такое дело. Я думал, это просто стресс. Думаешь...

– Не будем спешить обвинять их в злокозненности, – перебиваю его, – скорее всего, просто фоновое воздействие их артефактов. Они же, сука, как ёлки новогодние! Шаманы, мать их, херовы!

– А нам по мозгам шарахнуло, – кивнул он мрачно, – Да-а... союзнички!

– Шарахнуло крепко, – соглашаюсь я, – тоже на стресс списывал. Ещё, сука, ксенофобия пробудилась... у меня-то!

– Естественная реакция психики на раздражитель, – с видом Зигмунда Фрейда закивал рептилоид, – фоновое воз-

действие и... понял, молчу!

– По Пирогу, – выдыхаю с шипеньем спускаемого колеса, пытаюсь выпустить заодно весь негатив, будь то фоновый или собственный. Понятно, что артефактами гоблы увешались в том числе и ради фонового магического (или духовного, раз уж они шаманы) излучения, без которого они не смогли бы долго протянуть вне Локации.

А получилось как всегда... нехорошо получилось.

– По Пирогу, – повторяю ещё раз, собираясь с мыслями и открывая карту на планшете, – Милашка говорит, что он здесь.

– Он – там! – пикся тыкает пальцем в нужную сторону за окном, глядя на меня, как на душевнобольного. Вздохнув, обещаю себе объяснить им (по крайней мере – попытаться!) концепцию карты и...

... и снова вздыхаю. Объяснять, помимо карты, им нужно очень и очень многое. Удастся ли...

– Часовых беру на себя, – говорю с уверенностью, которую не испытываю и постукиваю пальцем по виску, – хоббитские способности разархивировались. Ну и помощь пиксей лишней не будет.

Слава кивает согласно, и хотя я вижу, как его одолевают сомнения, он оставляет их при себе. Несмотря на все испытания последних недель, «псами войны» назвать нас нельзя даже с большой натяжкой. Не хватает ни знаний, ни практического опыта, ни психологической подготовки.

... сердце колотится так, что подкатывает к самому горлу, давление разламывает голову в висках.

«Я невидим, – повторяю как мантру, – меня нет, я часть Военного Городка...»

Шаг за шагом иду у стеночки, старательно не глядя на попадающихся солдат и прапоров. Благо, в этой части Военного Городка их мало по очевидной причине, а гражданские сидят по домам, не высовывая носов.

Взгляды обтекают меня... или проходят насквозь, я не разобрался ещё толком, как работает хоббитянский отвод глаз. Знаю только, что штука эта многослойная и очень надёжная, недаром половинчики вполне успешно живут среди Верзил, и отнюдь не данниками! Так, по крайней мере, было в моём виртуальном детстве...

«После налёта авиации я ожидал больших разрушений» – мелькает в голове совершенно неуместная на этот момент мысль, и хотя я пытаюсь выкинуть её прочь, глаза начинают фиксировать все несоответствия. На стенах следы пуль и снарядов, мостовые и тротуары местами в ямах, но в общем и целом складывается ощущение, что это был не авиа-налёт, а скорее миномётный обстрел, притом не «Градом», а максимум 82-мм.

Нет, местами посильней, кое-где видны обрушившиеся стены домов, но в целом впечатление складывает такое, что налёт не слишком-то удался. Или я ничего не понимаю, и ле-

туны не пытались разрушить инфраструктуру, а били и исключительно по бронетехнике и скоплению живой силы противника?

Ой, вряд ли... Как бы в таком случае комья земли и бетона долетали до нас, когда мы ещё находились метрах в двухстах от Военного Городка?

«Магия...» – и во рту становится кисло. Как-то это... неправильно, да! Правильно, это когда у нас есть пикси и прочие чудесатости, а противник должен быть страшен с виду, противен, вонюч и подл, но непременно легко побиваться!

Над некоторыми домами виднеется что-то вроде радужной плёнки, если приглядываться Истинным Зрением. Буквально на грани видимости, и я даже не уверен, что это мне не кажется. За последнее время насмотрелся на случаи самовнушения по самое горлышко, с лихвой! Так что...

– Ты-ы... – ударило меня в спину звуковой волной, и я развернулся, выставив перед собой невесть откуда взявшуюся совну. Бешено скалясь, ко мне шагнул седой эльф с полуторником, красиво прокручивая клинок одним запястьем.

В левой руке его появился странный конструктор, похожий немного на Кубик Рубика, грани которого сияют мягким светом. Миг... и конструктор начал разворачиваться, раскидывая солдат в стороны – так, будто в них на полном ходу врезался грузовик!

– Только ты и я... – выплюнул игрок, – не уйдёшь, недо-

мерок! Тебе тогда повезло...

Конструкт тем временем разворачивался, окружая нас каким-то подобием силовых полей и ломая угол дома, попавшего под воздействие плетения. Страшно закричал молодой прапорщик, ноги которого вмяло в асфальт...

... но кричал он недолго. Пара секунд, и с хрустом лопнула коротко стриженная голова, а секундой позже от военного осталось только пятно на асфальте, равномерно размазанное на десяток метров в длину.

– Больна-а... – тоненько закричала Чудо, и я увидел, как её отбросило в сторону... не всю, ниже колен не осталось ничего, только окровавленные ошмётки плоти. Славка с невероятной скоростью метнулся вперёд, подхватывая пикси, и сам отлетел в сторону – живым. А вот насколько целым...

Ещё секунда, и поле, окружающее нас с эльфом, будто сгустилось. Люди и нелюди за его пределами замедлились в десятки, а потом и в сотни, в тысячи раз. Всё ещё падает Слава с Чудом на руках, не отрывая горящих ненавистью глаз от седого эльфа, всё ещё сползает по стене безжизненной куклой молоденький срочник...

– В спину, – презрительно бросил эльф, снова крутанув полуторник одной рукой, – ты и тебе подобные можете бить только в спину. Ничтожество! Ты и подобные тебе не знаете Чести...

– ... подлые существа, только и способные бить в спину!
«Повторяешься» – мрачно подумал я, стоя перед эльфом

и ощущая себя гладиатором-новичком, которого на потеху публике выпустили с кухонным ножом против разъярённого льва.

Он выплёвывал пренебрежение и очень красиво крутил мечом, а я...

... готовился сдохнуть. Потому что это, сука, прокачанный игрок, а я – непись, который знает фехтование только по роликам на Ютубе и кривовато разархивированным записям виртуального детства кендера-полукровки в посёлке хоббитов.

Эльф снова крутанулся, как профессиональный ушуист на показательных выступлениях, и припав зачем-то на одно колено, обрушил на меня удар полуторника, а я...

... блокировал его. Судя по лёгкому удивлению эльфа – не должен был. В принципе.

Потом блокировал ещё раз, и снова, снова... Я ухожу из-под ударов скольльзящим шагом, мешая боксёрские умения и навыки, вбитые в деревенском ополчении. Ухожу потея, нервничая, в последний момент... но всё-таки ухожу. Руки потные, ноги дрожат, но я, сука, даже не ранен!

Взрыв в воздух, игрок развернулся в красивом пируэте и обрушил удар меча на то место, где только что стоял я. Почти балетный разворот с перехватом меча и красиво развевающимися волосами, и некрасивое, но вполне действенное парирование клинка титановой трубой с моей стороны.

Меч проскрежетал по металлу, содрал часть изоленды, что

вызвало у меня подспудное раздражение. Синяя, между прочим!

Я сам понимаю, что всё моё невеликое умение не идёт ни в какое сравнение с отточенным, филигранным мастерством игрока, но раз за разом лезвие клинка натывается то на перекрестья арматурины, то на титановую трубу, то на несуразный клинок совны. Лязг, совсем не кинематографический скрежет, иногда искры...

Это всё неправильно. Так не должно быть. Я понимаю это, понимает противник... а через минуту субъективного времени я начал не просто парировать, а отвечать!

Выпад... эльф красиво заблокировал его, напрягая канаты тугих мышц... но я не стал ввязываться в силовую борьбу, а крутанув совну, заточенным концом крестовины-арматурины разодрал ему ладонь и отступил на несколько шагов. Не сильно разодрал... кажется. Но точно – болезненно, да и влажная от крови рукоять меча не способствует крепкому хвату.

– Ах ты... – начал он, будто отыгрывая роль опереточного героя, а я...

... понял. Они же, суки, играют! Зрители, рейтинг, необходимость не просто побеждать, а непременно – красиво. А ещё – ставка на уникальность, эпичность и легендарность оружия, на критический удар и вбитые Системой навыки.

А меня – просто тесачина, насаженный на титановую трубу. Не уникальное, легендарное или эпическое оружие. Без

возможности нанести критический удар, не подсказывающее своему хозяину движений и уже тем более не направляющее его руки точно в цель.

Обычная железяка, уместная в мире Постапа и...

... каким-то образом она обнуляет все эпика, легендарки, криты и прочие возможности Системы. Тоже ведь – эпик... в своём роде.

На моё лицо выползла кривая ухмылка и...

... выпад! Эльф отбил его, крутанувшись в красивом танцевальном пируэте, перебрасывая меч в другую руку. Снова лязганье железа и в глазах игрока я вижу нарастающую панику, неуместную для условно-бессмертного существа.

Ухмыляюсь так, что губы едва не раскалывают череп, отчего эльф начинает паниковать ещё сильнее.

«Почему он боится?» – потом разберусь...

Отбросив все мысли, я парирую, атакую, активно перемещаюсь и всё больше и больше начинаю понимать стиль игроков. Понимать... и подстраиваться.

Эльф всё так же грациозен и бабочкой порхает по площадке размером в половину школьного спортзала. А жалю – я!

Ошибка, ещё одна ошибка... увернувшись от размашистого удара, делаю шаг вперёд и коротким уколом дотягиваюсь до шеи эльфа. Буквально в последний момент он ухитряется извернуться и парировать укол, пытаясь хитрым финтом вывернуть оружие у меня из рук.

Не ввязываясь в борьбу, по-простецки бью его стопой в

колени, а когда он непроизвольно согнулся, ослабив хват на оружии, перехватываю совну и режущим движением поло-ую по шее! Увы, не насмерть, но по шее отскочившего игрока потекла струйка крови...

... и к слову, разодранная ладонь у него тоже не хрена не зарастает! Знаю по роликам с Ютуба, что эти падлы, особенно высокоранговые, регенерируют чуть ли не на глазах, а тут – кровь всё ещё течёт, не думая останавливаться.

«А, игры со временем...» – успеваает сообразить мой мозг, поймав взгляд всё ещё падающего Славы и кричащей от боли пикси.

Эльф сильно хромает и начинает биться осторожней, без шаолинской акробатики. Если бы он дрался так с самого начала, меня накрыло бы пиздой в первые полминуты! Поздно, сучонок...

Хочу сказать ему что-нибудь пафосное, но останавливаю себя. Сейчас не подойдёт даже brutальное «Готовься сдохнуть, тварь!»

Я просто перемещаюсь по площадке, не ввязываясь в противостояние, и всё время держу его в напряжении. И жду – ошибки, усталости... чего угодно!

Короткая заминка... окровавленная ладонь игрока при очередном финте соскользнула с рукояти меча, и я тут же делаю шаг вперёд. Нехитрая комбинация с уколом и ожидаемым парированием... вот только на этот раз я ввязываюсь в силовую борьбу.

Укол... лезвие совны пробивает эльфийское горло, и он, выпустив меч, крепко вцепляется окровавленными пальцами в синюю изоленту на трубе. В глазах смертная тоска, необычная для игрока, а я...

... думать буду потом. А сейчас, отпустив совну, выхватываю из ножен на бедре нож и без замаха бью в пах. Раз, другой... эльф отпускает совну и вцепляется в нож.

Нож на себя... ладони игрока порезаны.

– Постой! – умоляюще булькает он, – Я...

Я режу ему бедренную артерию и снова вгоняю нож в пах, а потом – в горло, и – как барана! Зачем-то отрезаю ему голову, и понимаю, что да – хочу её над каминной полкой, можно даже – метафорической.

Конструкт из силовых полей...

Ну или магических, один чёрт!

... по-прежнему окружает нас, и глянув на всё ещё падающего Славу с Чудом на руках, начинаю сбор трофеев. Не затем даже, что надо, а скорее занять руки, пока голова будет думать.

Раздеваю эльфа буквально догола, не столько даже от жадности, сколько руководствуясь роликами с Ютуба. Ага... теми самыми, где потрошат дохлых игроков, указывая на анатомические различия, рунные татуировки и прочую еботу со спрятанными в жопе артефактами.

Выживальщиков, наконец-то попавших в свою стихию и резвящихся с улыбкой маньяка, на просторах Постапокалип-

тического мира довольно много. Как это ни обидно для кендера славянских кровей, лидирует отнюдь не Россия. Янке-сы, чтоб их... там целый культурный пласт вокруг выживальчества сложился, точнее даже – пласты.

Да и с оружием много проще, причём как с покупкой, так и с применением, тренировками и прочим. А у нас... в Липецке перед зомби-апокалипсисом ни одного тира не осталось, все позакрывали.

Единственное стрельбище где-то на Силикатных озёрах, но там одно членство пять штук в год стоило. Аренда дорожки и прочие услуги – отдельно. Не для рядового гражданина удовольствие.

Подозреваю, что где-нибудь в Афганистане приход Апокалипсиса и Системы если и изменил жизнь местных, то не всегда в худшую сторону, да и с выживальщиками там ситуация ещё более интересная.

Но «Это другое», негласное соревнование с Западным миром в некоторых головах осталось даже после фактического уничтожения человечества. До сих пор у некоторых «пикейных жилетов» на Опытной пуканы бомбит, потому что «Гнилая Гейропа» не сгинула в одночасье, а всё ещё существует, притом с осколками государственности. Казалось бы, какое тебе дело... а оказывается, есть.

«Люди странные!» – мелькает привет из виртуального детства в хоббичьей деревушке и я-человек соглашаюсь с собой-кендером.

Порядку ради пытаюсь снимать всё на планшет, но у него то самое состояние, когда непонятно даже, работает ли техника вообще. Глючит, тормозит, появляются и исчезают новые значки, прямо на глазах меняется интерфейс.

– Эльфа грохнул, – сообщаю хриловато на камеру, демонстрируя помолодевшую морду лица, весьма простецкую, несмотря на заострённые уши, – сегодня я его уже убивал...

Обхожу эльфа вокруг, показывая его крупным планом. Дальше рассказываю историю нашей первой встречи и предысторию поединка, поглядывая постоянно на барьер, который, сука, никуда не делся!

Всё так же падает Славка, прижимая к себе пикси, всё так же сползает по стене срочник. Их тоже снял... особое внимание на пикси, крик которой, кажется, пробивается сквозь застывшее время. Ошмётки ножек, горящие ненавистью глаза Славы...

Меня потряхивает, но стараюсь сдерживаться. Не хватало ещё заистерить, и тогда мне точно кабздец настанет!

Потом снимаю прапорщика-пятно и срочника, бесконечно долго сползающего по стене. Акцентирую внимание на том, что это сделал союзник Педералиссимуса, потом немного информации о «кшатриях» и ментальной обработке личного состава. Глядишь, кто-нибудь и передумает вступать с игроками в союзы...

Потом мародёрю – с чувством, с толком, с расстановкой, пытаюсь разглядывать каждую вещицу Истинным Зрением,

заодно снимая её на камеру. Фонит всё, а вот с пониманием сути этого фонения много хуже – то вижу, то не вижу, то внезапно – просто знаю... Но чаще – не знаю, не вижу и не понимаю!

В общем, ересь, но старательно действую по регламенту, частично знакомому по всё тому же Ютубу, а частично – по рекомендациям Шелдона и советам Славки.

– Хуй его знает, запишется ли, – останавливаюсь ненадолго, потому как заниматься работой, которая скорее всего окажется best of – ну о-очень лениво.

– Ладно... – всё-таки пересиливаю себя, – буду считать это генеральной репетицией!

Продолжаю раздевать эльфа и пялится на его вещи, старательно описывая свои ощущения и виденья. Всё правильно, всё нужно и...

– ... не ввали, – безглаголиво отбрасываю тряпочку и тщательно вытираю руки, – действительно – три яйца!

Щупал я его не из любви к мужским гениталиям, и даже не из-за желания проверить виденное в интернете. Просто (если верить всё тому же интернету), игроки размещают татуировки, а то и артефакты, в очень странных местах. Игровая условность позволяет.

В таких вот потаённых местечках вживляются порой ну о-очень дорогие и полезные артефакты. Обычно в виде пирсинга, но бывает всякое. Рассказывают даже... но нет, бред... точно бред. Даже повторять не хочу. Проверять тоже!

Осматривая гениталии и буквально конских размеров член, я думал не столько о закомплексованности и настоящем размере полового органа убитого игрока, сколько о прочих странностях.

Агонизируя, остроухий обделался, и это ещё один фактик в копилку странностей. Не бывает такого, если верить Ютубу! Это одна из особенностей игроков – лёгкая смерть. Лёгкая и чистая. А тут... изо всех естественных отверстий на стекло, да ещё этот страх, очень необычный для существа, способного умирать десятки раз в день.

– А может быть... – я замер, – у них есть какие-то лимиты? Допустим – не больше определённого количества смертей за промежуток времени, в противном случае у игрока в условной капсуле мозг прекращает функционировать.

Как вариант – артефакт этот, очень непростой, если судить по остановленному времени на отдельно взятой территории. Тоже что-нибудь... несовместимое.

– Окончательная смерть? – покатал я слова, всё больше понимая, что скорее всего, моя догадка близка к истине и значит, наткнулся я на ох-хренительно важную тему!

– Любой ценой... – в голову полезли штампованные фразы с обрывками кинофильмов «Про Войну» и комиссарами, проникновенно глядящими в глаза с целлулоидной чёрно-белой плёнки. Но глянув ещё раз на Славу с Чудом, я понял – не любой... Совсем не любой. В приоритете у меня спасение их жизней, а человечество в целом всё-таки на вто-

ром.

За себя не слишком переживаю, хоббитянский отвод глаз и кендерские умения, в том числе расовые, заточенные как раз под проникновение и съёбку, дают гарантию благополучного исхода, близкую к процентам этак восьмидесяти-девятости при худших раскладах.

– Сука-а... – тяну с тоской, глядя на кучу намародёренного. Оружие и доспехи дорогушие даже на первый взгляд, но не утяну. Артефакты ещё дороже, но Истинное Зрение видит что-то вроде кровавой дорожки, связывающую эту чёртову бижутерию сдохлым хозяином. Не знаю, что это, но походу, что-то типа привязки, и лично мне ссыкотно не то что примерять их, но и даже трофеить.

– Ёбнет? – примеряюсь глазами к куче бижутерии, – Или не ёбнет?

Решаю не экспериментировать, оставив трофеи лежать на асфальте. Кошелек, монет и тому подобных безопасных ништяков нет. То ли не выпали, то ли не было изначально, то ли неписям не полагаются такие вкусняшки. Лежат сейчас, может, на асфальте, но я ни подобрать их не могу, ни увидеть!

Более-менее безопасно могу затрофеить только доспехи, одежду и... да пожалуй, всё! Оружие и бижутерия фонят так, как будто их достали из Чернобыльского могильника. Возможно, и даже скорее всего, снять привязку не так уж и трудно, но я таких методов не помню, а интернет у меня сейчас

не работает.

– С-сука... – невольно сглатываю слюну, оглядывая бесполезные трофеи, – Если сдать их на Опытной по минимальной цене, через перекупов, можно всей командой месяца три мажорить!

С отдельной тоской поглядываю на браслет, самоцветный рисунок которого подозрительно напоминает Кубик Рубика и силовое поле, продолжающее таинственно мерцать вокруг меня, дохлого эльфа и кучи бесполезных сокровищ. Штука, опасная и подозрительная, как мина, поставленная на неизвлекаемость...

... и жопа в том, что играть с ней в сапёра мне придётся в любом случае.

– Сука! – от бессильной злости пинаю дохлого эльфа, а потом ещё раз...

Сев на асфальт, гляжу в сторону Славки, который если и сдвинулся за это время, то максимум на пару сантиметров, и отключив планшет, обхватываю голову руками. Мыслей – никаких! Пытаюсь раскочегарить очаг воображение и полёт фантазии, но – ноль! Зеро! Пусто!

Башка после боя пустая и всех мыслей, так только о тёплом асфальте, на котором хорошо сидеть, да о том, что мне хочется пить. Вода есть, но неполная литровая баклажка, это ни о чём!

Сидеть так, дожидаясь разрядки артефакта, можно долго... а если не разрядиться в ближайшие час-два? А если не

разрядится и за сутки? Он, может быть, рассчитан на разрядку по нормативам внешнего мира, и пока он разрядится, я тут к хуям мумифицируюсь!

– Блять... – опираясь на совну, встаю... и наконец понимаю, что ничего не понимаю! Совну я оставил со Славкой, когда пошёл вперёд под отводом глаз, и каким это чудесатым образом она оказалась у меня в руках, это...

– Надо подумать, – в голове вспыхивает лампочка, но, сцука, тусклая. Вреён Ильича, – Так-так-так... призвал? Похоже на то...

Положив совну на асфальт, несколько минут всячески пыжусь, пытаюсь призвать её, увидеть... Ничего, только глаза от постоянного пученья заболели.

А потом сделал к оружию пару шагов, да протянул руку...
... и оп-па! В руке.

– Я не дотянулся... – бормочу лихорадочно, – я точно не дотянулся!

Но теперь я верю... нет, Верю! И Знаю. Могу. Через пару минут и вправду смог, счастья-то было...

– Ага, ага... – снова сажусь на асфальт, и ситуация уже не кажется столь безнадёжной, – как там... Пачка... нет, начатая пачка диетических картонных хлебцов и...

Вспоминаю всё ту хероту, с которой уходил из Натахиной комнатухи. Еда, вода... старательно тяну руку, прикрыв глаза и пытаюсь в мельчайших подробностях представить ту самую бутылку воды, которая волею Системы стала

неразменной...

– Получилось! – отвинтив пробку, выпиваю добрую половину, и испугавшись чего-то, убираю её – также, прикрыв глаза и протягивая руку с бутылкой куда-то, будто ставя на полку. Что характерно – убрал.

А потом снова взял, и снова полную! И хлебцы, а потом батончики, все-все... и сожрал! И снова сожрал, но на этот раз ещё и с сушками, зачёрпывая сухим ломаным тестом икру минтая из криво вскрытой банки. На нервной почве ел до набарабаненного пуза, до отрыжки и икоты. Но... похуй! Не эльфа же мне стесняться? Дохлого.

– Охуенчик! – а потом взгляд упал на ёбанный барьер, и настроение испортилось так, что... ну жопа ведь, а? Казалось бы, такой подарок судьбы... Не бог вещь что, но теперь у меня ВСЕГДА есть с собой еда, одежда и оружие. Какое ни есть. Не легендарное, не эпическое, а просто железяка... которая обнуляет любой эпик!

Теперь, если дела пойдут совсем херово, я могу банально заныкаться и уйти в «автономку». Засада только в табаке и пожалуй – бабах. Помолодевший организм требует своего так, как не требовал в шестнадцать! Правда, скорострельность тоже вернулась...

Я, по-видимому, по меркам моих рас ещё совсем пиздюк, отсюда и все проблемы пубертата. Прыщей пока нет... но подозреваю, что это пока!

В общем, всё бы хорошо, кроме скорострельности (и воз-

можных прыщей), но это всратый барьер обнуляет все радости от полученных вкусняшек.

– Ладно, – говорю тягуче, – будем поглядеть!

Вся надежда, если честно, на авось, да на счастливый случай и пресловутую лампочку Ильича, долженствующую вспыхнуть на пыльном чердаке моего разума. А на что ещё? На физику с химией? На креативность?

– Кстати... – ружьё призывалось дольше, я даже успел проголодаться и снова пожрать – на сей раз умеренно. Но призывалось-таки, и тут настроение снова просело. Уверенно опознаю МР как, сука, «алхимический метатель»! Восемь патронов, двенадцатый калибр, и даже патроны восстанавливаются... по одному в сутки!

– А обычные, я так понимаю, хуй подойдут? Ага... херовато! Из качественного оружия для городских боёв вышел резерв для выживальщика. А «Калашки» у нас в последнее время сбоят, и чует моя чуйка, что перейдём мы на арбалеты. Ладно... будем решать проблемы по мере возможностей!

В принципе, ситуация с ружьём в иное время не стала бы критичной. Возможность не таскать оружие «последнего шанса» на себе, а хранить где-то подпространстве, призывая его в нужный момент, дорогого стоит. И вода, да...

Вот только здесь и сейчас получается так, что я могу рассчитывать только на восемь патронов, а потом – в рукопашную! А оно мне надо? Тот факт, что я, оказывается, могу чего-то в рукопашную даже с холодняком, не равен – хочу!

– А может... – в голове вспыхивает безумная надежда, и я трачу чуть не час субъективного времени на попытку достать что другое. Да что угодно, блять!

Полторашку разливного, которое помню до последнего пузырька, с шипеньем вырывающегося из-под отвинчивающейся крышки, до последней хмельной горчинки...

– Хуй там, – констатирую печально, пытаюсь вытащить откуда-то сигареты, патроны и любимую чайную чашку из Натахиной молодожёнки.

«Кстати, нужно подойти и забрать! – мелькает мысль, – Не самому, понятно, а через третьи руки. Нанять кого-то и... всё ж таки памятные вещицы»

– ... и не инвентарь, – озвучиваю на планшет получасом позже, – А если инвентарь, то какой-то другой!

Достаю из подпространства и ставлю назад только вещи, которые были со мной с самого начала.

«Х-ха! С начала Конца Света!»

Патрон, камешек собственный волос и ещё десятки самых разных вещей остались на месте, не желая пропадать в подпространстве. По полям попытки вызвать интерфейс и прочее, прочее...

– Только срать захотел! – зло бурчу я, окидывая взглядом территорию, – Вот только срать на улице... не приучен, чай не из Гейропы!

«Сука, и я туда же! Вот что пропаганда животворящая делает!»

Да и время пусть даже остановлено, но... а вдруг? Может, сцена со срушим мной отпечатается в мозгах всех-всех-всех, включая зависшую над Городком стаю ворон?

Мозг на полном серьёзе загрузился задачами дефекации, и наверное, только откровенная бредовость лезущих в голову мыслей привела меня в чувство. Потерев уши, попрыгал по-боксёрски, выкидывая двочки и проводя красивые комбинации с лоу.

Привычные действия перезагрузили башку, и я начал соображать малость получше.

– Походу, подсознание фортели выкидывает, – гляжу на отдельно лежащий самоцветный браслет, – Разминирование, да? Сапёр ошибается один раз...

Сразу я ничего не придумал, зато в голову полезли варианты действий уже после отключения поля. Вариантов, собственно, два:

Во-первых, хватать Славку и Чудо в охапку и валить за периметр, оставляя Серёгу в плену и надеясь забрать его когда-нибудь потом.

Во-вторых – хватать их в охапку и пробиваться к Серёге, и далее действовать вместе с ним.

Другое дело, что Пирог сидит в мастерских чуть дальше, вглубь территории Военного Городка, а до момента начала погони у нас будет плюс-минус минута, в лучшем случае три. Пока опомнятся солдатики, пока по инстанциям наверх, пока обратная реакция пойдёт...

Нет, так-то может и больше времени пройдёт, но лучше рассчитывать на ретивого, мать его, кшатрия, а не на классического захоластного штабного «от сих до сих». Такой не рвётся в бой и не горит желанием примерять на себя ответственность за что бы то ни было, кроме гарантированного успеха.

– Кшатрии, значит... – открыв планшет, ещё раз смотрю на карту и прикидываю расстояния. Опираясь на фундамент расстояний, начинаю вносить в это уравнение данные о наличии поблизости казарм, учебных классов и прочих сооружений. Заканчиваю переменными в виде привычных маршрутов передвижения солдат, с поправкой на условия военного времени и боевую тревогу.

Времени в принципе хватает на то, чтобы подхватить Славку с пиксей, кинуть в Тойоту Лэнд Крузер, стоящий метрах в двадцати, и свалить через проломы в стене. С гарантией. Даже если он не ходячий после столкновения с барьером, сил дотащить рептилоида до автомобиля у меня точно хватит.

– А заведётся? – я вспомнил о начавшихся проблемах с техникой, и засомневался было.

– Должна, – постановил я, приглядевшись к номерам. Автомобиль этот из «трофейных», и мы делали ему ТО, вроде как доказывая «Таш генералу» и его окружению свою техническую грамотность.

Грамотность доказали, и майор (ставший таковым из стар-

леев) Петрищенко получил свою «ласточку», а я... то есть мы с Пирогом – «ручную» технику. По идее.

– Ага... – ещё раз просмотрев все расчёты, а потом ещё раз...

... с тоской в душе подошёл к браслету. И водичкой его, водичкой!

– Текущая вода очищает всё зло и наносное, – бормочу вслух поливая его из бутылки. А потом ещё раз, ещё...

– Ни хуяшечки! – кусаю губы, но дальше методы только такие... вообще уж рискованные. А меня всё подпирает...

Плюнув на всё, раскорячился над кучей артефактов и навалил на них свою кучу. Кучищу! Вместо бумажек использовал одежду эльфа – те места, что с гербами.

– Символично, – киваю удовлетворённо и прикидываю – снимать, не снимать? Пошлятина рвотная, эт да... но, сцука, символично! И пощёчина педрилам всяким ушастым, не без этого... хе-хе-хе!

Решив, что съёмка, скорее всего, всё равно «тренировочная», снял-таки, комментируя в стиле Саша Барона Коэна.

– Не хочешь, да... – снова подступаю к браслету и долго стою, не решаясь, – кровью, значит? Ну, попробуем!

Резанув по запястью, полил браслет кровушкой и добился слабого свечения, на чём все спецэффекты и закончились.

– Ага... – руководствуясь вообще уж наркоманской дурью, читанной невесть где и невесть у кого, подхватил за длинные волосы отрубленную башку и потряс над артефактом. Кровь

из головы почти вся вытекла, но почему-то не сворачивается даже на асфальте. Парит... как свежая.

Трясу с ожесточением, и с каждой упавшей на браслет каплей сияние разгорается всё сильнее.

– Ага... – руки трясутся, но если я посчитал правильно, но плюс-минус так и должно быть... Если это Системная логика, разумеется! А если нет...

– По праву победителя!

Увязав отрубленную башку в майку, привязываю себе к поясу и надеваю браслет, встав предварительно поближе к падающему Славке.

... едва успеваю его поймать, повалившись на асфальт вместе с рептилоидом. Подхватив его подмышками, волоку к Тойоте и...

... автомобиль, пикнув, распахивает двери.

– Моя ты ласточка, – умиляюсь я, – хорошая девочка! Сейчас, сейчас...

Затаскиваю Славку внутрь и хлещу по щекам.

– А?!

– Хуй на! Пиксю перевяжи!

– А, да... – он заторможенный и кажется – контуженный, но завозился на заднем сидении с Чудом. А я прыгаю за руль... и Ласточка завелась, едва моя жопа коснулась сиденья.

По газам... мысленно благодаря майора-долбоёба за затемнённые окна машины.

– Я свой, я свой... – твержу как мантру, пытаюсь накрыть Ласточку хоббитянским отводом глаз. Хер его знает, получается ли... Скорее всего, сработала привычка к «своей» машине, и к гаражам я долетел никем не остановленный, меньше чем за полминуты.

Душа просила полицейских разворотов «как в кино», но наконец-то заработали мозги, и к гаражам я подъехал плавно, как и полагается солидному майору Петрищенко. Заезжая задом, гляжу в зеркальце заднего вида...

– Пирог... ага, вижу, – он вытирает руки какой-то ветошью и выглядит немного напряжённым, – а это что за два опездола с ним? Охрана? А, похуй...

Майор Петрищенко медленно открыл дверь...

... и с водительского места кубарем выкатился кендер-полукровка, подсекая ноги одному из солдат и наставляя на другого ружьё.

– Прыгай, Серёга! – с бешеными глазами кричу на него. Кричу тихо – не самолётными децибелами, но соответствующими эмоциями.

– Привет, Володь, – неторопливо отзывается он, усмехаясь кривовато, – рад...

Он замолкает, и мы оба понимаем невысказанное.

– Ну! – тороплю друга.

– Я... – он отошёл вглубь гаража и похлопал по боку БМП, – на своей поеду. Ты со Славой?

Он заглянул в машину и качнул головой, поджимая губы.

– Да, лучше не кантовать... и парней отпусти! Свои. Отвечаю.

Наклонившись, Серёга спокойно отстегнул длинную цепь...

«Которая в моих глаза была явным признаком неадекватности командования Военного Городка. Ладно на цепь сажать, хотя такие тенденции говорят о душевном нездоровье лучше любых тестов от психиатра... но слесаря в гараже?! Это вообще что?»

... подошёл ко мне и помог подняться рыжеватому парнишке, держащемуся за голову, ушибленную при падении.

– Как ты... – начал я, но вовремя заткнул фонтан своего любопытства, – давай вперёд! Со стороны Каменного Лога стены нет, пока Центровые не подошли – валим!

– Я! Я! Я тебя нашла! – на Серёгу спикировала Милашка, топя его в словах, слюнях и нежности. К невысоким срочникам, которые «свои» пикся отнеслась как так и надо, не воспринимая за врагов или опасность.

Косясь на меня, солдаты забрались в БМП вслед за Пирогом и...

... как мы рванули!

«Время, время, время!» – пульсом колотится в виски. На «заднем дворе» Военного Городка уже началась суета. Подняли по тревоге какие-то вовсе уж тыловые подразделения, выгнали на улицы вольнонаёмных с оружием.

Но мы проскочили...

... почти. У пролома уже устанавливают какие-то металлические рогатки, растягивая на них колючую проволоку.

Какой-то толстый военный со смутно знакомой физиономией махнул нам рукой, приказывая остановиться. Серёга притормозил... а потом шевельнул спаренной тридцатимиллиметровой пушкой, и смёл на хер военного со смутно знакомой физиономией, колючую проволоку и ещё десяток вояк.

Мы вылетели из Военного городка, как камень из рогатки! Кажется, в нас стреляли...

... но это неточно! Переваливаясь на рывтинах, мы удалялись всё дальше от обстрела.

– Слава, звони Анвару – скажи, выбрались! – командую коротко, не столько даже «за надом», сколько из желания занять рептилоида делом, чтоб нервничал поменьше.

«Наверное, тру-вояки начали бы пробиваться к своим через весь Военный Городок или как минимум, нанесли бы „ощутимый урон живой силе противника“ и только затем удалились бы прочь. Но мы не тру и потому просто рады тому, что остались живы!»

Когда Серёга свернул в Каменный Лог, я поначалу было напрягся, но потом вспомнил, что он облазил весь Липецк, и знает все улочки, проулочки и тупики лучше любого краеведа. Доля сомнения всё ж таки осталась, и откровенно говоря, немного жалко Ласточку, для которой этот путь буквально на грани проходимости.

Тойта продирается по Логу вслед за БМП, обдирая бока. Каменный Лог, и без того достаточно заросший (а местами и замусоренный), и в лучшие свои годы походил на полигон для выживальщиков. После Зомби-апокалипсиса он как-то моментально одичал, обзавёлся стайными мертвяками и стал вовсе уж стрёмным местечком.

Мы ехали, ехали и...

– Сусанин ёбаный, – выдохнул Слава, озирая прерии Локации, – Карма у него такая, что ли?

Проехав километров пять вдоль реки, БМПшка Серёги свернула на длинную галечную косу, вклинивающуюся в реку, и я свернул за ним, заглушая мотор. Выбравшись из БМП, Пирог уселся на броню, бездумно глядя на текущую воду. Чуть погода, опасливо озираясь в мою сторону, к нему присоединились срочники, похожие, как матрёшки из одного набора.

– Приехали, – сказал я для затравки, усаживаясь по-турецки на горячие камни и доставая из подпространства воду, – будешь?

– Это как ты... – брови Пирого поползли вверх, но он справился с удивлением, – Буду! Инвентарь?

– Другая хуйня, – я поделился с ним сперва кинутой бутылкой воды, а потом своими открытиями и размышлениями, косясь то и дело на Славку. Рептилоид возится с пиксей, что-то ласково шепча ей и укачивая на руках, как ребён-

ка. От этого зрелища, и от вида окровавленной ткани вокруг культияпок, хочется даже не плакать, а выть в голос.

– Больно... больно! – услышал я горячечный писк и заморгал часто, отворачиваясь в сторону. Как же теперь...

– Не проедут? – мотанув головой в сторону портала, спрашиваю у Серёги внезапно охрипшим голосом. Пожав плечами, тот некоторое время молчал, а потом ответил неохотно:

– Не должны. Не сейчас, по крайней мере. Пока бой, пока... нет, не сунутся. Если вообще поймут.

– Надеюсь, – киваю, разглядывая друга. Он сильно помолодел и выглядит лет на шестнадцать-восемнадцать. Вместо ухоженной бороды неровная, клочковатая юношеская бородка. Гладкая лысина на куполообразной голове покрылась коротким, но густым рыжеватым волосом, да и сам он хоть и стать чуть пониже, но как-то распрямылся.

В принципе, ожидаемо... вот только в голове у меня странным образом сложился его нынешний облик с прежним. Ничего ведь, сука, общего, а как так и надо!

Как будто кто-то покопался в мозгах... хотя какое там кто-то?! Система и покопалась.

И мне это чертовски не нравится! Если она, Система, способна переписывать такие вещи, то сколько во мне нынешнем от того Владимира Николаевича Евгенова, лезущего по верёвке из окна молодожёнки несколько недель назад?

Разархивированные воспоминания кендера-полукровки легли в голову, как так и надо... а ведь так не должно быть!

Не должно, сука!

Да, я не выжил бы без умений, вбитых в деревенском ополчении, без отвода глаз и тому подобных вещей, которых на самом деле превеликое множество. Мелочи... но кирпичиков таких мелочей наберётся на целый Камаз!

Но я, сука, воспринимаю всё как должно, и только в моменты перехода в Локацию и обратно включается критическое мышление! А ведь таких несуразностей – до хуища! И все... все мы воспринимаем это как должное.

– А теперь вопрос, – озвучил я вслух, не в силах держать всё при себе, – зачем Системе, способной дописывать нам в мозг воспоминания виртуального детства, в принципе возиться с нами? Сколько там осталось от первоначальных нас, и сколько – добавилось Системой?

– И с какого вообще хуя, – продолжаю, распалившись до летящих слюней, – при таких божественных возможностях вся эта хуета с игроками бета-тестерами?! Наху-я?! Если есть Система с божественными возможностями, вплоть до тонкого вмешательства в сознание каждого из нас, то что делают тестеры?

– Как хотите, – выплеснув эмоции, я вял и спокоен, – но мне кажется, что ситуацию с Системой и игроками можно охарактеризовать как «обезьяны с гранатой». Может, их цивилизация деградировала, а может, цивилизация игроков вообще не имеет никакого отношения к созданию Системы, а просто нашла её и присосалась, как пиявка.

– В этом случае мы можем... – начал Пирог.

– Надежда, – перебил его Славка, – во-от такая...

Он показал пальцами расстояние, через которое не проскочила бы и монетка.

– Хуй с ним, – решительно сказал Серёга, – главное начать, а там посмотрим!

– Посмотрим, – сказал я угрожающе, прищурившись неведомо на кого.

– Так! – Серёга спрыгнул с брони, сбивая пафос момента, – давайте-ка, пока не забыли – записываем.

Угукнув, я надиктовал свои сообщения перед камерой планшета, продублировал их на диктофон, а потом и в блокнот. Мелких несуразностей касаясь игроков и Системы в голову набежал не один десяток.

Понятно, что большей части найдётся логическое объяснение и доказательствами чего бы то ни было они не станут, но мозговой штурм на то и придуман, чтобы накинуть говна в топку фантазии. Потому уже будем разбирать, что там можно рассматривать как доказательства, что – зыбко, а что – вообще дурь наркоманская.

– Вова... – Милашка тихо подёргала меня за кудри, – конфеты есть?

Я вздохнул прерывисто... и пикся, поняв меня правильно, посчитала нужным обидеться, надув губки и скрестив ручки на груди. Она стала выглядеть как маленькая, кавайная фрекен Бок с крылышками, и несмотря на очевидное несходство

типажей, общий посыл совершенно однозначен, а ментальное сходство с мультяшным персонажем доведено до абсолюта.

Топнув в воздухе ножкой, она резко ткнула рукой в сторону Милашки, и мне моментально стало стыдно.

– Прости, – тихо повинулся я перед крохой, выскребая в своих карманах конфеты и...

... неразменные батончики, да! Серёга, насколько я знаю, к сладкому почти равнодушен. Да и странные реалии Военного Городка с пайковыми сладостями, как-то не предполагают их наличия у пленного.

– Вовремя вспомнил, – бормочу вслух, снабжая Милашку стратегическим продуктом. Достав банку энергетика уже для себя, открыл её с шипеньем, и пикся начала забавно нюхать воздух.

– Нюх-нюх... – морща носик, она подлетела ко мне и бесцеремонно слизнула каплю с губы.

– Дай! – уверенно пискнула она, и выронив небрежно батончики, выхватила банку, которая для её роста смотрелась пивной кегой.

– Надеюсь, она знает, что делает, – несколько нервно сказал рептилоид, глядя на возню Милашки с покалеченной подругой. Он помог пиксям устроиться чуть в стороне, соорудив в расщелине большого валуна на стремнине подобие гнезда, и сейчас очень переживает, не в силах помочь в чём-то большем. Остаётся только присматривать за ними, да не

лезть...

... потому что Милашка, оказывается, умеет шипеть лучше любого рептилоида, а ещё очень, очень больно кусается!

– Ну... по идее да, – киваю, потихонечку наливаясь осторожным оптимизмом, – Они как бы на сладостях, да и вообще...

Развивать тему я не стал, хотя очень хотелось сказать, что это не люди, а наполовину растения и вообще неписи. Только не такие, как мы, а настоящие неписи. Сказочные персонажи, которых никогда не существовало. Программы, только очень качественные.

Но я прикусил язык, потому что... ну в самом деле, какая разница? Если считать Вселенную голограммой, то все мы являемся обычным набором кода! И вообще... какая, нахрен, программа?! Прелесть программа? Она пикся, и точка! А я кендер-полукровка, на четверть хоббит и ещё почти на четверть человек с каплей крови тёмных эльфов!

Подглядывать за Милашкой, ухаживающей за раненной подругой, было неловко. И всё-таки...

... немножечко подгляделось. Пикся отпаивала бессознательное Чудо энергетиком, нажёвывала ей батончики, и дивным образом выглядела не шаманом дикарского племени, а квалифицированным медиком.

– Давайте знакомиться, – сказал Пирог, собрав нас вместе и выталкивая вперёд своих ребят.

– Евгенов Владимир Николаевич, – представился я, – он же Вова, он же Володя...

– ... он же Товарищ Вова, – подхватил Слава эстафету. Солдаты осторожно улыгнулись, опасливо поглядывая на меня и не слишком далеко отходя от Серёги.

– Не кусаюсь, – усмехаюсь беззлобно и тыкаю пальцем в Славу, – а вот он может!

– Ага... – безмятежно произнесла змеиная башка Славки.

– Да ёб твою мать! – прыжок Серёги прервался естественным образом, бортом БМПшки. Следующие несколько секунд Пирог виртуозно матерился и прыгал на одной ноге, а когда закончил, оказалось, что пугаться в общем-то и некого...

... потому что зрелище хихикающей змеюки, удирающей от ударов сложенной жгутом потной майки, и вопящей дурашливым голосом «Не виноватая я!» – немножечко сюр, но уж точно – не жуть!

– Лёлек и Боек, – представил своих парней хромающий Пирог, – Да тьфу ты... Леонид и Борис.

– Можно Лёлек и Боек, – несмело улыгнулся один из них, – мы со школы привыкли.

Невысокие, худощавые, рыжеватые... они здорово походят на Серёгу, что я и озвучил.

– Не-не-не! – замахал тот руками, – Не родня! Цверги наполовину, вот и похожи.

Остановившись, Серёга нахмурился и хмыкнул, кусая

нижнюю губу.

– Не... – уже не так уверенно сказал он, – не может быть!
Нет... точно нет!

– Как тесен мир, – театральным шёпотом сказал Слава, подползя со спины и положив мне на плечо тяжеленную змеиную башку.

– Шут, – припечатываю его, скорее в качестве терапии для робеющих братьев.

Ночевать решили тут же, на галечной косе. Река эта горная, быстротекучая, холодная, с большим количеством порогов и перекатов, так что какой-либо серьёзной живности в ней не водится. Форель – да... а крокодилы и плезиозавры только местами, в заводях.

Лагерь ставили в сгущающихся сумерках, поглядывая то и дело на заходящее солнце. У запасливого Пирого в БМПшке нашлась и палатка, притом самошитая, но по большому счёту, в нашем климате она особо не нужна, так что поставили на случай дождя, да и то в общем-то зря. Серёга всё равно устроился возле БПМ, а я расчистил место около Ласточки.

– Как же тебя, бедную, твой предыдущий хозяин засрал, – сетовал я, вычищая из недр машины залежи всякого говна. «Тойота» мигала мне огоньками панели и попискивала сигнализацией, соглашаясь с каждым моим словом.

– Свинота натуральная твой бывший хозяин, – ругаюсь, выгребая окурки, фантики, пачки из-под чипсов и бог весть,

какую ещё дрянь, – Недавно ведь чистенькая была... ну ничего, ничего...

Пискнув что-то жалобное, «Тойота» потёрлась о меня передним сиденьем.

– Ко мне хочешь, девочка? Думаешь? – та запищала что-то утвердительное, но я сомневался, – Ты смотри, у нас работа такая, что всё по буеракам и оврагам! Постоянно чиниться и краситься придётся. Может, отдам тебя на Опытной в хорошие руки? Будешь по асфальту ездить, пить вкусный бензин – девяносто пятый, а иногда и девяносто восьмой... а?

– Ладно, ладно, – похлопывая её по рулевой колонке, – приедем на Опытную, поговорим.

Мыл я «Тойоту» уже в сумерках, таская воду в пластиковом ведёрце. Серёга, не без помощи парней, закончил обихаживать БМПшку и раскидывал вокруг стоянки паутинку из слабеньких охранных чар и рунных камней с кровавым начертанием из рыбьих потрохов. Дешёво и сердито, хватит на одну ночь... старая добрая классика!

– Товарищ Вова! – окликнул меня Славка, священнодействующий у костра, – Иди жрать, пожалуйста!

От костра пахнуло умопомрачающим запахом жареной форели, и в желудке у меня квакнуло.

– Иду, иду! Сейчас, фары протру ещё раз!

– Блять... – плюхнувшись у костра, выругался я, только сейчас осознав весь сюр ситуации.

– Что ж ты на камни-то с размаху... – по-своему понял

меня Пирог.

– Да нет... я с машиной разговаривал, прикинь? И она мне отвечала!

– А... – равнодушно отозвался Серёга, – признала, значит!

– Признала... – я вытаращился на друга, – ты знал, что ли?

– Вова, – насмешливо поглядел на меня цверг, – я слесарь! И работал в последние недели именно как слесарь! Естественно, я такие вещи знаю, как старая бабка «Отче наш».

– А Ютуб... – всё не успокаиваюсь.

– Было, – закивал Слава, нетерпеливо дую на рыбу.

– А... опять я что-то пропустил, да? – обвожу всех взглядом.

– Угум, – замычал рептилоид и зашипел, обжёгшись о слишком горячую рыбу.

– Ф-фу, бя... – перекинувшись пару раз в змея, Славка вылечил язык и снова ухватился за рыбу, – У тебя в эти дни расколбас был по части Наследия.

– А... ясно. Ладно, причина хотя бы есть, а не просто по тупости, – успокоился я.

– А чему ты удивляешься, Товарищ Вова? – ехидно покопился на меня рептилоид, перекинувшийся в нага и уютно устроившийся на нагретых за день камнях, – Ты же техномаг не из последних...

Серёга при этих словах улыбнулся еле заметно, но отмолчался.

– ... укротитель диких чайников и повелитель искрящих розеток!

Лёлек и Болек зафыркали осторожно, пряча лица за пустыми кружками.

– Ну, это другое... – проямлил я и задумался. А действительно, какого хера?! Можно сказать, эволюция в рамках Системы! Не Дарвиновская, но... а почему бы и не да?!

Чай допивали уже в темноте, сидя перед костром в медитативном трансе. Этакий походный уют, туризм выходного дня, когда ты уже преодолел и превозмог, осталось совершить последний рывок, и вот он, милый дом...

... и ещё более милый холодильник, душ и особенно туалет!

Спать я укладывался несколько расстроенный, потому что вспомнил, что среди «неразменного» мыльно-рыльного полно всякой фигни, но нет, мать её, обычной туалетной бумаги! А лет через несколько, сильно подозреваю, даже отрывные книжки Донковой станут ба-альшим дефицитом!

Несколько раз меня будила Милашка, требуя то батончиков, то энергетика, то лимонада для лечения подруги. Спросонья я не всегда реагировал правильно, и тогда пикся кусалась – сугубо в воспитательных целях, как я понял из её писклявых нотаций.

– Вова, – разбудил меня писклявый голосок среди ночи.

– Да-да, помню... – не просыпаясь, я достал из подпространства энергетик и батончики, – держи, Милашка.

– Вова! – оказалось, что пикся может быть очень увесистой, когда прыгает тебе на лицо и топчется босыми ножками по губам, – Как ты мог?

Маленькие, но сильные ручки вцепились в мои веки, задирая их вверх, и перед моими сонными глазами показалась Очаровательная Прелесть. А я...

... познал всю силу, глубину и ширину женской обиды! Как я мог оставить такую очаровательную пиксю и интересно приключаться без её, Прелести, участия! И вообще...

– ... Вова, – стенала Прелесть, прикладывая к своей груди крохотную ручку, а её губки дрожали от обиды, – ты понимаешь?

Я понимал... то есть, конечно же, я не понимал ни хрена, но был подавлен, разбит и повержен, а ещё – готов на любые репарации и даже контрибуции в её, Прелесть, пользу! Потому что в самом деле... ну как я мог!

Скандал набирал силу, громкость и обороты. Маховики семейных репрессий раскручивались, а я, придавленный виной и женскими слезами, начинал соображать помаленьку, что ситуация выглядит не слишком здоровой!

– Прелесть... – сказал я мягко, прерывая монолог, – ты...

– Блядь! Да ёб твою мать, что это за хуета...

Серегу матерился громко, искренне и от всей души, и нотки истерики в его голосе до чёртиков напугали меня. Подхватив из подпространства ружьё, пружиной подскакиваю из положения лёжа и бегу на шум, готовый в любой момент

стрелять. Но...

– Еба-ать... – протянул я, подтягивая трусы и делая шаг назад, – это что за...

– БМПшка, – нервно отозвался Пирог, замерший враскоряку и дышащий через раз, – мутировала.

– Ага... – прячу МР сперва за спиной, а затем и подпространстве, делая ещё несколько шагов назад. Я не ссыкло... это так, что видеть картину целиком!

Но на всякий случай периферийным зрением нащупываю пути отхода и готовлюсь сигануть в реку, а там не хуже форели, если вдруг что! По стремнине, через пороги...

... подальше!

– Вова... – растерянно позвала меня Прелесть, уткнувшись в самое ухо и отчаянно его слюнявя, – а это что такое?

– Если б я знал, маленькая, если б я знал...

Пискнув сигнализацией, «Тойота» тронулась с места и ткнулась бампером мне в бедро, прося ласки. Погладив машинально тёплый металл, перевожу взгляд на БМП, потом на Пирого...

– Серёг... вот честно – что ты там экспериментировал, что бы получить вот...

Не находя нужных слов, и немножечко опасаясь задеть чувства одушевлённой железяки, тычу рукой в БМП.

– ... вот это?

– А... – он кривовато улыбается и делает шаг вперёд, осторожно прикасаясь к металлу брони. БМПшка радостно загу-

дела двигателем, и привстав на суставчатых лапах, шагнула вперёд, поближе к хозяину.

Осмелев, Серёга погладил её и сказал несколько ласковых слов, на что боевая машина завиляла всем телом, став похожей на огромную псину. Жукообразную.

– Интересное создание получилось, – дипломатично заметил нервничающий Слава, и я закивал. Очаровательная Прелесть, прячущаяся у меня за головой, запищала что-то опасно, держась за волосы, и кажется, попытавшись зарыться в давно нестриженные кудри.

– Да... интересное, – соглашаюсь с рептилоидом, обозревая жукообразную БМПшку и не забывая поглаживать «Тойоту». Кстати... обернувшись, осматриваю детище японского автопрома.

– Вроде нет? – неуверенно спрашиваю у Славы, на что тот пожимает плечами. Автомобиль, почувствовав внимание, запищал, замигал...

– Хвастается, – растерянно перевожу Славе, – она... хм, хорошая девочка, и за ночь стала ещё немножечко лучше. Хм... а если я буду кормить её вкусным бензином и хорошими маслами, а потом дам немножечко хорошей стали и резины, то она ещё больше... хм, эволюционирует.

– Вот прям словами? – брови рептилида уползли далеко вверх, уйдя за линию волос.

– Да ну... образами, запахами... – ещё раз глажу «Тойоту» по бамперу, – моя ты хорошая девочка, хорошая... умница!

«Девочка» запищала сигнализацией, заморгала фарами и кажется...

... описалась от радости. Ну или просто масло протекло. Не уверен, что эти события взаимосвязаны.

– Ага... – повторяю ещё раз и отмахиваюсь от Славы. Я, кажется, ненароком признал себя хозяином «Тойоты», когда назвал её «моя ты хорошая девочка». Теперь она при хозяйне, то бишь при мне, а...

... мы в ответе за тех, кого приручили. Наверное, одушевленный автомобиль по нынешним меркам – охренеть какое преимущество! И судя по Серёгиной БМПшке – не так, чтобы вовсе уж крутое исключение из правил и слом Системы. Наверное...

Пирог тем временем осторожно знакомится с БПМ, а у меня в голове – ну полное непонимание того, как боевая машина могла за одну ночь мутировать в... это? Получилось нечто жукообразное, с торчащим хоботом-стволом, жесткими надкрыльями брони и...

... крыльями, судя по всему – из парашютного шёлка.

– Оно ещё и летает, – сомнабулически сказал Слава.

– Не факт, – я настроен более скептически, пытаюсь прикинуть вес стального голема.

– Хорошо, пусть подлётывает, – пожал плечами рептилоид, не отводя немигающих глаз от БМП.

– Ну... – я открыл было рот, потом покосился на «Тойоту» и закрыл. Этого же не может быть... но, сдука, есть!

Чувствуя моё внимание, маунт замигал фарами и приоткрыл передние дверцы. У меня сразу вылезли ассоциации с огромной добродушной псиной, вывалившей язык.

– ... хороший мальчик, хороший, – доносится от Пирога. Он уже полностью успокоился и явно воспринимает БМП как питомца. А тот в полном восторге! Виляет дулом пушки, открывает надкрылки... они же боковые дверцы в десантный отсек. Наверное... не знаю даже, как классифицировать железную анатомию «Мальчика».

Опёршись на капот автомобиля, смотрю, как Пирог знакомит с БМПшкой Лёлека и Болека, и вот не могу сказать уверенно... Но впечатление такое, будто добродушная железная псина восприняла их не то младшими членами стаи, не то щенками Пирога. Пахну́ло от него чем-то этаким, снисходительным.

Пискнув, «Тойота» чуть подалась вперёд, и я отошёл в сторонку.

– Чего тебе? А... знакомится... ну давай, давай!

Попищав немного сигнализацией и клаксоном, машина покатила осторожно вперёд, вся такая внезапно по-кавказски заниженная. БМП замёр, развернулся осторожно мордой в сторону «Тойоты» и вильнул пушкой, развёрнутой назад.

Осмелевшее дитя автопрома подъехало ещё чуть ближе и я помотал головой, пытаясь избавиться от ассоциации двух знакомящихся собак. А когда они обнюхали друг дружку в районе выхлопных труб, ассоциация вернулась, и не одна, с

друзьями.

Чуть погода так же осторожно с БМПшкой обнюхались и все мы.

– Это свои, Мальчик, – настойчиво повторял Пирог, стараясь не смеяться при виде мой опасливой раскоряки и морды БМПшки в паху, – свои! Друзья, понимаешь?

Мальчик ещё раз ткнулся мне в пах, попыхтел двигателем, и в этих звуках мне послышалось... или привиделось, не суть. В общем, увидел я картины интересной (для БМПшки) игры, в которой мы играем в догонялки и кидаем палки соответствующих размеров. Озвучил вслух, и Серёга покивал, а БМПшка вильнула пушкой и ткнулась в меня тёплым металлическим боком, радуясь сообразительности хозяйского друга.

Пикси отчаянно трусили, но познакомились с БМП и были восприняты вполне благосклонно.

«А „Тойоты“ они не испугались, – помечаю машинально, – почему? Чувствуют травоядное, то есть отсутствие вооружения у автомобиля, или ещё что?»

Завтракали, поглядывая на «Тойоту» и «БМП», играющих на галечной косе. Разговоры особо не шли, в основном всякие междометия и предлоги вперемешку с кивками на машины, и разумеется – матерком. Даже для постапокалиптического мира сценка с привольно резвящейся механикой, мягко говоря, необычна.

«Скорее всего, что-то подобное происходит сейчас по все-

му миру, – подумалось мне, – очередная перезагрузка Системы или догрузка нашего мира, здесь хер разберёшь. Сейчас, наверное, по всему миру такие случаи, а интернет завален десятками тысяч видео с ожившими машинами»

Прелесть, немного освоившаяся, летает за ними с моим планшетом, страшно гордясь своей храбростью и причастностью к профессии блоггера и журналиста. С математикой у Прелести не очень, но что «миллионы просмотров» это необыкновенно много, она уже в курсе. Её снедает жажда деятельности и славы.

– Как щенята, – внезапно сказал один из братьев, глядя на резвящиеся машины.

– Да, – отозвался Пирог чуть погодя, – есть в них что-то такое.

– Вова! – подлетела ко мне Прелесть, приземляясь на плечо и протягивая планшет, – Капни ещё крови, эта почти высохла!

Снова надрезаю уже почти зажившее предплечье, капаю, пикся тут же отталкивается от меня, и я слышу удаляющийся писклявый голосок. Комментарии у неё весьма своеобразны, но харизмы Прелести не занимать.

– ... значит, руны? – упорно вытягиваю у Пирога историю преобразования БМПшки.

– Угу, – отзывается тот, разрываясь между завтраком и приглядом за Мальчиком, – я тебе потом всё на флешку скину, сам глянешь. Целиком, считай, разобрал БМП, из хлама

восстанавливал.

– А руны... – не отцепляюсь я.

– На каждую деталь почти что и наносил, – отозвался Пирог, не поворачивая головы, – некоторые продублировал на разных языках. На вот... перекинь себе на телефон.

Покопавшись в карманах, он отцепил от брелка флешку и дал мне. Не теряя времени, вставляю её в телефон и наскоро проглядываю инфу. Что сказать... навалено без особой системы, но я уже сейчас могу сказать, в чём он ошибся. Не... не потому, что я такой гениальный, просто вычислять ошибки по факту, уже свершившиеся, вылезшие на поверхность, много легче, чем НЕ наделать таковые во время работы.

Древние языки многозначны, а некоторые слова имели изначально другое значение. Там, где Серёга гравировал «передвигаться», подразумевая естественный для современного человека способ – то есть «катиться», в языке изначально было «идти». Вот и вышло, как вышло...

Разумеется, я не лингвист... но сложно не понять суть ошибки, когда вот они, последствия – бегают на суставчатых лапах по галечной косе!

Бегали, к слову, недолго. Несколько минут, и техника устала, причём как я понял из попискиваний и гудков Ласточки, без хозяев внутри себя они «устают» очень быстро. А без хозяев в пределах прямой видимости могут разве что фарами мигать и сигнализацией гудеть.

– Ага... – подытожил я переданные «Тойотой» образы,

оставив размышления на потом. Сперва надо уложить в своей голове и понять, что из этих техногрёз правда, а что – домыслы собственного мозга, укладывающего чуждые картины удобным для себя способом.

– Кстати... – заглянув в пластиковое ведёрко из-под шашлыка, найденное в недрах Ласточки, проверил голову эльфа, пересыпанную солью. Зрелище... впрочем, привыкший к расчленёнке мертвяков я разве что поморщился слегка. Не слишком аппетитно, конечно...

– Сработало! – перебил мои мысли Серёга, – Вов, по твоему методу попробовал из подпространства достать, что со мной в тот день было. Сало копчёное, домашнее... будешь? С чёрным хлебом!

– Спрашиваешь! – оживился я, закрывая ведёрко и спеша на запах, – О, ещё и с прожилками! Живём!

С помощью Прелести, поднявшейся в воздух с планшетом, сориентировались примерно, в какой части Локации мы находимся. Примитивные кроки, выменянные у гоблов, у нас есть. О-очень упрощённые схемы, с ориентирами типа «скалы, похожей на голову Г'Хыра» и днями пути вместо нормальных расстояний.

Но хоть что-то... ориентироваться более-менее можно, и пусть скорее «менее», чем «более», но и то хлеб. Территория Локации, по приблизительным прикидкам, тянет на половину Липецкой области по площади, и это не считая мелких

ущелий и потаённых долинок. Так что лучше такие кроки, чем вовсе никаких!

Проблема оказалась одна – маршрут. На своих двоих мы пройдем где угодно (главное, не лезть в стойбища огров), а вот с машинерией – беда... Здесь много горных речушек, оврагов и обрывистых холмов, что придаёт живописности, но вот с проходимостью большие проблемы.

Настроение начало портится, потому как пешком мы дошли бы до Фактории максимум дня за три, а теперь...

– Как бы на пару недель не затянулся наш Анабазис, – озабоченно сказал Слава. Лёлек и Болек всё больше помалкивают – они, такое впечатление, несколько меня побаиваются... Интересно, почему?

– Могёт быть, – согласился Пирог, – возвращаться часто придётся, это я тебе как дед Ванг говорю. У Мальчика проходимость неплохая, да и крылья, я думаю, он не зря отрицивал. А вот твоя «Тойота»...

Поняв, что речь идёт о нём, БМПшка замигал, загудел, и Серёга провалился в транс, обмениваясь мыслями с железным маунтом. Несколько секунд...

... и Мальчик, распахнув крылья парашютного шёлка, взмыл в воздух. Летит он тяжело, надрывая пространство... но ведь летит!

– Ебическая сила! – выдохнул Слава, задирая голову. Кажется, я тоже что-то сказал... но это неточно!

В этот момент Мальчик с гуденьем пронёсся над «Той-

отой» и подхватил её суставчатыми лапами, снова взмывая вверх.

– ... отпусти! Я кому сказал – отпусти!

Схватив мокрую майку, которой только что гонял Славу, я побежал следом, не думая ни о чём, а только переживая за свою железную Ласточку, испуганно верещающую в высоте. Из неё капало то ли масло, то ли бензин...

Десяток секунд... и БМПшка аккуратно приземлила автомобиль, секундой спустя усевшись рядышком. «Тойота» почти тут же рванула ко мне, спрятавшись за спину и жалуюсь на Мальчика, дрожа всем корпусом.

– Ничего, маленькая, ничего... – ласково глажу её по лобовому стеклу, – ишь, хулиган какой!

Прелесть тоже прониклась сочувствием (хотя не забыла снять происходящее на планшет) к автомобилю, и усевшись на руле, пискляво рассказывала что-то утешительное, строя планы мщения.

– ... маркерами! – воинственно обещала она, не забывая снимать, – Прямо на лобовой броне! Несмываемыми!

БМПшка притих, только сейчас сообразив, что сделал что-то не то... Серёга как следует отругал Мальчика, а Ласточка попискивала из-за моей спины что-то гневно-жалобное...

– ... мы – пикся! – пискляво сообщила Прелесть в камеру планшета, строя планы уж-жасной мести Мальчику, а я помотал головой и присел прямо на тёплые камни, привалив-

шись спиной к металлическому боку Ласточки.

В голове не мысли, а сплошной компот с винегретом. Пытаюсь собрать мозги в кучку, но в уши ввинчивается пронзительная писклявость мелких созданий. К Прелести присодинилась Милашка и...

Привстав, я заглянул в салон «Тойоты» и увидел Чудо. Всё ещё слабенькую, но бойкую и держащуюся вполне уверенно...

– Отрастают ножки, – шепнул мне Слава, растекаясь рядом со мной всей своей чешуйчатой тушей. На змеиной морде улыбка наркомана, словившего приход.

Я кивнул, сдерживая эмоции, но получилось, если честно, так себе... Да и ладно!

Млея под солнцем, слушаю краем уха планы грозной мести и не хочу ни о чём думать. Думать не хочется, да и не получается. Слишком много всего произошло за последние сутки, и нужно уложить все события в голове, а думать...

... это потом!

– Вова! – ввинтился в уши голосок Прелести, и я приоткрыл глаза. Перед моим лицом в воздухе зависла пикся, держащая на вытянутых руках планшет с себя ростом. Точнее, я вижу только планшет, босые ножки внизу и крылышки по бокам артефакта. Зрелище...

... я невольно улыбаюсь в камеру.

– Вова! – повторяет пикся, держащая планшет без малейшего напряжения, – Скажи что-нибудь моим и нашим смот-

рителям, свидетелям и слушателям!

Повернув планшет к себе, Прелесть без особой нужды общается в камеру...

– Мы – пикся!

... и снова поворачивает планшет ко мне.

– Да, – поддерживает её Слава, широко улыбаясь во всю свою змеиную пасть, – скажи им что-нибудь, Товарищ Вова!

– Ну... – я покосился на него, не без оснований подозревая, что повод произнести моё прозвище на камеру рептилоид искал давно. А мыслей, как назло, всё никак не находилось...

– Вот так и живём, ёпта, – развёл я руками, – сами всё видели!